

Академия наук СССР
Институт русского языка

Русская речь

3

МАЙ
ИЮНЬ

1989

Научно—популярный журнал

Издается с января 1967 г.
Выходит 6 раз в год

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 3 *В. Н. Белоусов.* О некоторых национально-языковых проблемах

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина

- 11 *А. Н. Архангельский.* Пир милосердия
16 *Ю. А. Немировская.* Штрихи к портрету писателя.
«Заезжий фигляр» у Пушкина
24 *В. Э. Вацура.* Из записок филолога. «Стансы вино-
граду»
К 100-летию со дня рождения А. А. Ахматовой
28 *Э. Г. Бабаев.* Сокровенная речь
33 *Р. Д. Тименчик.* Чужое слово у Ахматовой
37 *О. Г. Щербинина.* «Не звукоподражание, а душе-
преображение...»
К 90-летию со дня рождения Л. М. Леонова
41 Уроки Леонида Леонова

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 47 *Евгений Замятин.* Рассказы и заметки

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

- 60 *Булат Окуджава*

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 68 *Л. А. Шкагова.* Счастлив тот, кто счастлив в семье
71 Из Нормативно-стилистического словаря русского
языка

СПОРНЫЕ СЛУЧАИ ОРФОГРАФИИ

- 76 *В. Ф. Мейеров.* Мелочовка или мелочёвка?

ТЕРМИНОЛОГИЯ

- 79 *Л. А. Морозова.* Что такое многозначность слова?

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

К 125-летию со дня рождения А. А. Шахматова

- 83 С. В. Смирнов. Свет вечной правды
87 И. Г. Добродомов. Знаменитый славист
-

СРЕДИ КНИГ

- 93 Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков
94 А. И. Моисеев. Звуки и буквы, буквы и цифры...
-

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 97 Л. П. Борисова, Е. С. Отин. Жизнеописание, адресованное потомкам
103 Л. Н. Макеев. Древнерусские личные имена в надписях Новгородского Софийского собора
-

Находки и гипотезы

- 107 А. Н. Ужанков. Кирилловская письменность на Руси
113 Из Этнолингвистического словаря славянских древностей. Битье посуды
-

117 ХРОНИКА**РУССКИЕ ГОВОРЫ**

- 119 Т. С. Коготкова. Из заметок диалектолога. «Нагпув-шись под балчук...»
-

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 123 С. Н. Азбелев. Герои русского эпоса. Михаил Скопин-Шуйский
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 130 В. М. Мокиенко. Какого рожна?
136 Т. А. Лисицына. От дробы к минутам и секундам
За знакомой строкой
140 М. Г. Искрин. «...Гадатель, толкователь снов»
144 Т. В. Горячева. «Автомедоны наши бойки...»
-

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- 146 Н. А. Каламова. Имя числительное
151 Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский университет (1988)
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- 153 Ленивиана, Пушкиниана
154 Как появился фломастер
157 Игротека «Русской речи»
Жизнь – крутые «обороты»
-

159 СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ**152 КРОССВОРД**

Обложка выполнена Е. Сапожниковой

Рисунок с портрета А. А. Ахматовой – Б. Захарова

© Издательство «Наука», Русская речь, 1989.

О некоторых национально-языковых проблемах

В. Н. Белоусов,
кандидат филологических наук

Стрейшие проблемы языковой жизни нашего общества возникли, разумеется, не вдруг. Назревали они давно. И немалое количество статей и писем как в центральной, так и в республиканской печати, о чем уже говорилось в предшествующей статье на эту тему (Русская речь. 1988. № 2) – вполне естественная в современных условиях реакция на недостатки и упущения в сфере языковой политики. Нет ничего удивительного и в том, что много писем пишут люди, не занимающиеся профессионально лингвистикой. Ведь язык в жизни почти каждого человека занимает столь большое место, что многословно говорить об этом едва ли стоит. Как правило, в периодике своими размышлениями по языковым проблемам делятся писатели и ученые-обществоведы – прежде всего философы, этнографы, историки и юристы. А вот лингвисты выступают редко (впрочем, относится это к центральным изданиям, в республиканских же – положение иное).

Однако проблемы межнациональных отношений, в первую очередь – состояние и перспективы языковой жизни общества волнуют лингвистов в не меньшей степени. Именно об этом шла речь на всесоюзных и республиканских конференциях языковедов, на расширенных, с приглашением специалистов из всех республик, заседаниях Отделения литературы и языка АН СССР, на «круглых столах», проведенных в Институте языкознания АН СССР. Не стоял в стороне и Институт русского языка АН СССР, тем более, что одним из постоянных «героев» различного рода дискуссий является русский язык как средство межнационального общения народов нашей страны. Интересные и живые обсуждения, жаль только,

что информация о них почти не выходит за пределы круга специалистов.

В этом очерке нет изложения взглядов тех или иных лингвистов на затронутые здесь темы. Не ставит автор своей целью и последовательный пересказ всего того, что было на встречах лингвистов. Это, скорее, непретенциозные заметки в связи с тем, что волнует сегодня многих говорящих и пишущих на темы языковых проблем нашего общества.

Первое, о чем хотелось бы сказать и что обсуждается весьма горячо, с выражением различных и подчас противоположных точек зрения — это вопрос о государственном языке. Высказанные на этот счет мнения могут быть представлены в следующем виде: 1) статус государственного должен иметь язык коренного населения союзной республики; 2) статус государственного должны иметь языки коренного населения союзной и автономной республик; 3) в союзной республике должно быть два государственных языка: язык коренного населения и русский язык как средство межнационального общения народов СССР; 4) в автономной республике должно быть несколько государственных языков: язык соответствующей союзной республики, язык коренного населения автономной республики и русский язык; 5) русский язык должен иметь статус государственного (или — общегосударственного, общесоюзного) языка; 6) русский язык не должен иметь какого-либо статуса. Заметим здесь же: далеко не все (в том числе и автор) считают, что наделение какого бы то ни было языка или языков статусом государственного разом устранил все языковые проблемы. Тем более, что все языки народов СССР в силу объективных причин таким статусом обладать не могут.

Как известно, в некоторых союзных и автономных республиках (Азербайджане, Армении, Грузии и Абхазии) национальные языки относительно давно имеют статус государственных. В последнее время решения об аналогичном статусе языков коренного населения приняты и в прибалтийских республиках. Что же касается других республик, то и там в большинстве случаев довольно активны процессы, которые, по-видимому, могут привести к установлению такого же статуса национальных языков.

Безусловно, всемерная забота о национальном языке — естественное право и даже долг всех народов. А если всех, то почему в таком случае не поставить вопрос и о статусе русского языка, который, между прочим, не только средство межнационального общения, но еще и национальный язык? Не исключено, что некоторые оппоненты не преминут обвинить нас в отступлении от ленинской национально-языковой политики или даже навесить ярлыки

великодержавных шовинистов и «ассимиляторов». При этом чаще других используются следующие два аргумента.

Аргумент первый. В. И. Ленин сказал: «За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 302) и «...обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиваем» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 295). Эти слова, по мнению оппонентов, ни к какому другому языку, кроме русского, отнесены быть не могут.

Действительно, здесь в более широком контексте речь идет о русском языке. Но, вспоминая ленинские слова, наверное стоит вспомнить и современную им конкретно-историческую обстановку, языковую ситуацию в стране, а также то, в связи с чем В. И. Ленин высказался по поводу государственного языка. Дело, думается, не в букве, а в духе ленинского понимания языковых проблем. «Ленин не случайно считал, что в нашей стране правом государственного не должен пользоваться ни один из языков, поскольку неизбежен в этом случае приоритет одного над другим, а следовательно, и неравенство», — так полагает Г. В. Колбин, первый секретарь ЦК компартии Казахстана (Лит. газета. 1988. 7 дек.). Нельзя не задуматься: только ли с русским языком в случае придания ему статуса государственного может быть связано принуждение? Недвусмысленный ответ содержит целый ряд писем и статей, но здесь приведу только одну небольшую выдержку из статьи аспиранта Института языкознания АН СССР К. Катаняна: «Национальный язык союзной или автономной республики после официального объявления его государственным должен стать основным языком. Его должны знать (разрядка моя. — В. Б.) не только коренные жители, но и постоянно проживающие там представители других национальностей» (Советская культура. 1988. 22 дек.). А как быть с тем, что «мы отстаиваем полную демократию, полную свободу и равноправие языков»? (Ленин В. И., Полн. собр. соч. Т. 24. С. 238).

Аргумент второй. Русский язык добровольно принят народами СССР в качестве средства межнационального общения, зачем же ему еще какой-то официальный статус?

Действительно, русский язык признан средством межнационального общения народов нашей страны. Но можно ли сравнить правовое положение языков, обладающих и не обладающих определенным статусом? Это уже не лингвистическая епархия, поэтому — слово юристу. Например, кандидат юридических наук О. Сепецкий пишет, что закрепление в республике национального языка «в качестве государственного совершенно правомерно создает юридические гарантии пользования языком вплоть до судебной за-

щяты такого права. А как с русским языком — языком общения всех народов Советского Союза? Выходит, что такой правовой гарантии он не получит, и обжаловать действия должностных лиц, не желающих вести разговор или переписку на русском языке, гражданину будет негде. Даже если исключить бытовые „недоразумения“, то могут возникнуть и другие правовые сложности» (Советская Эстония. 1988. 8 авг.). Такие сложности и «недоразумения» из области предположений перемещаются, к сожалению, в реальность. «Правда, иногда ссылаются на различные бытовые конфликты на базе языка, — пишет А. — Р. Терещинг. — Действительно, такое бывает, к сожалению, но это — не следствие того, является эстонский язык государственным или нет. Вполне понятно, что люди, работа которых связана с общением (врачи, продавцы, работники государственных учреждений, милиции и т. д.), обязаны знать и использовать оба языка. И если в официальных учреждениях не хотят говорить с русскоязычным клиентом по-русски, то это нарушение Конституции. Мне понятны опасения русскоязычного населения Эстонии, не осложнится ли их жизнь из-за введения эстонского в качестве государственного языка. Естественно, нет» (там же). Хотелось бы, чтобы такой же уверенностью прониклись и те, кто пишет о недостаточной информации в русскоязычной прессе, о нежелании слышать сказанное по-русски, о попытках ввести обязательное обучение тому или иному языку. Пока же для русскоязычного (и не только) населения прибалтийских республик вопрос о том, каким будет статус русского языка после придания статуса государственных национальным языкам является одним из самых острых (Правда. 1988. 14 дек.; Известия. 1988. 26 нояб.; Комсомольская правда. 1988. 21 нояб.; Советская Эстония. 1988. 26 мая и др.). Впрочем, не только этого региона.

Хотелось бы упредить своих возможных оппонентов. Во всех этих рассуждениях нет ни грана желая негативно квалифицировать предоставление статуса государственного тому или иному национальному языку. Речь о другом: в условиях, когда ряд национальных языков имеет такой статус и существует тенденция к расширению этого ряда, целесообразно четко и недвусмысленно определить статус русского языка. В этом нет ничего предосудительного. Ситуация тем более кажется парадоксальной, что русский язык, помимо того, что это язык русской нации, выполняет и функции языка межнационального общения народов страны, выступает в качестве рабочего языка государственных органов СССР, обеспечивает потребности межреспубликанского общения, функционирует в Вооруженных силах СССР, является языком дипломатических отношений и других внешних связей государства. Поэтому предоставление русскому языку определенного статуса (го-

сударственного или общегосударственного, общесоюзного) не только не принизило бы значения других национальных государственных языков в нашей стране, но, напротив, создало бы правовые основы бесконфликтного сосуществования языков. В данном случае полезно обратиться к зарубежному опыту. Разумеется, языковая ситуация в нашей стране уникальная, однако опыт других многонациональных стран, где успешно преодолеваются некоторые аналогичные нашим трудности, необходимо принять во внимание. В частности, тех стран, где есть несколько государственных или официальных языков.

Вот, как говорится, информация к размышлению, а точнее, ситуация, описанная в газете «Комсомолец Узбекистана» (1988. 24 июня): «Около года назад был и такой курьезный случай — одна комсомольская организация послала официальный запрос (на узбекском) в Кишинев, оттуда прислали бумагу на молдавском — ответ переводили недели две. Еще один грустный пример: в Тбилиси на работу Международной ассоциации женского кино были приглашены представительницы из всех республик СССР, была делегация и из Узбекистана. Справедливо было недоумение наших землячек — обсуждение велось на грузинском и ...английском... Многие оказались за языковым барьером».

Весьма заинтересованно обсуждаются сегодня и другие проблемы, некоторые из них тесно связаны с проблемой государственно-го языка.

«Язык — святая святых народа», — так озаглавила свою статью в газете «Молодежь Грузии» (1988. 18 июня) М. Гигинейшвили, сотрудник Института литературы им. Шота Руставели АН ГССР. Кто с этим спорит! Но ведь такая святыня есть у каждого народа. Поэтому понятно беспокойство тех, кто думает о судьбе языков коренного населения автономных республик, краев и областей, а также о языках тех народов, которые не имеют национально-государственного устройства. А как будут обстоять дела с языками всех других народов, проживающих в той или иной республике, язык коренного населения которой имеет статус государственного? Ведь, скажем, в статьях 2 и 3 Закона о языке в Эстонии частному лицу гарантируется право общения на эстонском и русском языках, но «ведение дел с частными лицами на иных языках осуществляется в соответствии с возможностями и целью деятельности». В Конституции же СССР гарантируется свободное и равноправное употребление всех языков народов СССР. Или, например, в Грузии в Конституции республики в статье 75 сказано, что в Грузинской ССР обеспечивается свободное употребление русского и других языков, которыми пользуется население. Но в обсуждаемом сейчас проекте

государственной программы дальнейшего развития грузинского литературного языка предусматривается, как информирует газета «Советская Абхазия» (1988. 24 нояб.), «введение делопроизводства на грузинском языке и включение в учебные планы обязательного изучения грузинского языка и литературы в негрузинских школах на всей территории ГССР без учета национального состава автономных формирований», что воспринимается общественностью Абхазской АССР «как акт игнорирования интересов и конституционных прав других национальностей».

Едва ли можно добиться чего-либо значительного принуждением. Вполне разделяю мнение Василя Быкова: «Навязывать что-либо гражданам в современном государстве — неправо да и зряшное дело: то же относится и к языку. Принуждать людей к изучению того, что они знать не желают, ничего путного дать не может, если даже и будет соблюдена видимость этого изучения. В наше время куда плодотворнее и демократичнее внутренняя заинтересованность, в том числе и в овладении языками. Задача же общества, на мой взгляд, состоит в том, чтобы разумно поощрить это стремление к разноязычию, создать социально-политическую заинтересованность в добром деле, отвечающем интересам наций, а стало быть, и государства» (Известия. 1988. 8 окт.).

Вопросы, вопросы... Не столько лингвистические, сколько юридические. Ведь не секрет, что гарантированное Конституцией СССР в общем виде право на свободное и равноправное употребление языков народов страны порой вольно, по своему разумению, трактовали власти предержавные разного ранга. Существенно и то, что «география» подобных вольных трактовок весьма обширна. В отдаленном кишлаке бригадир требовал, чтобы колхозница писала свои соцобязательства по-русски. А на Украине, например, деятель районного масштаба под предлогом борьбы с национализмом распорядился убрать все вывески на украинском языке. Жители Аккурганского района в Узбекистане, уйгуры по национальности, много раз обращались в облисполком с просьбой открыть школу на родном языке, но там к законному желанию граждан отнеслись без должного внимания. Потому-то с таким вниманием и интересом было встречено высказанное М. С. Горбачевым предложение о подготовке и широком обсуждении проекта закона о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР. Это предложение поддержано многими, в частности, Отделением литературы и языка АН СССР, филологическими институтами ряда Академий наук союзных республик. «Разумеется, — пишет академик АН Таджикской ССР М. Шукуров, — закон должен быть создан на основе тщательного изучения положения дел в каждой республике, четкого

определения статуса национального языка и принципов правового регулирования его использования. Очевидно, необходимо определить и статус русского языка как средства межнационального общения, правовые основы его взаимодействия с другими языками. Это может стать важным шагом в осознании обществом подлинной сути концепции двуязычия в культуре народов СССР» (Лит. газета. 1988. 14 дек.). Во всем согласен с академиком Шукуровым, кроме тезиса о правовых основах взаимодействия языков, которых просто не может быть. Но если под этим имеется в виду правовая основа существования языков, то свое замечание снимаю.

Другой круг проблем, всегда вызывающий интерес как лингвистов, так и всех тех, кто думает о причинах языковых трудностей — это состояние научно-теоретической и практической базы двуязычия, пути повышения уровня национально-русского и русско-национального двуязычия и иных типов дву- и многоязычия, роль школы в развитии и совершенствовании двуязычия, качество учебников и учебных пособий по языку, неудовлетворительная во многих случаях подготовка учителей. Причин таких много, и все они, в совокупности негативно воздействующие на процессы развития двуязычия, обусловлены друг другом. Отсутствие координации в научно-исследовательской работе ведет к разобщенности специалистов, затрудняет решение основных проблем двуязычия и внедрение полученных результатов в практику, что отражается на научном обеспечении учебного процесса. Очень важная причина, внимания которой в прошлом почти не уделялось (зачем, ведь национальный вопрос у нас решен), — это дефицит культуры межнационального общения, породивший волюнтаризм в языковой политике в школах и общественной жизни, что вместо казенного энтузиазма нередко вызывало негативную реакцию и еще более не способствовало улучшению существующего положения. Например, в Киргизии бывший первый секретарь ЦК КП республики Т. Усубалиев объявляет русский язык вторым родным языком киргизов. «В то же время угодники, занимавшие ключевые посты в области народного образования, свертывали преподавание киргизского языка в школах, программа была сокращена до минимума. Это обстоятельство задевало национальные чувства коренного населения. Так стремление отрапортовать, выдать желаемое за действительное, не приводя конструктивных изменений в само обучение как киргизскому, так и русскому языку, отрицательно сказалось на языковой ситуации в республике, осложнило решение проблемы двуязычия и, как следствие — интернационального воспитания», — вспоминает ди-

ректор Института истории АН Киргизии член-корр. АН республики С. Т. Табышалиев (Советская Киргизия. 1988. 26 июня).

Как явствует из многочисленных выступлений, устных и печатных, теоретическое осмысление и практическое разрешение проблем двуязычия (и многоязычия) диктует необходимость комплекса исследований по общим проблемам двуязычия и языковых контактов, по национальным языкам и языку межнационального общения: создания полноценных учебников и учебных пособий, словарей и справочников по национальным языкам и русскому языку как средству межнационального общения; совершенствования подготовки специалистов для высшей и средней школы. С большей глубиной должны быть исследованы лингводидактические особенности усвоения второго языка, актуальные проблемы детского двуязычия. Следует продолжить изучение функционирования национальных языков и языка межнационального общения в разных сферах общественной жизни; необходимо определить степень владения вторым языком, достаточную для констатации состояния двуязычия. До сих пор ощущается недостаток таких исследований, которые были бы прямо направлены на улучшение изучения и преподавания языков в школе.

Все это — темы не новые, звучали они и раньше. Но — «во многоглаголении несть спасения». Слов нет, разного рода рекомендации и постановления принимались хорошие, только далеко не всегда было ясно, кто и на какие средства будет выполнять все намеченное.

Решение языковых проблем в нашей стране требует комплексного подхода, объединения усилий всех сторон, заинтересованных в развитии национальных языков и совершенствовании двуязычия, полномасштабного политического, идеологического, юридического обеспечения, а также мощной материально-технической базы. Вряд ли можно ожидать значительного улучшения существующего положения без осознания того, что для нашей страны как союза наций и народностей развитие двуязычия имеет жизненно важное значение и потому должно стать государственной программой. Впрочем, дело не столько в таком осознании, сколько в переходе от общих деклараций к практическим решениям назревших языковых проблем.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Пир милосердия

А. Н. Архангельский

Хорейческой одой «Пир Петра Первого» (1835), посвященной известному факту из жизни Петра — прощению знатных преступников и празднованию примирения с ними, Пушкин открыл первый том своего «Современника» (вышедший весной 1836-го). Тем самым он дал повод рассматривать стихотворение как программное, «знаковое».

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов.
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов. (...)

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг? (...)

(...) Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! он с подданным мирится;
Виповатому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.
Оттого-го шум и клики (...)

При поверхностном чтении подчеркнутая «программность» стихотворения воспринимается как нечто, противоречащее нормальной логике. Как может быть программным текст, который при своей ясности, легкости, стилевой раскованности выпадает из общего настроя поздней лирики Пушкина с ее пафосом просветленного трагизма, сквозным мотивом очищающего душу страдания и строгой, почти аскетичной стилистикой? Но современники пушкинского «Современника» читали «Пир...» иначе, на фоне правительственного Указа от 14 декабря 1835 года, лишь декоративно смягчавшего участь декабристов. В таком контексте мотив державной милости Петра, безмолвно противопоставленной жестокости новых времен, звучал вызывающе. (Ср. хотя бы дневниковую запись Л. И. Голенищева-Кутузова, приведенную в переводе с французского в книге М. И. Гиллельсона: От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 117). В светлой тональности «Пира...» отчетливо слышались трагические обертоны. Сквозь маску простодушного рассказчика проступал печальный лик автора. И чем грустнее был настрой Пушкина, тем чеканнее — стиль его стихотворения.

Достигалось это несколькими способами. Прежде всего откровенно стилизовался образ рассказчика — при сознательном сохранении некоторых черт авторского стиля. Достаточно сложными, возвышенными по окраске, книжными по происхождению конструкциями («Озарен ли честью новой...») оттенена торжественная наивность вопрошания о причине празднества.

В свою очередь, в это отрицающее перечисление (*Что пирует царь?... То?... То?... Это?... Нет!..*) вкраплены тематические формулы оды — жанра высокого, книжного, посвящавшегося обычно военной победе («Ода на взятие...»), рождению наследника в царской семье («...на рождение порфирородного отрока...»), именинам государя или государыни («...на тезоименитство»). Таким образом, просторечие выступало у Пушкина в роли высокого одического слога, а в роли одического вития оказывался человек из народа. Человек, не ведающий, что литературная норма требует написания слова *Петербург* через *e*, а самое сочетание *Петербург-городок* — тавтологично и обладает смыслом лишь для того, чье языковое сознание не расслаивает имя северной столицы на составные пемдкие корни — «Питер» и «бург», — «крепость, город».

Это стилевое совмещение несовместимого полностью отвечает духовному замыслу стихотворения, тема которого — необходимость примирения всего со всем, слияние государственного и человеческого начал в акте милости, и подтекст которого — *невозможность* такого примирения в современном поэту периоде исто-

рии. (С этой точки зрения интересен анализ «Пира...», предпринятый в книге финского филолога Э. Пеуранена «Лирика А. С. Пушкина 1830-х гг. Поэтика: темы, мотивы, жанры поздней лирики». Ювяскюля, 1978 [на русском языке], а также в монографии Г. П. Макогоненко «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1836)». Л., 1982).

Как бы вопреки такой невозможности, Пушкин запечатлел в стилистическом строе «Пира...» простосердечную точку зрения одического рассказчика, объединяющую в себе возвышенность и простоту, семейственную идилличность и одическую восторженность. Рядом здесь можно встретить архаическую и «новую» формы слова, которые выступают как стилистически равноправные: «И в чело его целует,/Светел сердцем и лицом». В один ряд с *челом* просится *лик*, а с *лицом* — *лоб*. Но Пушкин принципиально поступает иначе. Если в традиционной оде (равно как и в идиллии) слово должно выступать или в прямом, логическом своем значении, или в переносном, а одновременное сочетание двух значений не допускается, то в пушкинской *идиллической оде на человечность* слова раскрываются навстречу друг другу, звуча в лирическом диалоге.

Так, на протяжении всего стихотворения в определениях сочетаются пространственное и качественное значения. *Резво* вьются *пестрые* флаги, *звучно* раздаются *дружные* песни гребцов, *далеко* потрясена Нева *тяжелой* пальбой. Флаги пестры и по расцветке, и потому, что они весело развеваются на ветру (ср.: «пестрит в глазах»). Дружные песни гребцов потому дружны, что они слаженны. Но еще и потому, что они звучно (в унисон торжественной пальбе пушек) оглашают пространство. То есть: весь пространственный мир попадает на этот пир милосердия, он оркестрован мелодией этого пира, приобретает его качество, а качественность приобретает пространственную отнесенность. Значения слов переплетаются, разветвляясь и углубляясь, а вместе с ними разветвляется и углубляется наше восприятие мира.

Еще одна отличительная особенность «идиллической оды» состоит в том, что «открытое», пронцаемое состояние мира отражается в ней и на уровне «открытого» лирического слова. Ведь *песни дружные гребцов* дружны всегда, но сейчас, в мире пушкинского стихотворения, они дружны еще и потому, что дружность (согласие, согласованность) сродни милосердию (прощающему согласию). Нева далеко потрясена тяжелой пальбой, но потрясена она и милосердием государственным, мировым, целокупным...

Открытости, вольности пушкинского пафоса соответствует избыточная щедрость словесного строя этого стихотворения. Как

было отмечено еще Л. В. Пумпянским в его статье «Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 204–215), ведущий стилиевой прием «Пира...» – принцип «исчерпывающего деления». То есть, тема, прежде чем быть окончательно названной, как бы проходит сквозь строй ложных определений, близких к истине, но не полностью соответствующих ей. «Что пирует царь (<...>)/Годовщину ли Полтавы/Торжествует государь?../Родила ль Екатерина?../Нет!..» И появление этого приема в «Пире...» закономерно. Если мы перечитаем – «массовую» ли, «элитарную» ли – стихотворную продукцию конца XVIII – начала XIX вв., то поймем, что у стилиевого принципа «Пира...» – принципа открытости, простоты, свободы – длительная предыстория, и что Пушкин сознательно воспользовался в своем стихотворении канонам четырехстопного хорая, у которого в русской поэзии предшествующего периода был не только «семантический», но и отчетливый «стилистический» ореол. (Термин «семантический ореол метра» принадлежит М. Л. Гаспарову; ср. статью последнего о судьбе четырехстопного хорая в пушкинской лирике: «Семантический ореол пушкинского 4-стопного хорая» // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции. 28 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 53–55).

Доказать вышесказанное не так уж и трудно. Уже к началу военной кампании 1807 года в отечественной лирике сложился устойчивый тематический и стилистический образ хорейского четырехстопника, ориентированного на народность и использующего вопросительно-отрицательное построение как основной риторический прием. Вот примеры – почти наугад. «Гей, гей, братци! що мы чуем?/Кажуть, к нам Француз идет!./Сердцем мы Царя шанкуем;/Пийдем за Иого на смерть» (Вестник Европы. 1807. Ч. 33. № 9. С. 39–43; без подписи). Или: «Что таинственна картина?/Что явление девы сей?/По челу ЕКАТЕРИНА;/По очам – огонь ПАВЛОВ в ней» (Цветник. 1809. С. 82–84; подпись: «Д-нъ»). Или: «В Царстве Русском, Православном,/В блеске светлого венца/Магушка жила Царица;/Кроткая ее десница/Принимала в дар сердца» (Русский вестник. 1808. Т. 4. № 11. С. 227; без подписи). Далее: когда Н. Пальчиков в 1890-х гг. записал народную песню «Переселение на Илецкую линию», которая начиналась явно «по-пушкински»: «Прощай, Томский и Тобольский./Краснуфимский городок», – нельзя исключить возможности «обратного влияния» «Пира...», уже вошедшего в школьные хрестоматии, на городское «массовое» культурное сознание. Но пелась-то она уже в 1822–1826 гг.!

Если еще чуть подняться по диахроническому ряду, можно вспомнить, что в 1828 году написан «Русский бог» П. А. Вяземского,

---

в 1832 году его же «К старому гусару»: «Эй да служба! Эй да дядя!/
Распотешил, старина!/На тебя, гусар мой, глядя,/Сердце вспыхнуло
до дна./<...> Но пятнадцатого года,/В шумных кликах торжества,
Свой пожар и блеск похода/Запивавшая Москва!» (строка, напрямую
перекликающаяся с текстом «Пира...», выделена нами. — А. А.).
В 1834 году создана поэма Александра Полежаева «Кориолан»:
«Кто ж вы?.. Яростные клики/Раздались, как гул морей.../Не вос-
стал ли Рим великий/На народов и царей?/<...> Нет! Решитель див-
ных боев/Стран далеких не гремит...»

Таким образом, четырехстопный хорей, избранный Пушкиным
в «Пире...», в сочетании с темой русской (или мировой) истории
почти неизбежно вел к проблеме национального характера, склон-
ного к простоте и шутке, что, в свою очередь, диктовало своеоб-
разное синтаксическое членение строфы: порядок слов естественный,
в начале печетных строк ударение падает на значимое слово, фра-
за тяготеет к вопросительно-отрицательной конструкции. Пушкин
воспользовался опытом своих предшественников, причем скон-
центрировал его до такой степени, что когда Полежаев соз-
давал в 1837 году поэму «Марий», он ориентировался не только на
свой собственный, причем недавний опыт, но и на опыт — пушкин-
ский: «Был когда-то город славный,/Властелин земли и вод;/В нем
кипел самодержавный/И воинственный народ./В пышных мрамор-
ных чертогах/Под защиту богов/Или в битвах и тревогах/Был он
страшен для врагов».

Этот опыт оказался значимым и для всей последующей рус-
ской поэзии в целом. Когда мы читаем «Помишки» П. А. Вязем-
ского или «Подводный город» М. А. Дмитриева, или «Песни из
«Уголка» К. К. Случевского, или «Петербургские строфы» А. А.
Ахматовой, или посвящение «Пушкинскому Дому» А. А. Блока,
то должны ясно отдавать себе отчет в их стилистической родослов-
ной, восходящей к Пушкину, к его «оде на человечность».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПИСАТЕЛЯ

„Заязжистый филляр”
у Пушкина

Ю. А. Немировская

Директору Московских Императорских театров М. Н. Загоскину
9 июля 1834 г. Из Петербурга в Москву

Милостивый государь
Михайло Николаевич,

Обращаюсь к Вам с важным делом. Г-н Александр, очень замечательное лицо (или даже лица), собирается в Москву и предлагает Вам следующие условия: доход за представления пополам с дирекцией (издержки спектакля на ее счет) и бенефис. Удостоите меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин

Г-пу Александру Ваттемару

Вторая половина июля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь,

Ответ г-на Загоскина еще не дошел до меня. Как только получу его письмо, буду иметь честь передать его Вам.

А. Пушкин

Из писем А. С. Пушкина следует, что речь в них идет об устройстве в Москве гастролей французского драматического артиста, чревовещателя и мима Александра Ваттемара. Характеризующее его пушкинское выражение «очень замечательное лицо (или даже лица)» в письме к Загоскину указывало на многоликий профессионализм этого мастера, прибегая к лексике более позднего времени, артиста оригинального жанра.

Во все времена актеры, импровизаторы, фокусники, маги, предсказатели, чрево вещатели — эти загадочные «пришельцы» из иного мира, непривычного повседневности, восторженно и опасно встречались публикой, простодушно увязывавшей их необыкновенные свойства с нечистой силой. Обыватель к этой категории людей относил также поэтов, музыкантов и художников, чувствуя в них подозрительное цеховое родство.

Внушая неистовое любопытство и некоторую долю ужаса, выходил к публике граф Калиостро — загадочная фигура, энциклопедист и шарлатан. У В. Ф. Одоевского в романе «Русские почвы» недвусмысленно говорится об артисте-импровизаторе, получившем свой дар от сатаны, явившегося в облике доктора Сегелиеля.

Гастролеры, присяжные знаменитости были не только театральными бенефициантами — они становились одним из любимейших видов угощения в модных салонах обеих столиц.

Доброжелательный, умеющий искренне восхищаться и радоваться, Пушкин в какой-то момент оказывается в забавной роли импрессарио («иностранный артист») — Александра Ваттемара. Успех француза в Петербурге давал надежду на расположение и московской публики. Ваттемар хлопочет о рекомендации и получает ее... от Пушкина.

Внимание к заезжему гастролеру, почти детское восхищение его удивительными способностями кажется просто одним из курьезов биографии Пушкина. Но в калейдоскопе жизни поэта каждый штрих не исчезает бесследно, становясь фактом его творчества. А в случае с Ваттемаром кроется совершенно особенный, символический для жизни Пушкина смысл. Недаром, вероятно, в следующем 1835 году поэт переносит часть эпизода с приезжим актером в «Египетские ночи». Чарский, герой, наделенный Пушкиным автобиографическими чертами, становится покровителем импровизатора.

«— Я надеюсь,— сказал он [Чарский — Ю. Н.] бедному художнику,— что вы будете иметь успех: здешнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будет возбуждено; правда, итальянский язык у нас не в употреблении, вас не поймут; но это не беда; главное — чтоб вы были в моде. (...)

(...) а вы уж будете в моде, вот вам моя рука» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VI. С. 248; далее цитируется это академическое издание).

В текстах Пушкина встречается устойчивое словосочетание «заезжий фигляр» («фигляр» — это артист балагана, фокусник, импровизатор). Приезжая знаменитость всегда оказывается чем-то сродни ярмарочному артисту, во всяком случае в глазах толпы.

Вообще мотив приезжей знаменитости оказывается важным для него и встречается в самых разных вариантах — это и музыкант, и поэт, и иностранец (даже арап), а иногда и поэт и иностранец одновременно.

Чернокожий Пришелец, пушкинский Арап Петра Великого, одним из первых у поэта попадает в положение «заезжего фигляра» — и во Франции, и в России — и это влечет за собой его личные трагедии в первой и в оставшейся неоконченной второй половине романа.

Пришелец-музыкант — это и пушкинский Моцарт. А вот приговор, уготовленный ему Сальери:

Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Отношение к Моцарту Сальери подобно отношению первосвященников к Христу: Моцарт гибнет.

Мицкевич, поэт-иностранец, облик и поведение которого, возможно, частично воплотились в образе импровизатора; Гнедич, сошедший с олимпийских высот древнегреческой поэзии; удивившийся Баратынский продолжает список тех, чьи образы создавались Пушкиным как образы Пришельцев в мир самоуверенной обыденности.

Публика почти всюду одна и та же. В русской светской аудитории Пушкин замечал недоброжелательность и неблагодарность. У него испанец, находящийся в русском высшем обществе, жаловался собеседнику: «...Я (...) нигде не чувствовал себя так связанным, так неловким, как в проклятом вашем аристократическом кругу. (...) Перед чем же я робею?

— Перед недоброжелательством, — отвечал русский. — Это черта нашего нрава. В пародии выражается она насмешливостью, в высшем кругу невниманием и холодностью» (Гости съезжались на дачу...)

Но, если публика неизменна, то поэт может вести себя перед ней по-разному — здесь мы подходим к предмету, особенно болезненному и важному для Пушкина.

Его взгляд на жизнь обладал большой долей реалистической трезвости. Поведение художника не всегда может соответствовать величине его дарования: пушкинский талантливый импровизатор в обыденной жизни простодушен, жаден и суетлив. Роль «заезжего фигляра» его несколько не смущает — он стремится угостить своим даром толпу, а не отъединиться от нее, лелея этот дар в

тивнине. Собственный талант с некоммерческой его стороны мало занимает импровизатора. У итальянца нет ни удивленно-благогоуемого отношения к божьему дару, ни стремления казаться светским человеком. Что-то в наивной беспечности пушкинского импровизатора напоминает пушкинского же Моцарта, хотя по существу это два совершенно разных персонажа. А полные восхищенной зависти слова Чарского: «Удивительно (...) Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно, удивительно!..» — сродни монологу Сальери:

(...) О всо!

Где ж правота, когда священный дар,
 Когда бессмертный гений — не в награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудов, усердия, молений послан (...)

Непонятость, непризнанность гения естественно вытекает из обязательной его противопоставленности обывателю и толпе обывателей — черни. Мыслящая личность в соответствии со стереотипом обречена на пожизненное страдание из-за мировой пошлости и часто — на преследование со стороны этой пошлости. Установка на филистера формировала то чувство жизни, которое было свойственно романтическому образу художника — уединенного и гордо-непримиримого. Пушкин был воспитан на близкой такой установке горацанской лирике, прославляющей уединение и творческую свободу.

С середины 1820-х годов клубок вопросов, связанных с отношением публики к художнику, подкатился к доселе благополучной творческой судьбе поэта. Сигналы читательского охлаждения и укрепление репутации стихотворца — вот Сцилла и Харибда, между которыми оказался Пушкин. С одной стороны, реальностью становится мотив непонятости и гордого уединения художника (сонет «Поэту», 1830). С другой стороны, под угрозой всегда необходимая Пушкину светская независимость, личная свобода — в частности, и от поэтического «сапа». Последнее объясняется расхожим отношением к поэту как к салонному блюду, к кунсткамерной редкости или к чему-то вроде заезжего чревоугодника:

Холодная толпа взирает на поэта,
 Как на заезжего фигляра: если он
 Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
 И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
 Ударит по сердцам с неведомою силой, —

Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарною кивает головой.

Это фрагмент из «Ответа анониму» (1830). А вот «Египетские ночи»: «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклеен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия. Возвратится ли он из деревни, первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь новенького? Задумается ли он о расстроенных своих делах, о болезни милого ему человека, тотчас пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно, что-нибудь сочиняете!»

Преращения жизни в зверинец — вот чего Пушкин особенно опасался. Романтическая поза поэта немало этому способствовала бы — ведь разницы между поэтом и «заезжим фигляром» для публики не существует. Глупой важностью и напыщенностью он сам ставил бы себя в положение шута. Выход был один — оставаться нормальным светским человеком, но особым — способным к преображению.

Пушкин пишет о Чарском:

«Чарский употреблял всевозможные старания, чтобы сгладить с себя несносное прозвище. Он избегал общества своей братьи литераторов и предпочитал им светских людей, даже самых пустых (...) Он прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом; хотя никак не мог различить горской породы от арабской, никогда не помнил козырей и втайне предпочитал печеный картофель всевозможным изобретениям французской кухни».

А вот Пушкин: еще в 1815 году, 16-летним мальчиком, он забитился о том, чтобы никто не заподозрил его в рьяном подвижничестве. Никто не должен был видеть в нем Кюхельбекера!.. Он, когда свзойдет вдохновение, не ринется к перу, но спокойно продолжит дружескую беседу, прогулку или любовный лепот:

Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота,—
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой.
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И виково уж не морю

Мои резвыми стихами...
 Но ежели когда-нибудь,
 Желая в неге отдохнуть,
 Расположась перед камином,
 Один, свободным господином,
 Поймаю прежнюю мысль мою,—
 То не для имени поэта
 Мараю два иль три куплета
 И их вполголоса пою.

Моему Аристарху
 (отрывок)

Пушкин подчеркивает несерьезность стиховорства, кажется, зтесяясь его, как своей невольной слабости. Он говорит: *стихи кропать найдет охота*, а не «придет вдохновение», и придет не по воле Неба, а между делом: *ежели когда-нибудь, Желая в неге отдохнуть* — тогда *мараю два иль три куплета*, а не «слагаю стихи». И не для имени поэта, не для фиглярского звания; он просто: *небрежный (...)* рифм наследник, ленивец молодой. Ср.: «Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский записался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи».

Мы говорим, что Пушкин боролся за профессиональную литературу, за авторские права, за оплату творческого труда («Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать»). Все так, да не совсем так. Обратимся к стихотворению «На это скажут мне с улыбкою неверной...» (1835):

Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
 Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
 Как стыдно! — Почему ж?

Да, печатал и для денег. Но почему всегда откровенно изъяснялся с публикой об этом? Не является ли частое подчеркивание своей материальной заинтересованности в результатах труда также и попыткой приравнять занятие творчеством к побочным доходам светского человека, не разрушая при этом образ поэта как потомственного дворянина?

Это противоречие между профессиональным подходом к литературному труду и нежеланием профессионального *сочинительства* как социального статуса налагало совершенно особенную печать на жизнь Пушкина. Одновременно в сознании поэта жила идея пророческой миссии, романтической избранности и одержимости. В 1825 году в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» он писал: «Поэзия бывает исключительно страстию немногих, родившихся поэтами».

Такое мироощущение, предполагавшее маску почти *не-поэта* и одержимость поэта одновременно, отразилось и на отношении

Пушкина к двум схожим ситуациям — приезду мадам де Сталь в Россию («Рославлев») и приезду Мильтона во Францию (в романе А. де Виньи «Сен-Мар»). Обе эти истории волновали поэта как литературный и жизненный сюжет.

В 1831-м Пушкин пишет роман-реплику «Рославлев» в ответ на только что вышедшего «Рославлева, или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина. У литературного диалога Загоскин — Пушкин своя судьба, и ее мы не будем касаться. Важно то, что эпизода с приездом мадам де Сталь в Россию, о котором пойдет речь, у Загоскина нет, то есть он был нужен Пушкину сам по себе, безотносительно к полемике.

Сцена обеда у князя, отца героини, на котором де Сталь присутствовала как приезжая диковинка, пожалуй, самая романтическая из всех, написанных Пушкиным на эту тему. Все пропущено через восприятие экзальтированной юной особы, на стороне которой автор, всецело разделяющий ее резкие патриотические и возвышенные пристрастия. Она, героиня пушкинской версии «Рославлева», противопоставляет де Сталь тупому и бесчувственному московскому обществу:

«Ах, милая, — отвечала Полина, — я в отчаянии! Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! (...) Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов! Тупые лица, тупая важность — и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленною! (...) Я сгорела со стыда и готова была заплакать...»

А вот более беспристрастное свидетельство (описание приезда де Сталь и обеда в ее честь подругой Полины):

«Она приехала летом, когда большая часть московских жителей разъехалась по деревням. Русское гостеприимство засуетилось; не знали, как угостить славную иностранку. Разумеется, давали ей обеды. Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки. Отец Полины (...) дал ей обед, на который скликал всех наших московских умников. (...) Она казалась не в духе, несколько раз принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ели и пили в свою меру и, казалось, были гораздо более довольны ухуо князя, нежели беседою *m-me de Staël*. Дамы чинились. (...) Ждали от нее поминутно *bon-mot*; наконец, вырвалось у ней двусмыслие, и даже довольно смелое. Все подхватили его, захохотали, поднялся шепот удивления; князь был вне себя от радости».

Имя мадам де Сталь было овеяно ореолом романтической ле-

генды. Литературная одаренность этой женщины была необыкновенна. Дочь Неккера, видного государственного деятеля, она оказалась в гуще революционных событий 1789–1794 гг. во Франции. Наконец, преследование ее Наполеоном и высылка из страны – что же говорить о популярности французской писательницы в России!..

Все, изданное ею, читалось с жадным вниманием. Среди читающих, конечно, Пушкин. В письме к П. А. Вяземскому из Михайловского в сентябре 1825 года он писал: «M-me de Staël наша – не тронь ее». Это – после гневной отповеди А. Муханову, автору недоброжелательной статьи о путевых очерках де Сталь «Десятилетнее изгнание»; Пушкин просто разъярился, когда Муханов назвал де Сталь барыней. «О сей *барыне* должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту *барыню* удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения, а г. А. М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной».

Эти гневные интонации повторились в описании московского приема в честь де Сталь в «Рославлеве». Проходит пять лет, и в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» Пушкин с иронией и даже со злым ехидством разбирает сцену появления Мильтона в парижском обществе в романе Альфреда де Виньи «Сеп-Мар». Пушкин осуждает де Виньи за подгонку фактов под романтический стереотип, за общее неправдоподобие положений. Листочки с переводами «Потерянного рая» на французский язык и вдохновенный текст, читаемый автором по-английски, Пушкин называет «челепыми несообразностями». «Ему надобно, – пишет Пушкин о де Винье, – чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой „Потерянный рай“ и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта». Приведи «эффектную сцену» чтения «Потерянного рая» у Марии Делорм, Пушкин заключает: «Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как заезжий фигляр и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, не известном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то *закрывая глаза, то возводя их в потолок*».

Итак, *заезжий фигляр!* Нет, Пушкин не станет им. В обоих случаях – с де Сталь и с Мильтоном – поэт верен себе. Но каждый раз – одной стороне своего жизненного и творческого облика. Он открывает нам то глубокое внутреннее противоречие, которое всегда тяготило его, – разлад между сложной реальностью, которая не дающей решений своих головоломных задач, и романтическим каноном, между тяжеловесностью действительности и невесомостью мысли.

Из Записок филолога

«Стансы винограду»

В. Э. Вацуро,
кандидат филологических наук

Среди лицейских посланий Пушкина два послания, обращенные к Галичу, занимают особое место. Адресат их, Александр Иванович Галич (1783–1848) читал в Лицее российскую и латинскую словесность.

Когда в мае 1814 года за болезнью оставил занятия профессор Н. Ф. Кошанский, заменить его пригласили тридцатилетнего адъюнкта Педагогического института Галича, который и преподавал лицеистам до июня 1815 года. Мы не знаем досконально содержания курса Галича; можно предположить, однако, что он сочувствовал тем новым литературным веяниям, которые начали уже распространяться в среде лицейских поэтов. Он учился в Германии и вынес оттуда знакомство с эстетическими теориями романтиков, что и сказалось впоследствии в «Опыте науки изящного», изданном им в 1825 году.

Пушкин сохранил о Галиче благодарное воспоминание и, когда через двадцать лет увиделся с ним на совещании участников Энциклопедического лексикона, записал в своем дневнике: «(...) я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминания в Царском Селе* (Пушкин. Полн. собр. соч. М.—Л., 1949. Т. 12. С. 322; далее цитируется это издание). Знаком укрепления этих связей и были два послания Пушкина к Галичу; второе из них было написано уже тогда, когда Галич покинул Лицей.

В обоих стихотворениях проходит тема дружеского пиршества, во многом навеянная литературными образцами, и прежде всего «Мои пенатами» К. Н. Батюшкова, где она символизирует дружеское общение единомышленников-поэтов, остроловов, гедонистов, свободно творящих и свободно живущих и наслаждающихся жизненными радостями. В соответствии с этой традицией адресат посла-

ния предстает в приближенном к античному облике мудреца-эпикурейца. Тема, впрочем, шла не только от литературы: в стихах есть приметы лицейского быта. Лицейсты в самом деле собирались у Галича и в тесном дружеском кружке читали свои стихи:

⟨...⟩ послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты ⟨...⟩
К Галичу, 1815

В другом послании — прямое воспоминание:

И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком ⟨...⟩
Послание к Галичу, 1815

В «песельнике» видит обычно М. Л. Яковлева, в «остряке» — А. Д. Илличевского или Дельвига.

По-видимому, такие сборища бывали неоднократно, как сообщает нам текст «Послания...»:

И все к тебе нагреем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.

Одних этих живых зарисовок лицейского литературного быта было бы достаточно, чтобы послание к Галичу осталось в памяти любителей поэзии. Но Пушкин делает еще одно указание чрезвычайной важности. Он называет стихи, которые читались на вечерах Галича:

Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт
Несет свою балладу ⟨...⟩

Мы знаем сейчас, что это была баллада «Поляк», вошедшая в лицейские рукописные сборники. Среди лицейстов она пользовалась популярностью. А. Д. Илличевский упоминал о ней в письме к своему приятелю П. Н. Фуссу от 28 февраля 1816 года (Дельвиг А. А. Полн. собр. стих. Л., 1959. С. 285).

И стансы винограду,
И к лилии куплет.

«Куплет к лилии» был опубликован в том же 1815 году в номере третьем журнала «Российский музей». Это было стихотворение «Лилея», получившее позднее новое название — «К Дориде».

Обо всем этом можно сейчас прочитать в комментариях к посланию Пушкина и к стихам Дельвига.

Ни в одном из комментариев мы не найдем, однако, никаких упоминаний о «стансах винограду». Все попытки выяснить, какие стихи Дельвига имел в виду Пушкин, остались безуспешны. Может быть, эти стихи вообще не дошли до нас?

Не будем спешить с выводами; перечтем лучше лицейскую лирику Дельвига и задержимся на стихотворении «Элизиум поэтов», где есть такие строчки:

И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах.
С улыбкой рек: «Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах».

Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий (...)

Эти стихи сохранились в единственном автографе в тетради Дельвига и датируются лишь приблизительно: не позднее 1819 года. Предполагается, однако, что они были написаны еще в Лицее.

Когда Пушкин — уже, видимо, в конце 1820-х годов — читал с карандашом в руках тетрадь Дельвига, он испестрил это стихотворение своими пометами. Неточности мысли и выражения он находил почти в каждой строфе. Только три строфы не вызвали его замечаний, и в их числе были строфы с «виноградом» (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937. С. 272—274). Без сомнения, он считал их лучшими в стихотворении, и потому мог обозначить целое как «стансы винограду». А стало быть, и самое стихотворение уже существовало к июню 1815 года, когда окончились дружеские сходки у Галича.

Эта гипотеза могла бы показаться излишне смелой, если бы она не находила себе подтверждения в самом тексте пушкинского послания.

Дело в том, что тридцатью строками ранее Пушкин перефразировал интересующие нас «стансы» Дельвига. Он нарисовал сценку, в которой бог вина Вакх, чье имя также и Лизей, и Либер, и Бассарей (все эти имена встречаются в лицейских стихах), награждает беспечного философа за равнодушие к благам фортуны:

Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.

В этой совершенно абстрактной аллегорической картине есть живой жест, деталь, придающая ей почти чувственную конкретность. Она заключается в строке «качаясь на ногах», которую Пушкин заимствовал из «стансов винограду» — из дельвиговского «Элизиума поэтов».

Все остальное Пушкин отверг.

Пушкинское послание и по идеям, и по образности, и по языку было прямо противоположно стихотворению его ближайшего друга. Для автора «Элизиума» гений, следующий своему предназначению, сохраняет «душевную чистоту» и отвергает дары Венеры и Вакха, — в противном случае он закрывает себе путь в святилище поэтов:

Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

«Чрез грязный мир», поправил Пушкин, когда читал черновую тетрадь Дельвига. Он оставлял в неприкосновенности поэтические идеи; он правил только «слог».

Сам же он — в особенности в лицейские годы — не склонен был противопоставлять «возвышенную» поэзию поэтическому эпикурейству, который был для него символом духовной свободы. Он следовал в этом отношении рапному Батюшкову и заветам «арзамасского братства». Парафраза «Элизиума поэтов» в «Послании к Галичу» была почти полемикой, хотя, конечно, и неосознанной.

А год спустя и для самого Дельвига началась полоса увлечения поэтическим эпикуреизмом.

Ленинград

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АХМАТОВОЙ

Сокровенная речь

Об одном стихотворении Анны Ахматовой

Э. Г. Бабаев,
кандидат филологических наук

В книге В. В. Виноградова «О языке художественной литературы», которую читала и высоко ценила Анна Ахматова, есть такая мысль: «Слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения» (М., 1959. С. 233).

Художественность вообще не тождественна так называемым тропам, то есть «средствам образной выразительности», как не тождественна она и нарочито «украшенной», метафорической речи. В той же книге Виноградов приводил суждение А. М. Пешковского о «неизбежной образности каждого слова» в поэтическом произведении.

«Дело не в одних *образных выражениях*, — считал Пешковский, — а в неизбежной образности *каждого слова*, поскольку оно

преподносится в художественных целях, поскольку оно дается, как теперь принято говорить, в *плане* общей образности» (там же, с. 246). Это очень важное замечание, позволяющее понять некоторые существенные особенности языка и стиля Анны Ахматовой.

Бывают такие художники, которые как будто сознательно ставят «плотину» перед «сгущенной образностью» и метафоричностью, достигая между тем поразительной силы поэтической речи путем «обычного употребления слова». К таким редкостным художникам относится и Анна Ахматова. В ее стихах и в ее прозе есть какая-то особенная летописная простота.

«Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка», — читаем в ахматовской заметке «Коротко о себе» (Ахматова Анна. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 238; далее — том и страница).

В пятнадцати верстах от Бежецка была усадьба Слепнево, принадлежавшая Гумилевым.

При слове *Бежецк* в ее памяти возникали картины старой крестьянской России: «Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясинны, осушенные болота, „воротца“, хлеба, хлеба (...). Там я написала очень многие стихи „Четок“ и „Белой стаи“» (там же).

Стихотворение «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» в сборнике «Четки» целиком навеяно бежецкими впечатлениями 1913 года. Именно на это стихотворение и указывает Анна Ахматова в биографической заметке «Коротко о себе».

Это одно из самых сильных ее произведений:

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

Пейзаж, своей воздушностью и прозрачностью напоминающий полотно великого Венецианова:

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

В этих стихах чувствуется затаенная тревога, какая бывает накануне великих испытаний или событий. Есть в них и то ощущение скованности и тесноты, которое вдруг «снимается» острой мыслью о вселенском просторе жизни. Так, после строк: «Ты знаешь, я томлюсь в неволе, / О смерти Господа моля», следуют удивительные и

неожиданные, как вздох, лирические признания:

Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Самое поразительное в этом стихотворении — именно соедине-ние чувства тревоги и тоски, какой-то стесненности и даже поте-рянности, с открытостью мира и сокровенной любовью к этим «не-ярким просторам», к этому «ветхому колодцу», к облакам, похо-жим на кипень, и этим скрипучим воротцам в полях.

В. В. Виноградов справедливо говорил о неожиданных «прира-щениях смысла» в контексте целого произведения. Именно это и происходит в стихотворении Анны Ахматовой по мере того, как разворачивается его лирическая перспектива.

Но разбор самых «простых» произведений классической поэзии порой оказывается труднейшей стилистической задачей.

В первоначальном наброске статьи о символике в поэзии Анны Ахматовой, написанном еще в 1922 году, Виноградов утверждал, что «журавль у ветхого колодца» принадлежит к «царству птиц» (Виноградов В. В. О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Пг., 1922. Вып. 1. С. 103).

Виноградов поместил эту строку в один ряд с другими, где только упоминается «журавль»: «И замирает острый крик / Отста-лых журавлей»; «Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный, / И крики журавлей, и черные поля»; «Журавль у ветхого колод-ца (...)» (там же, с. 102.)

Один из оппонентов Виноградова заметил тогда, что «это пти-ца из другого семантического гнезда». И вообще это не птица, а «сечен», противовес на длинной «пожке», с клювом-крюком для дуж-ки ведра над колодцем, что и делает его похожим на журавля.

Виноградов не мог согласиться с этим замечанием. В книге «О поэзии Анны Ахматовой», вышедшей в свет в 1925 году, он ис-правил свою ошибку и отнес журавля из стихотворения, написанно-го в Бежецке, к «миру вещей» (Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой. Стилистические наброски. Л., 1925. С. 23).

Какую шутку сыграли с ним, опытным стилистом, омонимы в этом, казалось бы, таком простом стихотворении!

В своей книге «О поэзии Анны Ахматовой» В. В. Виноградов отмечал сложность таких стихотворений, где отвлеченные имена и названия вещей (*воротца, запах хлеба, тоска*) вдруг обретают та-кие оттенки смысла, такие семантические значения, «которые в механизме автоматизированного повседневного мышления не вызы-вают никакого живого представления» (там же),

Есть лирическая точность — «вежливость поэтов», о которой прекрасно сказала Анна Ахматова: «(...) еще важнее, чтобы каждое слово в строке стояло на своем месте, как будто оно там уже тысячу лет стоит, но читатель слышит его вообще в первый раз в жизни. Это очень трудный путь, но когда это удается, люди говорят: «Это про меня, это как будто мною написано» (т. 2, с. 255).

Так в лирике Анны Ахматовой, по наблюдениям В. В. Виноградова, появляются «условно-символические сочетания слов», что и «сгущает впечатление загадочной неожиданности, способствует эмоциональной (...) переполненности Ахматовской речи».

Действительно, бежецкие стихи Анны Ахматовой столь крепко связаны с тверской землей, переполнены такой поэтической силой, что они по праву занимают место среди классических произведений русской лирики XX века.

Сколько раз предпринимались попытки свести чуть ли не все содержание поэзии Анны Ахматовой к «камерным», «личным» и даже «салонным» темам. А потом выяснялось, что в ее стихах есть и история, и общая судьба, и необычайная широта взгляда на жизнь.

И вот теперь космонавт Владимир Соловьев в своих заметках о полете на станции «Мир» пишет: «Подходит к концу наш полет, осталось что-то около двух недель... А тут и устал, и очень домой хочется...» (Соловьев В. Теплые стены «Мира». Заметки космонавта. // Правда. 1987. 5 янв.).

«Над Сахалином уже почь,— продолжает он свой рассказ,— входим в тень, завершается сеанс связи, прощаемся до следующего сеанса с Родиной, с Центром управления полетом...» (там же). И вот тогда, как вечная весть о родине, вспыхнули вдруг в памяти стихи Анны Ахматовой:

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипель, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

Вот так и раскрываются настоящие масштабы поэзии, когда становится доступной новая высота для понимания их неразрывной связи с душой человека, с современностью и с родной природой. «Когда я писала их,— говорит Анна Ахматова о своих стихах,— я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны» (т. 2, с. 239).

И заметки космонавта кажутся мне сейчас лучшим из всего, что когда-либо было написано об Анне Ахматовой.

Кажется, вся, какая только есть любовь к родной стороне воплотилась и прозвучала в стихах о «ветхом колодце» на Бежецкой

земле. И в них открылся не только земной, но и космический простор, сказалась не только земная тяга — сказался и космизм впечатлений человека, «затерянного в небе».

И «слова, обращенные друг к другу», стали знаками сокровенной речи, обращенной к каждому из нас.

...Анна Андреевна Ахматова очень любила подмосковное село Коломенское, памятник истории и архитектуры XVI века. Особенно арку над въездными воротами. Эта арка обладает чудесной способностью изменяться от времени, пространства и движения. Она спижается, берет в плен, заслоняет свет, давит на плечи, как тень Ивана Грозного. Это — когдаходишь.

А потом вдруг отступает вверх, растет на глазах, захватывает больше и больше неба, открывает даль, как будто для полета над крестами и верхушками деревьев, над самой Москвой-рекой, где стоят от века белые, как кипень, облака.

Анна Андреевна называла все это «метафорой арки».

И в жизни она не раз проходила через такие вот «въездные ворота» эпохи, когда порой и впрямь начинало казаться, что в художественном произведении слова обращены только друг к другу.

В набросках «Автобиографической прозы», вспоминая пророческую тоску бежецких времен, Анна Ахматова писала: «Слепнево для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец — полная свобода (это если выходить)» (т. 2, с. 247).

Чужое слово у Ахматовой

Р. Д. Тименчик,
кандидат филологических наук

представлении критики 1910-х годов ощущение «непосредственности» лирических излияний ахматовских героинь, какой-то «прямой трансляции» душевных порывов почти не оставляло места для вопроса об опосредованности ее текста. Только иногда поэты — из тех, чей круг чтения в эти годы совпадал с ахматовским — указывали на книжный источник ее вдохновений. Так, Вадим Шершеневич, погруженный в поэзию французских символистов, писал: «Творчество Ахматовой как-то мельком, зевая, проглянет одну, другую чужью книгу, зевнет, (...) грустит и поет о „нем”» (Современная женщина. 1914. № 4).

Еще более показательным началом стихотворного портрета Ахматовой, который был написан Мариной Цветаевой в 1915 году (за 26 лет до их первой встречи): «Узкий нерусский стан / Над фоллиантами» (День поэзии. М., 1968. С. 195; курсив наш. — Р. Т.).

Друг Ахматовой, поэт и критик Н. В. Недоброво в апологетической статье о ней чрезвычайно осторожно (чтобы не дать повод досужей критике порассуждать насчет подражательности, а то и «плагиата») замечал: «Средства, новые ли, старые ли, берутся ею те, которые непосредственнее трогают в душе нужную по развитию стихотворения струну. Поэтому, если Ахматовой в страстии по миру поэзии случится вдруг направиться и по самой что ни на есть езжалой дороге, мы и тогда следуем за нею с неослабно бодрой восприимчивостью (...). Когда стихи выпеваются так, как у Ахматовой, к творческой минуте применимы слова Тютчева о весне: «Была ль другая перед нею, / О том не ведает она» (Русская мысль. 1915. № 7).

Поздняя поэзия Ахматовой с ее подчеркнуто межтекстовыми отсылками (и прежде всего — «Поэма без героя») вызвала к жизни серию исследований о цитате у поздней Ахматовой — статьи Т. В. Цивьян, В. Н. Топорова, А. Е. Аникина и других. Авторы этих

работ пришли к тому же выводу, который некогда был сделан В. В. Виноградовым на пушкинском материале: «„Цитата“, „ссылка“ потенциально вмещает в себя всю ту литературно-художественную структуру, откуда она заимствуется или куда она обращена» (Лит. наследство. 1934. Т. 16—18. С. 153—154).

Но есть ли семантическая функция у полуневольного повторения чужого текста, у случайных и коварных подсказок памяти? Таких случаев выхода на «езжалую дорогу» немало в ахматовских стихах 1910-х годов. Вопрос этот надо рассматривать специально на каждом конкретном примере, но, по-видимому, существует как бы промежуточный вид использования чужого слова, когда воспроизведение каких-то читанных стихов до известной степени случайпо, сознательной отсылкой к иному тексту не является, но некоторым моментам глубинной структуры новосозданного стихотворения все же отвечает.

Последняя предвоенная киевская поездка Ахматовой, в последний предвоенный месяц 1914 года тогда же отразилась в ее стихотворении:

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

«Древний город словно вымер...»

Позднее Ахматова вспоминала об этой поездке: «Киевский Врубель. Богородица с безумными глазами в [Кирилловской церкви]. Дни, исполненные такой гармонии, которая, уйдя, так ко мне и не вернулась» (ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 116, л. 6). Настроение «гармонии» на первый взгляд и характеризует эмоциональную тональность стихотворения 1914 года.

Но третий стих второй строфы — это реплика брюсовской строки:

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи,
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.

Стихотворение Валерия Брюсова было напечатано в 1911 году в журнале «Gaudeamus». Несомненно, что двадцатидвухлетняя Ахматова с пристальным вниманием следила за стихотворным отделом этого журнала, в котором фактически состоялся ее литературный дебют в столице. Не менее вероятно ее заинтересованное чтение именно брюсовских стихов. В молодости она пережила увлечение брюсовской поэзией, а к моменту публикации стихотворения «Ангел бледный, синеглазый...», по-видимому, находилась в состоянии недоуменной обиды на вождя русского символизма: за несколько месяцев до того она послала Брюсову свои стихи с вопросом, стоит ли ей заниматься поэзией, но никакого ответа не получила. Теперь, по вполне понятным психологическим причинам, она должна была пристрастно и ревниво вглядываться в то, что вышло из-под пера самого «мэтра», отказавшего ей в отклике.

Так ли бессодержательно кажущееся невольным ритмико-фразовое уподобление у Ахматовой? Рассмотрим брюсовский контекст. Здесь возникает тема лермонтовского «Демона»:

Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! — гимн нескромный
Я тебе не спеть не мог!

Брюсовская отсылка была особенно значимой для Ахматовой, интерес которой к Лермонтову, по собственному ее признанию, «граничил с наваждением». Преломление темы «Демона» в творчестве Ахматовой рассмотрено в заметке о ней в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). Здесь же обратим внимание на то, что отголоски отдельных строк лермонтовской поэмы встречаются в ахматовских стихотворениях ранней поры. Пример из «Демона»:

Тамара.
А наказание, муки ада?
Демон.
Так что ж? Ты будешь там со мной!

У Ахматовой в стихотворении «Гость»;

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду»

(Реминисценция указана в устном сообщении Г. А. Левинтопа).

В лирике Ахматовой читателями несомненно ощущался «лермонтовский слой». Иногда он обозначался почти прямой цитатой, как в заключении стихотворения «Как мог ты, сильный и свобод-

ный...»: «И на кострах высоких жгли» воспроизводит стих из 7-й строфы первой части «Измаил-бея» («И на костре высоком жгли»). Но он давал знать о своем присутствии и без буквальных цитат, и Г. А. Гуковский, например, сближал стихотворение «А ты думал — я тоже такая» с «клятвами Демона» (Гинзбург Лидия. О старом и новом. Л., 1982. С. 415).

В киевском стихотворении 1914 года мотив Демона сокрыт в смысловой глубине. Росписи Врубеля, о которых в связи с этой поездкой вспомнила Ахматова спустя полвека, и в особенности «безумные» глаза Богородицы уже современниками понимались как попытка кощунственного скрещения тем Богородицы и Демона. По словам поэта Георгия Чулкова, в Кирилловской церкви «можно уже предугадать будущих „демонов“, кои соблазнился художник» (Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1930. С. 307). Для Врубеля, как замечал исследователь его художественного мира, «Богоматерь и Демон суть два антиномических лика единого лица, творчески вдохновлявшего художника» (Тарабукин Н. М. М. А. Врубель. М., 1974. С. 29). Сближение Ангела с Демоном, намеченное у Лермонтова, получило подробное развитие во врубелевских иллюстрациях к поэме (Дурьлин С. Врубель и Лермонтов // Лит. наследство. 1948. Т. 45–46. С. 597) и отразилось в брюсовском стихотворении. Заимствование из последнего у Ахматовой оказывается вполне осмысленным. Выведенной на поверхность стихотворения теме «гармонии», освещенной и освященной историей Киева — крестом Владимира, ознаменовавшим начало христианской Руси, вторит подспудная трагическая тема «демонизма», предчувствие гибельной обреченности этой гармонии. Когда в кажущемся профессиональным промахом употреблении чужого стиха мы обнаруживаем начало цепочки смысловых переключек, подчеркнуто безмятежная лирическая пьеса становится откровением тайной тревоги.

Разобранный пример показывает, как многообразно «работает» чужое слово в поэтическом тексте. Заимствование всегда вольно или невольно привносит с собой контекстуальные обертоны из источника. Но не всегда это суммирование однородных эмоциональных и ценностных сгустков. Иногда отношения текстов построены именно на контрасте, цитируемый текст может служить подразумеваемой смысловой антитезой цитирующего. Особенно часто это встречается у Ахматовой с ее склонностью к «отказному движению» — ведь не случайно у нее столько строф и стихотворений начинается с «Нет...».

«Не звукоподражание, а душепреображение...»

О. Г. Щербинина

ти заметки не претендуют на строгий лингвистический анализ и отчасти представляют собой индивидуальное впечатление от стихов Анны Ахматовой.

Обратимся к стихотворению «Стансы», написанному Ахматовой в 1940 году:

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели.
Мне снится страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?

В Кремле не надо жить, Преображенец прав,
Здесь зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь – взамен народных прав.

Анна Ахматова обладала поразительным чувством истории. Историей дышит каждая строка, слово и звук ее «Стансов».

Стрелецкая луна... Емкий поэтический образ, вызывающий ассоциации со стрелецким бунтом, стрелецкой казнью. В одной строке, как в древнегреческой трагедии, обозначены время и место действия – и буквальное, сиюминутное, и историческое; сценическая площадка извечного российского противостояния.

Первая строфа пронизана предощущением грядущих катастроф. Застывший мир, где неподвижность конкретной – этой, сегодняшней – ночи передает трагическую атмосферу оцененности страны, бессилия и страха, где все замерло и затаилось, как в кошмарном видении. Лишь медленно и неотвратно движение времени.

Звуковая организация строфы также подчинена замыслу поэта. Первая строка окрашена звуками *ц* и *ч*. Этот *ч* благодаря сумеречной окраске самого звука, усиленный повтором: *Замоскворечье – Ночь* – рисует зловещий образ ночи. (Из всех пазваний цветов *ч* встречается только в *черном* и *коричневом*, а следом за ними в веренице производных слов).

Мне снится страшный сон. Неужто в самом деле...

Тройное *с* в первом предложении создает ощущение томительности, затянутости кошмара, который невозможно с себя стряхнуть и очнуться. Задыхающийся, устрашающий двойной звук *ш* (*ж* на слух также глухой) окрашивает строку физически ощутимым ужасом.

Однако этим не исчерпывается звуковая палитра строфы. Здесь явственно слышится сочетание *р-ст* и *ст-р*: *крестный – страстная – страшный* – слова, близкие не только по значению, но и по звучанию, что делает их «единой плотью». Прием звукового повтора, зеркального отражения созвучий в близких словах, что сплачивает их в единый и неделимый образ и ощутимо обостряет восприятие. Подобные созвучия в творчестве Ахматовой часто сопряжены со страданием и крестной мукой. Две последние строки благодаря глаголу с отрицанием *не может*, усиленному троекратным, отчаянным восклицанием *никто, никто, никто*, сливаются в томящую реплику-вопрос.

Во второй строфе картины ночи сменяются раздумьями об истории России, ее диктаторах и злодеяниях. Отсюда: «В Кремле не надо жить...» Слова – *Самозванца спесь* – сливаются, друг друга усиливая и обогащая, в единое слово и философско-поэтическое понятие, становясь крылатым выражением. Тройной повтор звука *с* в словосочетании дает эффект необычайного эмоционального воздействия.

Звукопись стихов Ахматовой столь убедительна, что невольно думаешь: это не может быть произнесено никак иначе, в сказанном невозможно изменить ни звука. Совершенство формы, филигранная отделка стиха придают непреодолимую убедительность смыслу стихотворения; звуковое совершенство оборачивается завершенностью афоризма, чеканностью философской и поэтической формулы. Впечатление такое, будто поэт всего лишь извлек на свет то, что всегда существовало и будет жить вечно. Звукопись Ахматовой, кажется, можно назвать историчной, столь много в ней заложено глубоких прозрений.

Вот уже знакомая строка: «И Самозванца спесь – взамен народных прав». Здесь кроме гениально найденного словосочетания

Самозванца спесь еще и созвучие *зв-вза* цементирует строку так, что никакими силами ее не разнять. А постоянный повтор звука *з* в словах *здесь-зверства-злобы-Самозванца-взамен* — побуждает к раздумьям о жизни и истории, феномене «самозванства». (Ср. начальную строку стихотворения «Последняя роза»: «Мне с Морозовою класть поклоны». Речь идет о противостоянии самозванству самой Ахматовой).

В стихотворении «Молитва» Ахматова писала:

(...) Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Имя России в приведенном отрывке предстает осязаемым облаком славы — во многом благодаря светоносному *с*. В «Стансах» мы уже видели другую его окраску. А вот наблюдение Лидии Корнеевны Чуковской из «Записок об Анне Ахматовой». Она говорит о строках из «Подвала памяти»:

«И кот мяукнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?»

(...) это угрожающее длинное *с* в слове „рассудок“ и — четыре трезвые *д* — эту страшную строку, венчающую весь монолог каким-то приступом безумия (...)» (Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой: В 2 т. Париж, 1980. Т. 2. С. 33).

Видимо, в зависимости от контекста содержание звука *с* может варьироваться: *сияние* или *угроза*. В равной мере это относится и к звуку *ш*. Например, в слове *страшный* этот звук передает ощущение ужаса, но значение его может быть и совершенно иным: «Еле слышный шелест шагов». Явственно слышится благодаря тройному *ш* затихающий в столетиях *шелест*.

Приведем полностью это ахматовское четверостишие:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
В Царском селе (III)

Здесь также чрезвычайно важны *ле-лы*. Это созвучие словно выражает благоговейную нежность, которую поэту не свойственно высказывать явно. Это «не звукоподражание, а душепреображение», как заметила Л. Чуковская в тех же записках по поводу других стихов Анны Ахматовой, произнесенных на «райском наречии», извлеченном поэтом из русской речи.

Сказанное в полной мере относится и к хрестоматийному четверостишию:

Ржавеет золото, и ислевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

Вереница четверостиший (2)

Ислевает сталь — с помощью аллитерации поэт дерзко сближает несоединимые понятия. Если в «Стансах» созвучия *р-ст* и *ст-р* (*крестный — страстная*) помогают созданию трагического фона российской истории, то в этом словосочетании аллитерация *стл — ст-л* вызывает мысль о неминуемом разрушении того, что кажется людям извечно постоянным, нетленным.

Крошится мрамор. К смерти все готово. Здесь неоднократное повторение *к-р-м* и *к-м-р* и чередование *мор — мер* углубляет авторский замысел, создавая почти физическое ощущение тлена и гибели. На этом фоне благодаря певчим звукам *ле-ль* предстает исполненной печали третья строка. Торжественно и властно завершает четверостишие единственно нетленный итог: для Анны Ахматовой *незыблемым* и *вечным* всегда оставалось «царственное слово» Поэзии.

Свердловск

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. М. ЛЕОНОВА

Уроки Леонида Леонова

Крупнейшему русскому писателю Леониду Максимовичу Леонову исполняется 90 лет. Большое, праздничное событие для всей советской многонациональной литературы, научной обще-

ственности, миллионов поклонников таланта писателя.

Редколлегия и коллектив редакции журнала «Русская речь» от всей души поздравляют Леонида Максимовича Леонова со знаменательным событием, желают ему доброго здоровья, счастья и плодотворного труда.

На Всесоюзном совещании молодых писателей в январе 1956 года Леонид Леонов сказал: «Литература — это мышление, следовательно, писатель — это мысль, а мысль — это производное от сердца, разума и гражданской совести: это большая любовь к своей стране, это желание не получать, а давать, это путь человека, на который с особой ревнивой надеждой смотрят миллионы сограждан». Плодотворный творческий путь выдающегося современно-го советского писателя, драматурга и публициста Леонида Максимовича Леонова — свидетельство верного служения именно такой литературе, широким читательским кругам.

Творческое формирование Леонида Леонова происходило во фронтовой печати гражданской войны, когда молодой литератор овладевал основами писательской работы и создавал свою раннюю прозу. Самобытная, во многом неповторимая стилистическая манера Леонова предстала уже в самых первых опытах. Рассказы и повести 1922–1923 годов «Бурьга», «Гибель Егорушка», «Туатамур», «Петушихинский пролом», «Конец мелкого человека», «Записки Ковякина» остаются и поныне образцами виртуозной формы, «орнаментализма», сказовой яркости.

Литературную известность двадцатипятилетнему Леонову принес роман «Барсуки» (1924). В центре повествования братья Рахлеевы, возглавляющие два противоборствующих лагеря в деревне

в период продразверстки, гражданской войны, решения острых социальных и политических конфликтов. В «Барсуках» Леонов заявил о себе как о писателе, смело вторгающемся в жизнь, способном проникнуть в глубины человеческой психологии, умеющем убедить своей убежденностью, поднять из недр родного языка бесценные сокровища. Роман был благопринято встречен Горьким и Луначарским, разглядевшими в Леонове творца художественного слова, надежду молодой советской литературы.

В предисловии к французскому изданию романа «Барсуки» Горький, в частности, отмечал: «Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать именно те слова, избразительность и звучность которых особенно магически убедительна, и в книгах его почти нет лишних слов. Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, гользуясь словом, как живописец краской».

Появившийся вслед за «Барсуками» роман «Вор» (1927), впоследствии писателем доработанный, был также высоко оценен Горьким, который, отвергая упрощенное и категорическое толкование произведения рапполовской и лефовской критики, писал о Леонове как о человеке «своей песни», изумляющей оригинальной неповторимостью. Эта прозорливая горьковская характеристика главнейшего свойства художественного почерка Леонова объясняет неиссякаемый читательский интерес к каждому его новому произведению. В любом из них, отмеченном печатью несомненной даровитости автора, человек «своей песни» предстал подлинным новатором языка, идущим непроторенными путями.

Как масштабные достижения советской литературы восприняли современники леоновские романы «Соть» (1929), «Скутаревский» (1932), «Дорога на Океан» (1936), в которых в яркой образной форме воплотилось стремление писателя к утолению «извечной человеческой жажды добра и правды». За строками этих произведений вставала недюжинная личность самого художника, умеющего показать тонкую, трудноразличимую грань между явлениями жизни и явлениями искусства. Философская насыщенность изображаемого, концепция искусства, писательского творчества как особого рода мыслительной деятельности уже с 30-х годов стала средоточием леоновской эстетики.

Талант Леонова многогранен, а каждое его произведение — это поистине «открытие по содержанию и изобретение по форме», как любит говорить писатель. Леоновской прозе и драматургии присущи острая конфликтность, динамизм действий, мастерство диалогической речи, глубокий подтекст. Этими качествами обладают и написанные им в годы войны пьеса «Нашествие» и повесть

«Взятие Великошумска». Они были обращены к разуму и чувству соотечественников в пору смертельной опасности, будили творческую энергию народа-освободителя, воодушевляли па борьбу с врагом.

«Для мыслящего человека,— говорит Леонов,— нет дороже слова отчизна, обозначающего отчий дом, где он явился на свет, где услышал первое слово материнской ласки и по которому впервые пошел еще босыми ногами. С малых лет мы без записки читаем эту книгу жизни, написанную лепетом наших весенних ручьев, грохотом нашего Днепра, свистом нашей вьюги. Мы любим отчизну, мы сами физически сотканы из частиц ее неба, полей и рек».

Тема природы, сохранения ясного неба над планетой постоянно присутствует в художественном мире Леонова, но ярчайшее выражение она нашла в романе «Русский лес» (1953), получившем всемирную известность. Написанный мастерским языком, пронизанный гуманистическими идеями защиты мира на земле, охраны богатств природы и одновременно — гневным осуждением бездуховности и аморальности, роман Леонова взволновал миллионы читателей. Недаром автора «Русского леса» называют «защитником природы номер один».

В золотой фонд отечественной культуры вошли и такие значительные эпические полотна, как роман «Мироздание по Дымкову», киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинли», повесть «Евгения Ивановна», созданные Леоновым в шестидесятых-восьмидесятых годах. Эти произведения — при всем их жанровом и сюжетном различии — объединяют актуальнейшие мысли о будущем нашей планеты, размышления о войне и мире, о высокой духовности и гуманности как важнейших человеческих ценностях.

Литературно-критические статьи, публицистические выступления Леонова отличают концептуальность, оригинальность суждений, масштабность и глубина обобщений. О чем бы ни размышлял писатель, будь то наука и современность, человек и природа, язык и русское правописание, решение всех этих важных вопросов дается в широком историческом и философском, морально-этическом и нравственных аспектах. Написанные даже десятки лет назад, они и сегодня звучат актуально.

Характерна в этом отношении статья Леонида Леонова «Прошу слова», опубликованная в «Литературной газете» в 1964 году в связи с предполагавшейся реформой русской орфографии.

И хотя страсти по этому поводу давно улеглись, мысли Леонида Леонова о развитии языка как живого организма не устарели. Мы воспроизводим на наших страницах эту публикацию, полностью

разделяя точку зрения писателя: «Нам, имеющим постоянное творческое соприкосновение с этой родной стихией, надлежит лишь констатировать уже прижившиеся перемены,— по счастью, нам и не дано иной возможности вмешиваться в этот процесс, кроме как с совещательным голосом».

Прошу слова

Имею потребность высказать кое-какие неквалифицированные соображения по поводу только что опубликованного проекта новой русской орфографии.

Признаться, малость псевдомек: к чему она, уже не первая па памяти моего поколения, реформа правописания? Столь утомительные для запоминания, малообоснованные, опи с грустным удивлением воспринимаются братьями-литераторами и терпеливыми нашими корректорами в особенности. Нельзя столь часто совершенствовать одно и то же, острым ножом по живому телу. Надо по-божески, братцы, дайте и передохнуть немножко.

Стихия народного языка представляется мне громадным неспокойным морем, которое вечно колыхнется, меняется, поминутно вспенивается и бессонно бежит куда-то. Притом сквозь волну, чуть стихнет, всегда видна почти бездонная глубь, где таинственно возникает вдруг ступенчатая преемственность поколений, по которой читается последовательность интеллектуального развития нации, что так необходимо для ее исторического самопознания и, следовательно, для ее здоровья. И это очень хорошо, что язык просвечивает насквозь, что море это постоянно волнуется и кипит, бьется в целинные скалы в поисках более удобных и соответственных бытию форм. В этом его отличие от мертвых языков, где все застыло, все до алгебраичности статуарно и отвлеченно... Нам, имеющим постоянное творческое соприкосновение с этой родной стихией, надлежит лишь констатировать уже прижившиеся перемены,— по счастью, нам и не дано иной возможности вмешиваться в этот процесс, кроме как с совещательным голосом.

Таким образом, вопросы родной речи, как и начертания слов, которые для меня являются трепетной оболочкой мысли, решаются в недрах общенародной лаборатории, в процессе повседневной деятельности. В этом смысле нам, нынечным, бесконечно трудно предугадать, по какому руслу направится языковое творчество будущего, правописание в том числе. Пожалуй, давняя, начальная реформа отечественной орфографии, касательно ятей и твердых знаков, прошла так единогласно и относительно безболезненно потому, что, при очевидной необходимости своей, она была вдобавок первая.

И в человеческом организме, кстати, также имеются застарелые и вопиющие пережитки, вроде кончика или излишней на нынешнем уровне цивилизации волосистой щетки на щеке, но смотрите, с какой осторожностью природа ведет нас по этапам своего неисповедимого совершенства. (К слову, какая прелестная темка для интерпретации с переносом филологических рассуждений автора, скажем, в плоскость социологии!)

Грешен, эта тяга отрегулировать раз навсегда непокорную вихрастую стихию напомнила мне одно смешное в двадцатых годах, сатирическое, конечно, предложение вскипятить все наличные, имеющиеся в распоряжении рода людского водовместителя, как-то: пруды, лужи, океаны, тучки на спосях, колодцы и так далее, чтобы нигде не оставалось более сырой воды, и одним ударом покончить раз и навсегда с проклятым источником желудочных заболеваний. Даже благороднейшее в замысле своем мероприятие должно сопровождаться хотя и беглым подсчетом, во что оно обойдется пациенту.

Жаль, что проект не сопровождается конкретными подписями его авторов. Анонимность орфографической комиссии и некоторые несомненные шедевры ее работы, вроде за е д, м ы ш, н о ч, дают мне основание предположить, что к обсуждению этого общенационального дела не был приглашен ни один литератор — поэт или прозаик, имеющий по самому призванию своему повседневное профессиональное соприкосновение с разными речевыми тайнами в русском языке, какими, к слову, изобилует богатейшая крестьянская речь. Оговорюсь, не себя имею в виду: не будучи своевременно принят в Московский университет и не обладая законченным филологическим образованием, я не претендую на участие в работах высокой подразумеваемой коллегии. Однако в недрах Союза писателей у нас нашлись бы гораздо более меня осведомленные товарищи, обладающие сверх необходимых сведений и цензом с предложением печати.

Конечно, по затронутому вопросу следует массово, как говорится, выступить и братьям-читателям, для которых, надо полагать, небезразлично — пускать ли на свои книжные полки любимых классиков, перечесанных на новый образец. Разные бывают уирощения, по разным поводам и оттого с прямо противоположными следствиями! Будем же коллективно рассчитывать, что строгие авторитетные инстанции не допустят выпуска изданий, которые потомкам придется расценивать как заведомый полиграфический брак. (Впрочем, жаркие замечания эти не распространяются на ряд имеющихся в проекте вполне уместных уточнений, большинство которых и без того всегда разумелось само собою.)

В неперменной, надо думать, столь же горячей чьей-то отповеди на мои необузданные нападки очень хотелось бы почитать что-нибудь толковое в защиту — за ец. (Кстати, насчет огурцов: если вместо них вырастут огурцы, то я не стану есть таких огурцев!) Если таким путем стремились пощадить нежные мозги школьников и других перегруженных занятиями лиц, сберегая их от неизбежного, при письме, умственного напряжения, то... стоит ли? Систематическое высвобождение юной смены от так называемых излишних гуманитарных и смежных с ними сведений, исторических фактов и, скажем, библейской мифологии, мягко говоря, не во всем привело к добру. Один неназванный покойник сказал однажды, лет тридцать тому назад, тогдашнему нарком просвещения про его паству: «Они у тебя думают, что Наполеон — это пирожное». А между прочим, младому поколению существенно полезно знать, что Наполеон не только пирожное, а Галифе — не только штаны с кавалерийским растрескиванием!.. В старых благодарной памяти моей русских гимназиях обязательными были стяжавшие ненависть недорослей древнеславянский язык и классическая латынь. Своими экстермпоралиями, головоломными герундиями, достигательными наклонениями и аблативами они не только помогали освоению родственных им или дочерних наречий, но как раз и применялись для упражнений девственного ума, подобно тому как нижегородские кожемяки поступали с бычьими кожами для придания им гибкости и лучшей пригодности в деле труда и обороны.

Это уже не первый заход по русскому правописанию. Интересно — последний или имеется в замысле еще что-нибудь?

Возможно, все торопливо высказанное здесь и не во всем благозвучно, но, простите, бывают такие поводы, когда на площади в рельсу бьют.

РАССКАЗЫ И ЗАМЕТКИ ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА

Русского писателя Евгения Ивановича Замятина (1884—1937) теперь, видимо, уже не нужно представлять читателю. После почти полувекowego забвения ныне происходит его возвращение в нашу литературу: в 1986 году в Воронеже вышла книга Замятина «Повести. Рассказы», в 1988 году — впервые на родине писателя — опубликован роман «Мы», недавно в Москве в издательстве «Советский писатель» увидели свет «Избранные произведения» — наиболее полное на сегодня собрание его художественной прозы, а в издательстве «Книга» — его «Сочинения».

«Русская речь» предлагает вниманию читателей малоизвестные страницы прозы Замятина. Рассказы «Видение» и «Лев», написанные в 1935—1936 гг. во Франции, на русском языке были опубликованы посмертно в сборниках писателя, выходявших за рубежом (печатаются по кн.: Замятин Е. Сочинения. München, 1982. Т. 2).

Любопытен и цикл заметок «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева», публиковавшийся в 1924 году в журнале «Русский современник» (№ 1, 4). Заметки печатались без подписи и были написаны от лица вымышленного начинающего литератора (Онуфрия Зуева), по замечанию В. Тана-Богораза, — литературного собрата Козьмы Пруtkова (Новая Россия. 1926. № 2). В составлении «Тетради...» принимали участие К. И. Чуковский, М. М. Зощенко, П. Е. Щеголев, А. М. Эфрос и др., советами и наблюдениями которых пользовался Замятин.

ВИДЕНИЕ

Водка была особенная, настоянная на щепотке чая с маленьким кусочком сахара. Иванов и Куколя поспорили, кто больше может выпить. Соседи стали подзадоривать, считать рюмки. Потом все забыли о них, но они уже вошли в азарт, ни один не хотел уступить. Они пили со злостью, упрямо, и каждый старался показать другому, что он трезв.

У Куколя очки сползли на нос, его мягкие лошадиные губы стали мокрыми. На меховом, заросшем бородой до глаз, лице Иванова ничего не было заметно, но в голове у него стучала какая-то сумасшедшая кузница. Сквозь табачные облака он увидел беззубого маленького человека, который сидел на буфете под самым потолком, кричал, что он воробей и вил себе гнездо из газет.

Иванов никак не мог понять, мерещится ему это или на самом деле кто-то забрался на буфет. Ему стало неприятно. Он сказал Куколю, что идет домой. Куколя вдруг решил, что пойдет ночевать к Ивагову, хотя Иванов жил черт знает где — на даче под Москвой. Но Иванов несколько не удивился, и они вышли вместе, друг перед дружкой стараясь шагать как можно тверже.

В голове у обоих был такой же фантастический туман, какой сейчас, перед рассветом, накрыл всю Москву. Тусклые золотые купола висели в воздухе, как внезапно размножившиеся луны. Кремлевские башни превратились в вавилонские: их верхушки уходили в белую бесконечность. Иванову вспомнился человек на верху буфета и он осторожно спросил Куколя:

— А этого, на буфете, который гвездо вил — помнишь? Вот чудак!

— На буфете... гвездо? — вытаращил глаза Куколь. Потом спохватился и неуверенно сказал:— Да, да помню.

Иванов понял, что он врет. Они пошли молча, искоса, испытующе поглядывая друг на друга.

Кремлевские башни исчезли без следа. Туман стал еще гуще, он спустился на узкие переулки, как белый потолок, и переулки стали похожи на лабиринты метро. Иванов уже давно не понимал, где они идут, но не показывал виду, только шел все быстрее.

— Ну, где же это самое твое шоссе? Скоро? — спросил наконец Куколь.

— Сейчас, сейчас! — с притворной бодростью сказал Иванов.

И в самом деле, они перешли, спотыкаясь, через рельсы и выбрались на какое-то шоссе. Какое — Иванов не знал. Но Куколь успокоился, снял очки, даже занял что-то.

Вдруг шедший впереди Иванов остановился, во что-то вглядываясь, потом круто повернулся спиной к дороге и стал, зажмурив глаза. Куколь подошел.

— Что такое? — спросил он, ничего не понимая.

— Да нет, ничего особенного... — Иванов открыл глаза, он изо всех сил старался улыбнуться, но улыбка не вышла, губы у него дрожали.

— Ну, так идем. Чего же ты стал? — сказал Куколь.

Иванов вынул платок, тщательно протер глаза. Он медлил, он боялся: а что, если повернувшись, он снова увидит это? Но близорукие, прищуренные без очков, глаза Куколя с такой явной насмешкой глядели на него, что он собрался с духом и повернулся.

И справа, на пересекавшей шоссе дороге, он снова увидел это.

Уже рассветало, дул легкий ветер. Разсрванный туман летел над полем длинными полотенцами. Впереди, отрезанный от земли, призрачный висел в воздухе черный лесок. И к лесу медленно приближался, колыхаясь вправо и влево... белый слон! Иванов попробовал идти с закрытыми глазами, но через минуту не вытерпел, со страхом открыл глаза — и снова увидел слона.

Его прошиб пот: ему стало ясно, что он допился до галлюцинаций. Если бы не было этого проклятого Куколя, можно было бы сейчас, с закрытыми глазами просидеть полчаса, пока не пройдет хмель и не исчезнет этот нелепый белый слон. Но Куколь весело напевал за спиной, Иванову во что бы то ни стало надо было идти вперед — туда, где в тумане плыл слон. И он шел, обливаясь потом, закрывая и опять открывая глаза и всякий раз снова убеждаясь, что галлюцинация продолжается. Он потерял всякое представление

о времени: может быть, он шел так час, а может быть всего только пять минут.

До его сознания смутно дошло, что сзади, где напевая плелся Куколь, что-то такое изменилось. Потом он понял, что Куколь вдруг почему-то перестал петь. Иванов оглянулся и увидел: разинув рот, Куколь сквозь очки пристально глядел куда-то. Как только он заметил, что Иванов смотрит на него, он торопливо сбросил очки.

— Я бы, знаешь, посидел бы... Покурим, а? — робко сказал он Иванову.

На краю шоссе лежал большой камень. Как будто сговорившись, оба сели спиной к лесу, около которого Иванову привиделся белый слон. Они молча курили, упорно, мучительно размышляя. Куколь несколько раз поднимал очки к глазам, потом, с опаской покосившись на Иванова, снова опускал их. Наконец не вытерпел, напялил очки, быстро глянул через плечо — и сейчас же отвернулся. Длинное лошадиное лицо его было бледно, испуганно.

Иванову пришла в голову дикая мысль, что у Куколя — тоже галлюцинация, что он тоже увидел что-то. Но что? Иванов не рискнул спросить, чтобы не выдать себя.

Догоревшая папироса обожгла Куколю пальцы — только тогда он очнулся, бросил окурок и сказал Иванову:

— Ну, что же, надо идти, а?

Но продолжал сидеть. Иванов сделал какое-то неопределенное движение ногами, как будто собирался встать, но не встал. Куколь с любопытством смотрел. Иванов обозлился на него, на себя, и вскочил, нарочно толкнув Куколя плечом.

Когда он повернулся и глянул вдале — ему захотелось орать от радости: галлюцинация исчезла, впереди были только белые лепты тумана и черный лес. Он косолапо, по-медвежьки побежал к лесу, крикнув Куколю: «Догоняй». Но пьяные ноги слушались плохо, он плюхнулся в грязь. Догнавший его Куколь хохотал, запрокидывая голову вверх, — как курица, когда она пьет.

Весело болтая, они вошли в лес. Впереди была заросшая кустами горка, а нотом дорога, должно быть, спускалась. Разогнавшись, они с разбегу взяли горку и побежали вниз, где как блюдо с молоком лежала налитая туманом круглая полянка.

И на повороте, будто наткнувшись на какую-то невидимую стену, оба враз остановились. Совсем близко на поляне Иванов снова увидел белого слона и ему показалось даже, что он успел разглядеть короткий, мирно помахивающий слоновый хвост. В галлюцинации ничего не было страшного, но Иванову страшно было убедиться, что он сходит с ума. Не оглядываясь, он побежал во весь дух. Сзади он слышал прерывающееся, хриплое дыхание Куколя.

В двадцати шагах под березой вился дымок: рябой, с облупленным носом красноармеец кипятил на костре чай. Облупленный нос — это было так просто, трезво, реально, что Иванов сразу опаямтовался. Он, все еще тяжело дыша, присел возле костра и спросил:

— Вы, товарищ, в Москву? Служите там?

— Да, служба! Черт бы ее взял! — сердито плюнул красноармеец.

— А что? — участливо спросил Иванов, с нежностью глядя на облупленный нос.

— Да как же... сукин сын, а? На последней станции перед Москвой забунтовал, пришлось снять его с поезда.

— Кого — его? — осторожно вставил Куколь (он уже тоже сидел у костра).

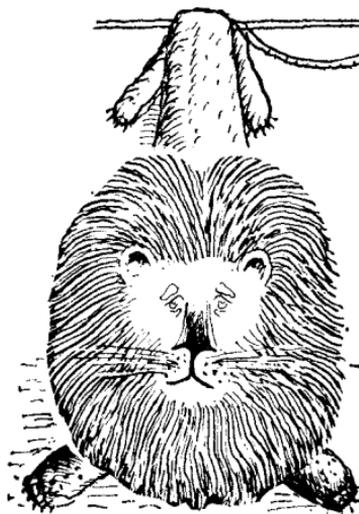
— Да слона этого самого. Из Ливадии везем: сиамский царь нашему подарил, а теперь, значит, ввиду революции — в Москву, в зверинец... Белых у вас нету.

— Нету, нету! — восторженно подхватил Иванов. — Я еще издали на шоссе его увидал и обрадовался: вот, думаю, московским трудящимся подарок! Спасибо, дорогой товарищ!

Он влюбленно стиснул руку удивленному красноармейцу, и пошел. Куколь за ним.

И молча, сконфуженно, стараясь не глядеть друг на друга, они зашагали через лес к шоссе.

ЛЕВ

В

се началось с происшествия совершенно фантастического: именно — великолепный царь зверей, лев оказался вдребезги пьяным. Он спотыкался на

все четыре лапы и валился на бок, это была совершенная катастрофа.

Лев обучался в Ленинградском университете и одновременно служил балетным статистом в театре. В сегодняшнем спектакле, одетый в львиную шкуру, он должен был стоять на скале и ждать, когда его сразит брошенное героиней балета копьё: тогда убитый лев падал со скалы на тюфяк за кулисы. На репетициях все шло превосходно — и вдруг сегодня, в день премьеры, за полчаса до подъема занавеса — лев подложил такую свинью! Запасных статистов не было. Отменить спектакль было нельзя: на спектакле будет приехавший из Москвы нарком. В кабинете у «красного директора» театра шло SOS-ное заседание.

В дверь постучали, и в кабинет вошел театральный пожарный Петя Жеребьякин. «Красный директор» (он сейчас на самом деле был красный — от злости) накинулся на него:

— Ну, что, что надо? Некогда! К черту!

— Я, товарищ директор... я — насчет льва,— сказал пожарный.

— Ну, что насчет льва?

— Как, значит, наш лев пьяный, то я желаю, товарищ директор, льва сыграть...

Не знаю, бывают ли у медведей веснушки и голубые глаза. Если бывают, то громадный, в чугушных сапожищах, Жеребьякин гораздо больше походил на медведя, чем на льва. Но вдруг чудом из него все-таки выйдет лев? Он божился, что выйдет, что он из-за кулис смотрел на все репетиции, что он когда еще был солдатом, играл в «Царе Максимилиане». И в пику криво ухмыльнувшемуся режиссеру директор приказал Жеребьякину сейчас одеться и попробовать.

Через несколько минут музыканты на сцене уже играли под сурдинку «марш льва». Лев Петя Жеребякин выступал в львиной шкуре так, как будто он родился не в рязанском селе, а в Ливийской пустыне. Но в последний момент, когда надо было падать со скалы, он глянул вниз — и загнулся.

— Падай же, черт... падай! — бешеным шепотом зашепел па него режиссер.

Лев послушно рухнул вниз. Он тяжело упал на спину и лежал, не мог встать. Неужели не встанет? Неужели в последний момент — опять катастрофа?

Его подняли. Он вылез из шкуры, он стоял бледный, держась за спину и сконфуженно улыбался. Однако верхнего зуба у него не хватало, и от этого улыбка была какая-то жалостная и детская (впрочем в медведях — всегда есть что-то детское, не правда ли?).

К счастью, ничего серьезного с ним, видимо, не случилось. Он попросил воды. Директор приказал принести ему стакан чая из своего кабинета. Когда он выпил чай, директор стал его торопить:

— Ну, товарищ, назвался львом — полезай в шкуру. Лезь, лезь, брат, скоро начнем!

Кто-то услужливо подскочил со шкурой, но лев не захотел в нее лезть: он твердо заявил, что ему непременно надо выйти из театра. Что это была за экстренная надобность — он отказался объяснить, он только сконфуженно улыбался. Директор вскипел. Он попробовал приказывать, попробовал напомнить, что Жеребякин — кандидат в партию, что он — ударник, но лев-ударник упрямо стоял на своем. Пришлось уступить — и, просияв щербатой улыбкой, Петя Жеребякин помчался куда-то из театра.

— Ну, куда, зачем его черт понес? — снова красный от злости спрашивал директор. — Какие-такие у него секреты?

Красному директору никто не мог ответить: секрет был известен только Пете Жеребякину — и, разумеется, автору этого рассказа. И пока Петя Жеребякин бежит куда-то сквозь осенний петербургский дождь, мы можем переселиться на время в ту июньскую ночь, в которую родился его секрет.

Ночи в ту ночь не было: это был день, чутко задремавший на секунду, как задремывает в походе солдат, не переставая шагать и путаясь между явью и сном. В розовом стекле каналов дремлют опрокинутые деревья, окна, колонны, Петербург. И вдруг от какого-то легчайшего ветерка Петербург исчезает; вместо него — Ленинград, проснувшийся от ветра красный флаг пад Зимним Дворцом, у решетки Александровского сада — милиционер с винтовкой.

Милиционера тесно окружила кучка ночных трамвайных рабочих. Из-за плеч Пете Жеребякину видно только лицо милиционе-

ра — круглое, похожее на рязанское яблоко-медовку. Происходит что-то очень странное: милиционера хватают за руки, за плечи — и наконец, один из рабочих, вытянув трубочкой губы, нежно чмокает его в щеку. Милиционер багровеет, яростно свистит в свой свисток, рабочие разбегаются. Петя Жеребякин остается один лицом к лицу с милиционером — и милиционер так же внезапно исчезает, как вспугнутый ветром зеркальный Петербург: перед Жеребякиным — девушка в милиционерской фуражке и гимнастерке, первая милиционерка, поставленная революцией на Невском проспекте. Черные брови над переносицей у нее сердито сцепились, из глаз — искры.

— Стыдно, вам, товарищ, — только и сказала она Пете Жеребякину, но как сказала! Он растерялся, он забормотал виновато:

— Да это же ей-Богу не я! Я просто домой шел...

— Эх ты... А еще рабочий! — посмотрела на него милиционерка, но как посмотрела!

Если бы здесь, на мостовой, был люк, как на театральной сцене, Жеребякин провалился бы в люк — и это было бы спасение. Но ему пришлось медленно уходить, чувствуя на спине насквозь прожигающий взгляд.

Назавтра — снова белая ночь, и снова товарищ Жеребякин шел со своего дежурства в театр домой, и снова у решетки Александровского сада — милиционерка. Жеребякин хотел проشمыгнуть мимо, но заметил, что она смотрит на него — и скопфуженно, виновато поклонился. Она кивнула. На зеркально-черной стали ее винтовки отсвечивала заря, сталь казалась розовой. И перед этой розовой винтовкой Жеребякин робел куда больше, чем перед всеми, которые стреляли в него пять лет на разных фронтах.

Он рискнул заговорить с милиционеркой только через неделю. Оказалось, что она тоже, как и Жеребякин, из Рязанской губернии, и еще помнит их рязанские яблоки-медовки. Ну, как же: и сладко, и горчит маленько. Таких здесь нету...

Каждый раз, возвращаясь домой, Жеребякин останавливался у Александровского сада. Белые ночи совсем сошли с ума — и зеленое, розовое, медное небо не темнело ни на секунду. В саду обнявшиеся пары как днем искали тени, чтобы их не было видно.

В такую ночь пеуклюже, по-медвежьи, Жеребякин спросил милиционерку:

— А что, например, вам, милиционеркам, при исполнении обязанностей можно замуж? То есть, не при исполнении, а вообще — как ваша служба вроде военная...

— А зачем — замуж? — опершись на винтовку, сказала Катя-милиционерка. — Мы теперь — как мужчины: хотим и так любим...

Виптовка у нее была розовая. Милиционерка подняла лицо к польхавшему в лихорадке небу, потом поглядела куда-то мимо Жеребякина — и договорила:

— Например, если бы такой человек, чтобы стихи сочинял... Или бы актер: чтоб вышел и ему бы весь театр захолопал...

Яблоко-медовка: и сладкое, и горькое. Петя Жеребякин понял, что лучше ему уйти и не возвращаться сюда больше: его дело — конченное...

Нет, не кончено! Бывают еще чудеса на свете! И когда случилось невероятное это происшествие, что лев, Божьим изволением, напился пьяным — Петю Жеребякина как осенило, он кинулся в кабинет к директору...

Впрочем, это все — уже позади: сейчас он сквозь осенний дождь мчался на улицу Глипки. Счастье еще, что это — рядом с театром, и счастье, что он застал милиционерку Катю дома. Это была теперь не милиционерка — это была просто Катя. Засучив рукава, она стирала в тазу белую кофточку. На носу, на лбу у пей проступали росинки — и никогда она не была милее, чем вот такая, дома шныряя.

Когда Жеребякин положил перед ней контрамарку и сказал, что он сегодня играет в спектакле — она не поверила. Потом — заинтересовалась. Потом почему-то сконфузилась и опустила засученные рукава. Потом посмотрела на него (но как посмотрела!) и сказала, что придет непременно.

Звонки в театре уже трещали в курилке, в коридорах, в фойе. Лысый нарком жмурился сквозь пелену в ложе. На сцене, за закрытым еще занавесом, балерины оправляли юбочки тем самым жестом, каким, спускаясь в воду, лебеди чистят крылья. И за скалой возле льва Жеребякина волновались режиссер и директор.

— Помни: ты ударник! Смотри — не подгадь! — в львиное ухо шептал директор.

Занавес пошел вверх — и за огненной чертой рампы перед львом раскрылся темный зал, доверху полный белыми пятнами лиц. Давно, когда он был еще Жеребякиным, он вылезал из окопа, перед ним рвались снаряды, он вздрагивал, по деревенской привычке крестился — и все-таки бежал вперед. Сейчас ему показалось — он не может сделать ни шагу. Но режиссер толкнул его сзади, и он, с трудом ворочая свои, сразу ставшие чужими руки и ноги, медленно полез на скалу.

На веру скалы лев поднял голову — и совсем близко от себя, в ложе второго яруса, увидел перевесившуюся через барьер милиционерку Катю: она смотрела прямо на него. Львиное сердце громко ударило раз, два! — и остановилось. Он весь дрожал: сейчас ре-

шалась его судьба, уже летело в него копые. Раз! — ударило оно в бок. Теперь надо падать. А вдруг упадет опять не так — и все погубит? Ему стало так страшно, как никогда в жизни — куда страшнее, чем когда он вылезал из окопа...

В зале уже заметили, что на сцене происходит что-то неладное: смертельно раненый лев стоял неподвижно на верху скалы и смотрел вниз. В первых рядах услышали, как режиссер страшным шепотом крикнул: «Падай же, черт, падай!» И затем все увидели нечто совершенно фантастическое: лев поднял правую лапу, быстро перекрестился — и камнем рухнул со скалы...

Секунда всеобщего оцепенения, потом в зале, как смертоносный снаряд, взорвался хохот. У милиционерки Кати от смеха текли слезы. Убитый лев, уткнув морду в лапы, плакал.

Из «Тетради примечаний и мыслей Онуфрия Зуева»

Воспоминания о дяденьке

В романе «Хромой барин» А. Толстого сказано: «Скотница, сидя на скамейке под коровой, доила *парное* молоко» (стр. 132). В связи с каковым молоком мне вспомнился мой покойный дяденька. Тоже соблюдал в выражениях большую точность и, бывало, говаривал: «А ну-ка, принеси мне мокрой воды стаканчик».

Нечто для молодых хозяек

Сочинитель Б. Пильняк сообщает, что проездом на ихнем английском корабле он своеглазно видел, как повар «развешивал по утрам соленую баранину для бекена» (журнал «Красная повесть», № 6, 1923 года, стр. 37). Спрошенный мною протоиерей о. Павел Щеголев разъяснил; что «бекен» по-коломенски, или по-английски

«bason», означает свиное сало. Так что, несомненно, англичане ныне умудряются приготовить свиное сало из простейшей баранины.

Открытие в науке геометрии

10-го сего апреля, при чтении вслух о. протоиерею того же сочинения Пильняка, дошел до места: «...корабль валится ко дну по эллиптическим кругам» (стр. 37) — и говорю: «Как же так, отец Павел? Круг — он круглый и есть, а какой же такой эллиптический круг? Это даже как-то невообразимо». На что получил ответ: «Дурак ты круглый. Открытия могут быть во всякой науке, в том числе и в геометрии». На что в сердцах возразил: «А если нынче у вас круги эллиптические, то, следовательно, и дураки не круглые, а эллиптические». На что о. протоиерей промолчал.

Зверство империалистов

Тот же Пильняк сообщает, что у англичан «матросы из кубрика идут спать в трюм». Это уж настоящее зверство так называемых просвещенных европейцев: всякому известно, кубрик и есть помещение, где матросы спят, а в трюм грузят товары. А эти акулы-англичане на ночь загоняют свой несчастный пролетариат в трюм, а кубрик у них остается пустой. Спасибо вам, тов. Пильняк, от лица моряков!

Размышление о прочих планетах

Говорят, что нынче до того додумались, чтоб и на прочие планеты летать. Полагаю, что ложный слух и никаких иных планет, кроме земли, в природе не имеется. Что доказано в сочинении А. Толстого: «Аэлита». Будто бы он попал на Марс, а оказывается, тамошний житель, взлетев, затем «вырвул и пошел у самой земли» — «снизился и пробежал по земле — «сел на землю». В предупреждении бессмысленных мечтаний считаю сочинение это весьма полезным.

Нечто об огне

У соседа, Капитона Ивановича, взял для изучения его орган, под названием «Красная газета» от 8 сентября сего года. И там новость такая, что мозги врозь.

«Большой пожар произошел в д. 10 по капалу Грибоедова. В квартире, где начался пожар, вскрыты полы и потолок. Одна из квартир 2-го этажа *подмочена огнем*».

Подмочена огнем... извиняюсь, не могу поверить! А и не верить — не смею: не какая-нибудь «Биржевка», а вечерняя «Красная газета». Господи, помоги моему неверию!

По случаю дипломатии

Даже в пот вдарило, потому что это в московских «Известиях» и всемирная величина Стеклов. Статья под именем: «Симптом начала или конца» (№ от 18 ноября сего года) — про ситуацию акул в Америке. И в статье читаю: «Все это только говорит в пользу того, что советская дипломатия должна предусмотреть новый поход и быть подкована на все четыре ноги по-летнему и на шипы».

Ну, будь я дипломатия,— я бы про себя этаких слов даром не свистил!

Нотабене: Подписаться на «Жизнь искусства»

Потому что в этом органе пишут, действительно, научно, хотя в смысле понятия трудно. Так, например, изречение: «Глубоко-социальный базис, подведенный под корень художественного оформления талантливого романиста» (заметка «В секции драматургов ЛАПП», № 30). Многие выражают, что я пишу хорошо, но сознаюсь скромно: куда мне — не написать так.

Нечто по поводу Кавказа

Это также из органа «Жизнь искусства». В № 30 напечатано к сведению, что кинематографические постановки И. Перестиани «неожиданно вскрывают специально-кинематографическую ценность грузинского народа и его страны». Действительно, всякий народ хоть чем-нибудь замечателен.

Успех в промышленности

В журнале «Звезда» № 3, в стихотворении С. Родова под названием «Коммунара о Предгубчека», прочтено мною нижеследующее:

Из Туркестана привозят хлопок,
Грязный и сбитый ватный комок,
Чтоб после под зубьями сотен машин
Текло *полотно* к аршину аршин...

Какие-нибудь там англичане старого мира до сих пор полотно из льна делают, а уважаемый товарищ Родов производит полотно из простейшего хлопка, что не в сравнении дешевле. Этого русского самородка необходимо записать на красную доску.

Еще изобретение

Такое, полагаю, сделано писателем В. Лидиным. В сборнике «К новым берегам» содержится рассказ Лидипа, где упомянуто, что «были посланы две радио-антенны». Когда по воздуху слова посылают — это дело плевое, потому что в слове — сколько в нем весу? А вот ежели дошли, что посылают уже не слова, а тяжелые

подобные предметы, вроде антенн – вот это я понимаю, это есть также полная победа нашей техники.

Размышление о конской сбруе

Означенное размышление произошло по поводу рассказа Всев. Иванова под названием «Как создаются курганы», где напечатано: «Мой приятель заговорил о скифах, здесь обитавших, о тяжелых бронзовых стременах и *удилах их седел*». Конечно, Всев. Иванов тут ни при чем, потому как это не он сам, а его приятель заговорил об «удилах седел». Однако из этого получается, какие нынче пошли приятели: только взглядишь – свинью подложат.

Научное мировоззрение

А именно, в романе писателя А. Грина «Блистающий мир» (стр. 42) прочитал: «Шутки, наблюдения, остроты, гимны – то легкое, лишь спокойному сердцу внятное давление мужского пара...». Из чего полагаю, что у этого писателя, действительно, научное мировоззрение, что человек есть вроде паровая машина. Однако, обратный вопрос в науке: какой действует пар в машине – мужской или женский?

Последняя новость

И опять Капитошка! Такое подсунул, что ум за разум заходит. И откуда, черт рыжий, выкапывает? Принес нынче «Литературную неделю» № 3 (28) 1923 года, издание «Петр. правды». На последней странице, в рамочке – под заглавием «Календарь рабочего». И напечатано:

«19 февраля поистине несчастный день для буржуазии. В этот день в 1473 году родился великий ученый положительной науки Коперник, который *опрокинул туманную надстройку лженаучных буржуазных теорий о вращении земли*».

Прочитал я, и Капитошка говорит: «Понял?». А я боюсь понять, – «Что, – говорю, – понял?» – «А то, – говорит, – что, стало быть, насчет вращения земли – это есть гидра, и нынче вращение это отменяется».

Батюшки, неужели не врет?

Публикация А. Ю. Галушкина

Булат Окуджава

9 мая Булату Шалвовичу Окуджаве исполнилось 65.

Родился он в Москве в семье партийных работников, впоследствии репрессированных. Из девятого класса ушел добровольцем на фронт, был ранен. После демобилизации в 1945 году заканчивает школу и поступает на филологический факультет Тбилисского университета. Затем преподаст русский язык и литературу в школах Калужской области, работает в редакции городской газеты «Молодой ленинец». После реабилитации родителей приезжает с матерью (отец расстрелян в 1937 году) в Москву, работает редактором в

издательстве «Молодая гвардия», в «Литературной газете», занимается стихотворными переводами. С 1962 года — член Союза писателей СССР.

Большинство представителей жанра авторской песни называют Б. Окуджаву среди своих учителей. Его первые песни (за исключением написанной еще в студенческие годы «Неистов и упрям...») появляются в 1956 году и уже к началу 60-х благодаря магнитофонным записям получают широкую известность. Часть их записана на шести авторских дисках фирмы «Мелодия».

Булатом Окуджавой издано восемь поэтических сборников, две прозаические книжки для детей — «Фронт приходит к нам» (1967) и «Прелестные приключения» (1971), книга автобиографических повестей и рассказов «Девушка моей мечты» (1988). С конца 60-х годов он работает и в жанре исторического романа. Его книги «Бедный Авросимов» (1969), «Похождения Шипова» (1971), «Путешествие дилетантов» (1976, 1978) и «Свидание с Бонапартом» (1983) изданы во многих странах мира. По его сценариям сняты кинофильмы «Верность» (в соавторстве с П. Тодоровским) и «Женя, Жечечка

и „катюша“» (в соавторстве с В. Мотылем), вместе с композитором И. Шварцем много и плодотворно работает в кинематографе и как автор песен.

А мы швейцару: «Отворите двери!
У нас компания веселая, большая,
приготовьте нам отдельный кабинет!»

А Люба смотрит: что за красота!
А я гляжу: на ней такая брошка!
Хоть напрокат она взята,—
пускай потешится немножко.

А Любе вслед глядит один брюнет.
А нам плевать — и мы вразвалочку,
покинув раздевалочку,
идем себе в отдельный кабинет.

На нас глядят бездельники и шлюхи.
Пусть наши женщины не в жемчуге,
послушайте, пора уже,
кончайте ваши «ах» на сто минут.

Здесь тряпками пошакивает так,
здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы.
Я не любитель всяких драк,
но мне сказать ему придется,

что я ему попорчу весь уют,
что наши девушки за денежки,
представь себе, паскудина, брюнет,
они себя не продают.

1957

Песенка про старого гусака

Лежать бы гусаку в жаровне на боку —
да, видимо, немного пофартило старику;
не то чтобы хозяин пожалел его всерьез,
а просто он гусятину на завтра перенес.

Но гусак перед строем гусиным
ходит медленным шагом гусиным,
говорит им: «Вы видите сами —
мы с хозяином стали друзьями!»

Старается гусак весь день и так и сяк,
чтоб доказать собравшимся, что друг его — добряк,
Но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака.

Пусть гусак перед строем гусиным
машет крылышком псевдоорлиным, —
но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака.

Август 1968

Римская империя

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка:
Цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам.

А критики скажут, что слово «соратник» — не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль, —
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает,

Римляне империи времени упадка
ели что придется, напивались гадко,
а с похмелья каждый на рассол был падох, —
видимо, не знали, что у них упадох.

А критики скажут, что слово «рассол», мол, не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль, —
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Юношам империи времени упадка
снились постоянно то скатка, то схватка;
то они — в атаке, то они — в окопе,
то вдруг — на Памире, а то вдруг — в Европе.

А критики скажут, что «скатка», представьте, не римская деталь, что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль, — мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка —
только им, красавицам, доставалось сладко,
все пути открыты перед ихним взором:
хочешь — на работу, а хочешь — на форум.

А критики хором: «Ах „форум“, ах „форум“ — вот римская деталь! Одно лишь словечко, а песенку как украшает!»

Может быть, может быть, может и римская — а жаль, — мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

1982

Булат Окуджава — властитель чувств уже нескольких читательских поколений. Его человеческое и задушевное песенное слово производит впечатление предельной доверительности и естественности. Однако естественность вовсе не означает безыскусность, она достигается в результате смелого творческого обращения с языком. «Песнь есть форма лингвистического неповиновения», — сказал однажды И. Бродский, употребивший здесь слово *песнь* как высокий синоним поэзии. Присмотримся к особенностям «лингвистического неповиновения» Булата Окуджавы. А поскольку его поэзия — раздолье для языковедческого взгляда, сосредоточимся на трех основных моментах (существенных и для поэтики авторской песни в целом): отступления от языковой нормы, поэтическая функция фразеологизмов, композиционная роль слова.

Помните последнюю строфу «Песенки об Арбате»: «От любви твоей вовсе не излечишься, / сорок тысяч других мостовых любя. <...>»? Не любви, а *любви*. Причем сказано это не случайно, поскольку в написанной полтора десятилетия спустя «Песенке кавалергарда» вновь обнаруживаем: «Не обещайте деве юной/любви вечной на земле!» Ясно, что это художественно значимое отклонение от нормы. Для обозначения подобных «отклонений» есть хороший античный термин — *солецизм*, то есть «нарушение морфологических или грамматических норм литературного языка без ущерба для значения данного слова или выражения» (Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966). В отличие от солецизмов обыденной речи («Сколько время?»), в поэтическом языке эти «нарушения» несут смысловую и эмоциональную нагрузку. М. Л. Гаспаров так определяет солецизм: «неправильный языковой оборот как элемент стиля» (Литературный энциклопедический словарь. М., 1987). Солецизм *любви* имеет свою историческую традицию: в стихотворении Блока «К Музе» есть строки: «И любви цыганской ко-

роче/Были страшные ласки твои...» (отметим, что стихи предельно напевны и отчасти стилизованы под романс).

Заметим также, что в сочетании *от любви твоей* в «Песенке об Арбате» содержится не только морфологический, но и синтаксический солецизм: «правильнее» ведь было бы — «любви к тебе», в песне все-таки говорится о любви поэта к Арбату, а не Арбата к поэту. Но мы понимаем, что именно такой оборот наиболее точно передает суть отношений автора с его, так сказать, малой родиной. Кстати, и у этой конструкции есть предыстория: в стихотворении Маяковского «Лилицка!» говорится: «(...) у любви твоей и плачем не вымолишь отдых», хотя и в этом случае автор имеет в виду *свою* любовь.

Параллели не случайные, поскольку и блоковская музыкальность, и «маяковская» дерзость повлияли на формирование поэтического почерка Окуджавы (о соединении в его творчестве романсовых ритмов с ритмами Маяковского см. в статье: Новиков Вл. Тайна простых чувств // Литературное обозрение. 1986. № 7).

Но и это еще не все. Окуджава склоняет нарицательное существительное *любовь* по модели имени *Любовь*, — и от этой маленькой частности тянется нить к важной содержательной закономерности. Поэт стремится преодолеть отвлеченность высоких понятий, персонифицировать их в живых образах:

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких сладобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

А постоянное обращение к Надежде в «Сентиментальном марше»: «Надежда, я вернусь тогда (...) / Надежда, я останусь цел (...)» — здесь почти не ощутима граница между именем и понятием. Своеобразная поэтическая нейтрализация различия имен собственных и нарицательных дает Окуджаве возможность «очеловечивать» самые разные слова и делать их именами: «Ваше благородие госпожа разлука (...) / Ваше благородие госпожа удача (...)» Автор даже не прибегает здесь к прописным буквам: «эффект имени» создается всем контекстом.

Обратим внимание на выразительный пример поэтической «нейтрализации» еще одного грамматического противопоставления. Как известно, существительные бывают одушевленные и неодушевленные. И так получилось, что само слово *душа* попало в разряд неодушевленных, поскольку отвечает на вопрос «что?», а не «кто?». При помощи простой вроде бы, но вместе с тем смелой метафоры Окуджава возвращает *душе* одушевленность:

Что такое душа? Человек задумчивый,
 всем наукам печальным и горьким обученный.
 Что-то, видно, не так в его трудной судьбе...
 Но он сам по себе, а я сам по себе.

Но вернемся к проблеме языковой нормы. Авторская песня достигла доверительного контакта с современниками еще и потому, что она была свободна от высокомерия, снобизма, эстетического и языкового пуризма. Она перерабатывала, переплавляла в своей творческой лаборатории такой «непрестижный» материал, как мещанский романс и блатная песня. Из фольклора «заблудших» и «отверженных» вычленилось значимое и ценное: разговорная раскованность, жажда справедливости и милосердия, при этом грубое и примитивное, то есть собственно «блатное» отбрасывалось. Интересно прочесть с этой точки зрения давнюю песню Окуджавы «А мы швейцару: „Отворите двери!“» (едва ли сегодня кто-нибудь отождествит ее «лирического героя» с автором): перед нами пример работы с грубым, но достоверным материалом быденной речи – работы, давшей такие неповторимые образцы лирической задумчивости, как «Ванька Морозов» и «Король».

Совсем другая речевая стихия представлена в песне «Римская империя» – пронцивая интеллигентность, не кичащаяся, однако, сознанием своей «элитарности», а диалогичная, открытая навстречу читателю и слушателю самому разному. Песня отмечена, так сказать, сквозной лингвистической рефлексией. Сознательно отклоняясь от лексической нормы и вводя в «римский» контекст несообразные с ним слова (*соратник, рассол, скатка*), поэт решает важнейшую содержательную задачу – художественное сравнение отдаленных друг от друга эпох, философское обобщение типичных особенностей социально-нравственного застоя. И для такого серьезного замысла лексическая однородность и иллюзорная «правильность» оказываются препятствием. Словечко *форум*, столь популярное в застойные годы для обозначения многочисленных бюрократизованных сборищ (в рассказе В. Катаева «Фиалка» герой-карьерист во время публичного выступления говорит вместо «представительный форум» – «представительный коллизей», путая два римских объекта, ставшие названиями вавших кинотеатров), – как бы «случайно», как бы по недоразумению оказывается действительно «римской деталью». Но принцип тождества, столь любезный сердцам недалеких критиков, для художника слова неприемлем: ему необходим контраст, противоречие, анахронизм. Без этого нет глубины сравнения, нет связи времен.

Авторская песня постоянно пересматривает сложившиеся связи между словами и понятиями, поэтому она проявляет повышенное

внимание к фразеологизмам, изречениям, пословицам и поговоркам, творчески их осваивая и трансформируя. Это сказалось уже в песенном дебюте Окуджавы — «Неистов и упрям...» Там автор весьма своеобразно обошелся с пословицей «Семь бед — один ответ», неожиданно ее «продолжив» и переосмыслив:

Пусть оправданья нет,
И целый век спустя —
Семь бед — один ответ,
Один ответ: «Пустяк».

А в глубоко философичной песне «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...» поэт подвергает решительному сомнению древнюю формулу безысходности и незащитности — «Москва слезам не верит»:

Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

«Развинчивая» старые устойчивые выражения, Окуджава постоянно выстраивает свою собственную поэтическую фразеологию: *дежурный по апрелю, комсомольская богиня, часовые любви, Ваше величество женщина, надежды маленький оркестрик под управлением любви, возьмем за руки, друзья*. Можно еще продолжать перечень этих «окуджавизмов», прочно вошедших в наше языковое и духовное сознание, ставших точными обозначениями важнейших для нас нравственных категорий.

Часто говорят о том, что поэтический талант — это тайна, разгадать которую никому не дано. Это верно, конечно, но самые общие закономерности поэтического таланта познаваемы. Одна из них — изначальная и прочная связь приемов языка с приемами композиции. Если слово у поэта не просто обслуживает мысль, а ведет ее, — значит, мы имеем дело с подлинной поэзией. Ключевые для Окуджавы слова: *душа, надежда, любовь, дорога, женщина* незамедлительно замыкаются в цепь, по которой сразу же проходит эмоциональный ток. Песня предстает как своеобразный словарь, включающий все главные категории человеческой жизни, как язык во всех его необходимых внутренних связях. Недаром же песня «Заезжий музыкант целуется с трубой...» завершается строкой-парадигмой, разворотом склонения главного слова:

Что мир весь рядом с ней, с ее горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

И прием припева используется поэтом не для простого повтора, а для своеобразного склонения заветной формулы. Благодаря

этому текст приобретает прозительную эмоциональную динамику, как, к примеру, в «Дорожной песне»:

Две вечных подруги – любовь и разлука –
не ходят одна без другой. (...)

Две странницы вечных – любовь и разлука –
поделится с нами сполна. (...)

Две вечных дороги – любовь и разлука –
проходят сквозь сердце мое.

И, конечно же, сквозь сердца читателей и слушателей с прицельной точностью проходят эти словесные образы.

*Публикация А. Е. Крылова
Филологический комментарий Вл. Новикова*

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означают слова „браво“ и „бис“?»

Г. В. Званцева, пос. Леонидовка, Московской обл.

Браво – итальянское bravo – отлично. Таким образом, им выражают высшую степень восхищения. Словом же *бис* (от латинского bis – дважды) публика требует от исполнителя повторения.

СЧАСТЛИВ ТОТ, КТО СЧАСТЛИВ В СЕМЬЕ

Л. А. Шкатова,
доктор филологических наук

Идут школьные каникулы. Самое время пообщаться с детьми, поговорить по душам, побыть вместе, всей семьей. Согласитесь, не так часто это удастся: работа, учеба... Многие откладываются для обстоятельного разговора с сыном или дочерью на «потом». А чадо, тем временем, не спешит расстаться с уличными приятелями, чтобы выслушать родителей. «В одно ухо влетает – в другое вылетает», – говорим мы. Беседа не клеится...

«Дети – зеркало нравственной жизни родителей» – эта истина непреложна и для языкового быта семьи. Часто представители старшего поколения обвиняют в невоспитанности молодежь, подчас забывая, что «яблоко от яблони недалеко падает». Давайте проверим речевые правила, закрепленные в обиходе вашей семьи: принято ли у вас приветствовать друг друга по утрам?; желаете ли вы своим домашним перед сном спокойной ночи? Какие слова вы чаще произносите, приходя с работы: «Здравствуйте, мои хорошие, как я соскучилась (соскучился)!» или «Ох, устала (устал)! Есть страшно хочу?»

Часто ли звучат в стенах вашего дома слова: «Извини, я виноват (виновата) перед тобой?»

Что скорее можно услышать во время обеда: «Как вкусно, спасибо большое!» или «Как мне надоели эти твои макароны (борщи, котлеты, поджарки и т. п.)!»?

В некоторых семьях предпочитают молчать, когда есть, за что похвалить хозяйку, но считают необходимым отчитать за любой промах: «Вечно ты пересаливаешь!», «Когда, наконец, ты научишься как следует варить борщ!», «Каша у тебя всегда, как размазня, поучилась бы хоть у кого-нибудь!» и т. д. и т. п. «А если это правда-истина?» – спросят недовольные мужчины. Но что-то не замечается, чтобы от перечисленных укоров эти способности возрастали, а от вечных попреков моральный климат семьи улучшался. Оставив в покое умения из области кулинарного искусства (если

в семье лад, стремление сохранить любовь приведет и к их освоению!), поговорим об искусстве речевого общения, о речевом поведении в семье.

Есть немудреный рассказ о том, как пожилой мужчина после тридцати лет супружества снова назвал свою жену: «любимая». «Никогда раньше, даже в молодые годы, — делился он с друзьями, — я не был так вычищен, выглажен, вкусно накормлен и обихожен, как после произнесения этого слова!». Принятое речевое обхождение, то есть этикет вашего дома, точно отражает взаимоотношения в семье.

Вернемся к нашим вопросам. Почему так важно приветствие по утрам? Да потому, что пожелание здоровья, сказанное с любовью, создает добрый настрой на весь день, а ворчливое «Опять тапочек пет под кроватью!» может спровоцировать раздражение, которое с утра перейдет от одного к другому, создавая эстафету дурного настроения, называемого «не с той ноги встал». Если в доме принято по утрам приветствовать друг друга тепло и даже с улыбкой, с шуткой, это очень помогает встать именно с «той ноги». Пусть же станут привычными известные «утренние слова»:

Доброе утро!; С добрым утром и хорошим днем!; Вам хорошо спалось?; Хорошее сегодня утро, не правда ли!; Ничего, что пасмурно: если над тобою тучи, знай, что за ними солнце!; Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный!..

Да в вашем «репертуаре», пожалуй, сотни хороших слов. Возможно, это «семейные» фразы. От таких слов тепло на душе. Копите их, вспоминайте в трудную минуту, включайте в свой только что складывающийся семейный быт. Пусть лучшие традиции старших переходят к молодоженам. Это тоже преемственность поколений.

Несомненна благотворность пожелания «Спокойной ночи!». Ведь неестественно, если сказав эти слова, кто-то включит телевизор или магнитофон во всю мощь, будет продолжать громкий разговор или выяснение отношений. Многим пожилым людям так дороги эти часы ничем не нарушаемого покоя, что формула речевого этикета, произнесенная с душевной теплотой и лаской, уже сама оказывает успокаивающее воздействие.

Я пришел! Есть хочу — типичное «приветствие» в некоторых молодых и немолодых семьях. Очень редко: *Добрый день, мамочка!*, или *Привет, пап, как дела?*, или *Здравствуй, бабуленька, как себя чувствуешь?*, или *Здравствуйте, дорогие, как я рад (рада) вас видеть!..* Жалуясь на эгоизм детей, забываем, что сами, приходя с работы, несем груз обид и неприятностей, который тут же «сваливаем» на родных, перегруженных своими заботами. Радость от

встречи с ними, с уютом, налаженным бытом должна преодолеть наши невзгоды. Поэтому первые слова при встрече желательны такие, которые вызовут хорошее настроение: *Добрый вечер, милые мои, ваша мама пришла, молока принесла!*; *Доброго здоровья! Все живы-здоровы, папу рады видеть?..* Можно по-разному, но всегда — дружелюбно и тепло.

Не менее важен и положительный ответ на вопрос о словах извинения. Как часто добиваемся мы от ребенка: «Скажи, что больше не будешь! Извинись! Проси прощения!» А сами? Гордость, самоуважение не должны строиться на унижении другого человека. Гораздо благороднее сказать: *Знаешь, я была не права; Виноват!*, чем неделями «изводить» домашних, игнорируя провинившегося, который, вполне возможно, тоже не считает себя виноватым. Давно замечено, что, признавая собственную ошибку, даешь основание задуматься собеседнику, прав ли он. Да и действительно, опыт подсказывает, что при ссорах, как правило, уступает тот, кто воспитаннее.

В «речевом репертуаре» благополучной семьи есть такие этикетные выражения: *Прости; Извини; Прости меня, пожалуйста; Если можешь, не сердись; Мне не хотелось тебя обидеть; Я виноват (виновата) перед тобой; Боюсь, что я причинила тебе вред; Я, наверное, утомила тебя, извини; Извини великодушно...* А в ответ: *Пожалуйста; Не стоит извинения; Ну что ты? Да стоит ли об этом говорить! Это сущие пустяки; Это мелочь!; Ничего страшного; Оставь, пожалуйста, я этого и не заметил (заметила)...*

Чувство такта, умение найти общий язык с членами семьи в любой трудной ситуации характеризует воспитанного и доброго человека. Совместимость как одна из черт психологического климата семьи — результат «работы души». «Не позволяй душе лениться!» — сказал поэт. Совестьливость — одна из основных нравственных черт русского народа — видна в таком этикетном слове, как *прощай!*, то есть, расставаясь, возможно, навсегда, *прости* меня за все плохое, что я вольно или невольно мог(ла) сделать, за возможные оплошности и досадные недоразумения. И прежде чем расставаться, положено посидеть, подумать и сказать, если это прощание не так уж и необходимо: «Возможно, я крепко виноват(а) перед тобой. Но ведь никто не застрахован от ошибок. Давай вместе попробуем разобраться...» Этот призыв будет понят и услышан, если не все еще потеряно. Ведь в основе ссоры может быть слово, которое не улетело, как воробей, а тяжелым грузом легло на сердце. Снимите этот груз признанием и своей вины, «добрым, тихим словом»...

Хороший «разговор по душам» нужен и старшим, и младшим. *Давай поговорим!* — эта фраза должна стать привычной. За ней не

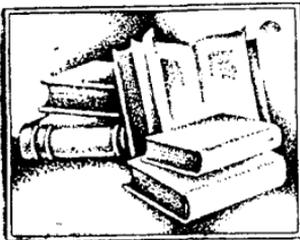
только «выяснение отношений», но и взаимный обмен мыслями и настроениями, обсуждение телепередачи и театрального спектакля, заботы о предстоящем отдыхе и желание помочь близким. Если в семейном укладе душевные беседы укоренились, дети сами легко идут на разговор со взрослыми, умеющими почувствовать их беды и радости, сказать: *Я тебя понимаю; На твоём бы месте я...* Вечное стремление поучать, разносить, неумение хранить тайну отбивает охоту раскрывать душу даже перед родным человеком. И мечется юная душа в поисках другого — понимающего собеседника, находя подчас отнюдь не лучших друзей.

Семейные разговоры — отражение климата семьи. Лев Толстой однажды сделал такую запись: «Несомненное условие счастья есть семья». Чтобы сделать счастливой вашу семью, всех живущих рядом, позаботьтесь о тех словах, которые они услышат от вас.

Челябинск

Из Нормативно- стилистического словаря русского языка

Предлог *по*

Этот многозначный первообразный предлог выступает в конструкциях с дательным, винительным и предложным падежом существительного или местоимения: *допустить ошибку по небрежности, одеваться по моде, работать по вечерам, выработать рекомендации по обработке почвы* (дательный); *пойти по ягоды, провалиться в воду по пояс, собрать по тридцать центнеров верна с гектара* (винительный); *понять по зрелом размышлении, тосковать по друге* (предложный).

Однако в одной и той же конструкции могут использоваться разные падежные формы: *скучать по нему — скучать по нем, по окончании вуза — по окончанию вуза, им по двадцать лет — им по двадцати лет*. В языке существуют синонимичные конструкции с другими предлогами: *сходить по воду — сходить за водой, допустить*

промах по небрежности — допустить промах из-за небрежности. Возникают и получают широкое распространение нетрадиционные сочетания, имеющие обобщенно-определяющее значение: *управление по строительству, план по трубам, работа по письмам.*

Конструкции с вариантной падежной формой

В соответствии с традиционной нормой существительные и местоимения, зависящие от глаголов со значением печального или скорбного чувства (*вздыхать, горевать, грустить, плакать, скорбеть, скучать, тосковать, убиваться* и др.), в сочетании с предлогом *по* принимали форму предложного падежа: «Обыкновенно в девятом часу утра он уходил на службу и уже в десятом начинал тосковать *по Мане* и *по своем новом доме*» (Чехов. Учитель словесности).

На протяжении текущего столетия норма управления изменилась — в конструкциях рассматриваемого типа стал употребляться дательный падеж: «Вскоре Алеша не на шутку начал тосковать *по нему*» (Соболев. Зеленый луч). Эту норму можно считать в современном русском литературном языке установившейся и стабильной. Следовательно, правильными и стилистически нейтральными будут сочетания: *скучать по другу, тосковать по детям, горевать по нему.*

Сочетания типа *по возвращении из отпуска — по возвращению из отпуска, по зрелом размышлении — по зрелому размышлению* имеют временное значение «после чего-либо»: *по возвращении из отпуска* — «после возвращения от отпуска». Здесь может быть представлен лишь ограниченный круг существительных: *по возвращении, по выяснении, по достижении, по завершении, по истечении, по окончании, по предъявлении, по прибытии, по приезде, по прошествии, по размышлении* и пек. др. Сочетания наподобие *по докладе* (т. е. после доклада), *по занятии, по выступлении* и под. в современном русском маловероятны.

В соответствии с нормой в подобных сочетаниях, которые встречаются преимущественно в книжной (деловой, научной, газетной) речи, существительные при предлоге *по* должны употребляться в предложном падеже: *по предъявлении документа, по завершении работы, по приезде из командировки.* Многие обороты по существу становятся устойчивыми словосочетаниями (ср.: *по зрелом размышлении, по предъявлении документа, по истечении срока, по миновании надобности*), а во фразеологических оборотах слова, как правило, сохраняют свою традиционную форму.

В сочетаниях типа *по пять книг — по пяти книг, по тридцать тонн с гектара — по тридцати тонн с гектара*, имеющих распределительное, или дистрибутивное, значение (можно поставить вопрос *по сколько?*), числительные традиционно употреблялись в винительном и дательном падежах.

В современном русском литературном языке окончательно утвердился винительный: *раздать по пять книг, сделать по пятнадцать шагов, исполнилось по двадцать пять лет, расфасовать по пятьсот граммов*. Варианты с дательным (получить *по десяти рублей, сдать по пятидесяти килограммов*) могут быть квалифицированы не просто как менее употребительные, но и как устаревающие грамматические формы.

Иная норма существует для таких слов, как *сколько* и *несколько*, а также слов *столько*, *много*, *немного*. Они традиционно употребляются в дательном падеже: *по несколько месяцев быть в командировках; по столько лет не видеться; по сколько книг вы получили?* Сочетания с винительным падежом (*по несколько человек, по много дней*) допускаются — в качестве сниженного варианта — только в разговорной речи.

Конструкции с предлогом *по* и синонимичные конструкции с другими предлогами

Конструкция с предлогом *по*, имеющая целевое значение, свойственна исключительно разговорной речи. Причем в ней может быть использован крайне ограниченный круг существительных: *пойти по воду (по дрова, по грибы, по ягоды)*. Распространенные в говорах сочетания типа *пойти по хлеб в магазин (по корову, по внука в детский сад)* находятся за пределами литературной нормы, хотя широко используются в художественной литературе и публицистике для воссоздания особенностей народной речи.

Стилистически нейтральными являются сочетания с предлогом *за* и творительным падежом существительного: *пойти за ягодами, хлебом, газетами, ребенком* и т. д.

В конструкциях с предлогом *по*, имеющих причинное значение, глаголы называют действие лица, а существительные (в форме дательного падежа) — внутреннюю причину, по которой это действие происходит. Это может быть качество (чаще отрицательное) или состояние человека: *упустить по безалаберности, не видеть по близорукости, отсутствовать по болезни, спутать по забывчивости, краснеть по застенчивости, забыть по легкомыслию, не знать по невежеству, допустить по неосторожности, сказать по ошибке, не сделать по халатности* и т. д.

В тех же сочетаниях используется и предлог *из-за*: *пострадать по неосторожности* — *пострадать из-за неосторожности*, *отсутствовать по болезни* — *отсутствовать из-за болезни*. Однако, кроме этого, предлог *из-за* может служить для обозначения внешней причины явления: *отменить поездку из-за дождя*, *не работать из-за поломки*.

Сочетания с предлогом *по причине* (*по причине болезни*, *по причине неосторожности*) свойственны главным образом официально-деловой речи, поэтому использовать их за пределами данной сферы (например в разговорной речи) без особых стилистических заданий не следует.

Конструкции с обобщенно-определятельным значением

Сочетания типа *инструкция по технике безопасности*, *мероприятия по подготовке к празднику*, *работа по письмам трудящихся*, *управление по выпуску журналов*, *специалист по двигателям*, распространенные в современной речи, имеют самое общее, нерасчлененное значение: *проведена большая работа* (какая именно? в какой сфере?) *по озеленению района*; *инженер* (какой? работает в какой области?) *по технике безопасности*.

Обобщенность, недифференцированность значения этих конструкций, где предлог *по* просто указывает на наличие отношения между словами, никак не конкретизируя и не характеризуя его, способствует смысловой емкости и краткости выражения. Во многих случаях использование подобных сочетаний с предлогом *по* оказывается целесообразным. Например, сочетание *работа по письмам* имеет больший смысловой объем (охватывает более широкий круг явлений), чем оборот *работа над письмами*, потому что подразумевает не только их чтение и изучение, но и подготовку ответов, обобщение, обработку для печати и т. д.

В некоторых случаях предлог *по* — единственно возможный вариант: *инструкция по эксплуатации*, *токарь по дереву*, *уполномоченный по заготовкам*. Однако образование и употребление конкретных словосочетаний имеет существенные лексико-синтаксические и нормативно-стилистические ограничения.

При словах — названиях учреждений, организаций, предприятий (*управление по торговле*, *комитет по ценам*, *трест по строительству*), как правило, не употребляются конкретные существительные. Они выступают в форме родительного падежа без предлога: *трест ресторанов*, *управление высотных домов и гостиниц*. В той же форме используются зависимые слова при существительных *институт* (в значении учебного заведения) и *министерство*: *Институт стали и сплавов*, *Министерство просвещения*.

Ненормативными являются сочетания, где *по* выступает на месте других предлогов или где связь в соответствии с нормой осуществляется при помощи беспредложного управления. Неправильны такие построения, как *лекция по теме* (следует: *лекция на тему*), *толкование по многим вопросам* (нужно: *толкование многих вопросов*), *комбайн по уборке картофеля* (нужно: *комбайн для уборки картофеля*), *руководство по реконструкции* (верно: *руководство реконструкцией*).

Следует избегать оборотов, где употребление конструкции с предлогом *по* ведет к плеоназму, избыточности языкового выражения. Не несущими самостоятельной информации часто являются сочетания с существительными *производство* и *изготовление* в названиях учреждений и предприятий: *завод по производству мягкой игрушки*, *фабрика по изготовлению мебели*. В подобных случаях рекомендуется: *завод мягкой игрушки*, *мебельная фабрика*.

Широкое распространение в современной речи получила конструкция *работа по* в сочетании с отглагольным существительным. Часто в подобных оборотах *работа* оказывается в смысловом отношении излишним, ненужным словом и по существу представляет собой словесный балласт высказывания. Это не только приводит к избыточности (которая сама по себе нежелательна с нормативно-стилистической точки зрения), но и накладывает на текст отпечаток тяжеловесного, казенно-канцелярского словоупотребления. Поэтому во всех случаях, когда достаточно употребить соответствующий глагол или отглагольное существительное, сочетания *работа по чему-либо* необходимо избегать. Не рекомендуется говорить: *приступить к работе по ремонту отопительной системы*, *провести работу по укреплению трудовой дисциплины*, *вести работу по руководству подразделением*. Предпочтение следует отдавать оборотам: *приступить к ремонту отопительной системы*, *укрепить трудовую дисциплину*, *руководить подразделением*.

Мелочовка или мелочёвка?

В. Ф. Мейеров,
преподаватель Иркутского университета

В прессе 80-х годов в этом и подобных ему существительных преимущественно употребляется буква *e* (*ё*). В такой графической форме предложено слово *мелочёвка* в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1984). С буквой *ё* предпочитают писать и существительное *речёвка*, крупно и броско оформляя этот заголовок для школьных пионерских уголков. Консультационный отдел журнала «Русская речь» тоже дал такую рекомендацию (1985. № 5. С. 61). В пьесе Вл. Губарева «Саркофаг» (Знамя. 1986. № 9) дважды встречается окказионализм *лучевка* (лучевая болезнь) — с буквой *e*. [Современное письмо использует букву *ё* как факультативный знак, заменяя его буквой *e*; только в специальных текстах (учебники, словари, книги для детей и т. п.) такое дублирование не допускается. Поэтому в статье предлагается сдвоенный знак *ё(e)*].

Поскольку в Орфографическом словаре эти существительные не зафиксированы, а в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года сделан акцент на суффиксе *-евк-*, рассмотрим написание некоторых слов этого типа и попытаемся обосновать правомерность в них буквы *o*.

Согласно рекомендациям «Правил», буквы *o* и *e* при обозначении ударного звука [o] после шипящих распределяются избирательно (§ 4). С их помощью противопоставляются производные слова. Одни, имеющие предметные значения, обычно образуются от существительных или отыменных прилагательных; в них закрепляется буква *o* (*петушок, галчонок, книжонка*). Вторые, означающие процесс, действие, соотносятся с глагольными формами, и для них рекомендована *e* — та же, что и в исходных формах на *-евать, -евывать* и *-еный, -енный*: *тушевать — тушевка, размежевать — размежевка, ночевать — ночевка, тушеный — тушенка*, а так-

же: *напряженный, напряженка, копченка, невозвращенка, незавершенка, пушенка* («сорт извести»), *сгущенка* и т. п. Все отглагольные существительные иных словообразовательных типов по действующему правилу должны писаться все-таки с буквой *о*: *деижок, прыжок, скачок; распашонка, трещотка* и др.

Существительные на *-[б]вка* в современном письме также оказываются орфографически противопоставлены: а) *корчевка, кочевка, ночевка, размежевка, раскряжевка, тушевка* и т. п.; б) *алычоска, грушовка, гужовка* («сыромятный ремень в конской упряжке»), *ножовка, хрычовка* и т. п. И противопоставление это регламентировано «Правилами». Однако суффикс *-овк-* в них никак не оговорен, а *-евк-* выделен особо (§ 4). Есть основания предположить, что акцентирование суффикса *-евк-* стало основной причиной вытеснения буквы *о* из состава новообразований типа *мелочовка*. Вот показательный пример: в словаре-справочнике «Новые слова и значения» это слово разработано подробно. В нем выделены три значения, все они предметны: 1) какие-либо изделия, товары небольшого размера; мелочь; 2) второстепенная мелкая работа; 3) пустяк, мелочь, какое-либо несущественное обстоятельство. А предложенная словообразовательная справка свидетельствует об отсутствии у слова какой-либо связи с глаголом: *мелочь* [*<мелкий>+овк(а)*]. Однако «орфографической формой» признается *мелочёвка*, ведь суффикс *-овк-* в «Правилах» отдельной строки не получил. Между тем само отыменное прилагательное (*мелочь*→*мелочовый*) должно было иметь в суффиксе букву *о* (сравните: *алычовый, холщовый* и т. п.), и в производящей основе существительного на *-ка* это *о* сохраняется: *алычовка, ножовка*. Таким образом, по логике действующих правил, следует писать *мелочовка* (с буквой *о* после *ч*). Именно в такой форме приводится оно в вузовском учебнике Кайдаловой А. И. и Калининой И. К. «Современная русская орфография» (4-е изд. М., 1983. С. 28).

На написание *речёвка* и *лучёвка* могли повлиять исходные прилагательные *речевой, лучевой*. В них буква *е* — вполне законный знак безударного звука. Но при переходе ударения оформление именного суффикса меняется: *ножево́й* и *ножово́вый, борщеве́й* и *борщово́вник*. Таков ударный суффикс в составе основного слова: *гужеве́й*→*гужовка*, *грушево́вый*→*грушбвка*. Поэтому следует писать: *речёвка* (←*речевой*), *лучёвка* (←*лучево́й*). Так же: *плащёвка* (плащевая ткань).

Итак, в словах *мелочовка, речовка, лучовка* правильнее использовать букву *о*, поскольку формируются в них предметные значения, а словообразовательные связи с глаголом не устанавливаются. В пользу этой рекомендации есть и несколько более общих сооб-

ражений. Во-первых, в условиях конкуренции однозвучных букв в паре знаков *о-ё* (*е*) естественно отдать предпочтение главному знаку — букве *о*, тем более, что это не вступает в прямое противоречие с действующими правилами. Во-вторых, буква *е* в современном письме, например в существительных *камышевка*, *лапшевник*, может быть ошибочно прочтена как *ё* после шипящих (по аналогии с *тушёвка*, *раскряжёвщик*), хотя следует произносить *камышевка*, *лапшэвник*. Буква *о* в этом случае надежно обеспечила бы правильность произношения (см.: Орфографический словарь русского языка: *борщевник*, *пустошовка*, *ужевник* и т. п.).

Наконец, в русском письме уже апробировано невариантное сочетание *-цо-*, которое используется во всех производных словах — и отыменных, и отглагольных: а) *перцовка* (←*перцовый*), *свинцовка* (←*свинцовый*), *спецовка* (←*специальный*); *лупцовка* (←*лупцевать*), *облицовка* (←*облицевать*), *фарцовка* (←*фарцевать*) и т. п. Думается, что следует писать *о* и после шипящих, что потребует изменения действующих правил и особого обсуждения. А вот буква *о* в словах типа *мелочовка* им вполне соответствует и, как показано в этой статье, отвечает духу орфографической тенденции на этом участке нашего письма.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«На уроке труда мы иногда делаем *аппликации*. Скажите, почему это занятие так называется?»

Маша Степанова, ученица 3 класса, *Москва*

Дорогая Маша! Ответ на свой вопрос ты найдешь в Словаре иностранных слов: *аппликация* происходит от латинского слова *applicatio* — прикладывание.

Что такое МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА?

Л. А. Морозова,
кандидат филологических наук

б этом уже написаны целые тома монографий, сборников, статей и диссертационных исследований. Рассмотрим проблему многозначности в терминологии, так

как именно в профессиональных языках продолжает развиваться это явление всех языков мира. В специальную лексику из сферы быта переносятся слова, наиболее близкие и понятные человеку. Ведь человеческая деятельность открывает все новые и новые грани жизни, обогащая предметный мир и перенося из одной области знаний в другую обозначения открываемого. В лингвистической литературе помимо термина «многозначность» используется «полисемия» (от *poly* – много, *sema* – знак) – многозначность слова (или знака), наличие у одного слова (или знака) нескольких значений.

В. И. Ленин отмечал, что «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга...» (Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226). Гибкость понятий, способность их к развитию содержания и объема неизбежно сопровождается возникновением новых языковых обозначений. При этом развивается многозначность и в терминологии. Одним словом могут обозначаться понятия далеких друг от друга отраслей знаний, например: *функция* (в философии) – одна из категорий, характеризующая отношение двух объектов, где изменение одного из них влечет за собой изменение другого; *функция* (в лингвистике) – способность языковой формы к выполнению определенного назначения; *функция* (в математике) – одно из основных понятий, выражающее зависимость переменных величин от других величин; *функция* (в социологии) – роль, которую выполняет определенный социальный институт, или процесс по отношению к целому. В пределах терминологической системы одним словом могут быть названы разные категории понятий: *тормоз* (в технике) – 1) процесс торможения; 2) тормозное устройство; *сброс* (в геологии) – 1) тектонический процесс смещения пород; 2) структура – следствие этого процесса.

Оценка многозначности в терминологии довольно противоречива. С одной стороны, полный запрет, так как многозначность затрудняет взаимопонимание специалистов, восприятие ими текстов — такую рекомендацию дают все методические пособия по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. С другой — признание объективности этого явления, поскольку термины пока не выработали эффективной защиты от многозначности. Материалы государственных стандартов на термины и определения, специальные словари и тезаурусы, тексты научной и технической литературы свидетельствуют о широком распространении полисемии: одно слово часто используется для наименования разных научных и технических понятий. И жизнь диктует свои законы, давая тому прекрасные примеры. Таково активное функционирование в наши дни термина *госприемка* в двух основных значениях, соотносимых с двумя разными понятиями: 1) процесс сдачи и приема продукции предприятий; 2) аппарат людей, занимающихся приемом продукции.

Несомненно, идеальным было бы положение: каждому новому понятию — свой термин, тем более, что сама процедура составления стандартов позволяет удовлетворить это требование. Но как, усилиями каких специалистов? — Ответа на этот вопрос нет. А терминологическая многозначность — объективный факт. Ее представляют три функционально различающиеся группы многозначных терминов: 1) межотраслевые, 2) межкатегориальные и 3) сочетания, включающие в свой состав многозначный компонент.

В первой группе объединены термины, имеющие общую внешнюю форму и отличающиеся полным несовпадением значений. Здесь с большой степенью условности объединены разные лингвистические категории: многозначные термины и омонимы. Например: *прибыль* (в экономике) — категория, выражающая финансовые результаты хозяйственной деятельности предприятий; *прибыль* (в технике) — верхняя часть стального слитка, где располагается усадочная раковина. Как видим, слова обозначают реалии, не обнаруживающие между собой никакой связи, не имеют точек соприкосновения ни по родовой принадлежности (*категория* и *верхняя часть стального слитка*), ни тем более в конкретных смысловых признаках. Это дает основание считать их разными терминами. Каждый из них связан со своей терминологической системой.

В основе возникновения ряда подобных терминов лежит ассоциативно-метафорическая аналогия. По ее принципу создаются, как правило, термины, восходящие к исконно русской лексике:

бык, болтушка, клетка, мост, крыло, лопатка, набор, полотно, порог, рак, рожок, лист, лицо, хвост, шатун, ячмень и мн. др. Некоторые из них сохраняют связь с производящим. Так, *мост* — 1) сооружение, 2) часть шасси автомобиля и 3) зубной протез — в составе значений содержит общий признак, указывающий на функцию соединения объектов. Именно этот общий признак вызвал к жизни образное выражение *наводить мосты*, т. е. устанавливать связи, взаимные контакты с людьми. По ассоциации с ним в наше время появились *телевизионные мосты*, связывающие города разных континентов. Другой пример: *рожок* — 1) музыкальный инструмент; 2) трубка, приставляемая глухим для усиления слуха; 3) сосуд с узким горлом; 4) техническое приспособление; 5) плод некоторых растений. В каждом термине, именуемом словом *рожок*, присутствует общий признак — сходство внешней формы объектов. Нередко возникают наименования от иноязычной, широко распространенной в обиходе лексики. Так, на основе аналогии с английским танцем шимми, популярным в начале 20-х годов нашего столетия, этим словом названо «самоколебание носового колеса трехколесного шасси самолета на рулении, разбеге и пробеге, приводящее нередко к аварии».

Такой способ образования терминов весьма продуктивен, что уже отмечалось в научной литературе. Он сопровождается, как правило, изменением значения производящего термина, что находит отражение в их определениях: *парадигма* (в логике) — пример, приводимый в качестве доказательств, и *парадигма* (в лингвистике) — система форм одного и того же слова.

Терминологические омонимы — следствие заимствования терминов из разных языков: *кран* в значении «затвор в виде трубки» восходит к голландскому языку, а «механизм для подъема грузов» — к немецкому; *риф* — «ряд подводных или маловозвышающихся над уровнем моря скал на мелководьях» — из немецкого языка, а «поперечный ряд прикрепленных к парусу завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса» — из голландского. Омонимия по своей природе достаточно однородна и функционально однотипна: при полном тождестве языковой формы она обслуживает разные отрасли знания, выражая разные понятия.

Вторая группа — межкатегориальная многозначность — объединяет термины, функционирующие в пределах одной терминологической системы. Термины проявляют способность соединяться с разными категориями. Эта универсальная для языка науки и техники типология базируется на реальных связях и обусловлена ими.

Например: ткань — изделие из нее (*джерси, лен*); растения, травы — продукты из них (*хлеб, календула*); процесс — результат процесса (*выпечка, антисептика, парагенез*). В музыке одним словом обозначаются разные понятия: *бас* — 1) низкий мужской голос; 2) применяемый в духовых оркестрах медный ширококопечурный духовой инструмент; 3) самый низкий звук аккорда; 4) самый низкий голос в музыке многоголосого склада. Перенос названия на смежные понятия в пределах одной терминосистемы сопровождается существенным изменением признака ближайшего рода: голос, инструмент, партия, певец. В каждом из этих четырех значений содержится общий признак — «самый низкий».

Межкатегориальная многозначность остается актуальным средством в создании наименований в языке науки и техники.

Самостоятельную группу образуют термины, включающие в свой состав многозначное слово в качестве основного конструктивного элемента: *крыло самолета, крыло машины, крыло мельницы*. Слово *крыло* конкретизирует родовое понятие, сохраняя при этом связь с общим признаком: «летательный орган». А вот термины, включающие компонент *головка*: *головка корнеплода, головка магнитная проводниковая, головка соединительная пожарная, головка шлифовальная алмазная, головка видеоснимателя, головка зуба начальная, головка инструментальная* и мн. др. Аналогична функция слов *барабан, поле, ножницы, шайба* и мн. др. в составе сложных терминологических образований.

Наблюдения над этими и другими терминами позволяют утверждать, что процесс многозначности в современной терминологии весьма активен.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ШАХМАТОВА

Свет вечной правды

С. В. Смирнов,
доктор филологических наук

Среди филологов конца XIX — начала XX века Алексей Александрович Шахматов был центральной фигурой. Своим научным авторитетом, талантом организатора он способствовал развитию лингвистической мысли в России.

А. А. Шахматов родился 5(17) июня 1864 года и прожил всего 56 лет, но успел за это время опубликовать более 150 монографий, учебников, статей и рецензий, которые представляют собой золотой вклад в языковедение, литературоведение, ис-

торию и этнографию. Еще будучи гимназистом, он знакомится с Ф. Ф. Fortunatovым и под его руководством начинает свои научные занятия. Fortunatov ожидал встречи с гимназистом, а нашел юношу с таким запасом знаний, который был бы под стать зрелому ученому.

Первая печатная работа А. А. Шахматова появилась в 1881 году, когда ему было всего 17 лет. После окончания гимназии он поступил в Московский университет, продолжая заниматься у Fortunatova. Ученик быстро и полно воспринял от учителя все, что составляло сущность и силу его научных идей: тщательное изучение языковых фактов в их взаимосвязи и высокое отношение к научной истине.

Закончив университетский курс (1887), Шахматов по предложению своего учителя остался для подготовки к профессорскому званию. За диссертацию «Исследования в области русской фонетики» ему была присуждена ученая степень доктора. С 1894 года вся деятельность

А. А. Шахматова протекала в Академии наук. В возрасте 33 лет он был избран экстраординарным академиком, а через два года — ординарным. С 1906 года ученый руководил Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) АН (о творческом и жизненном пути А. А. Шахматова подробнее см.: Русская речь. 1970. № 6; 1984. № 3; 1985. № 1).

А. А. Шахматов был прежде всего лингвистом, но не замыкался в своей специальности. Он открывал доисторическую жизнь славянства, давал новое построение русской истории и тем самым развивал национальное самосознание. Ученый знал, что нет культуры без уважения к прошлому, ибо культура — это прежде всего передача накопленного от одного поколения к другому. Труды Шахматова знала вся Россия, их ценил ученый мир Европы.

Жизнь для Шахматова была исполнением долга гражданина, человека и ученого. Это чувство ответственности, целеустремленность проявляются уже в десятилетнем мальчишке, который начал писать историю России. И в последние дни, будучи тяжелобольным, он заполняет карточки для своего большого труда — «Синтаксис русского языка». Без работы для него не было жизни. Рядом с трудом Шахматов ставил доброе отношение к людям. Он всегда находил время помочь тому, кто

нуждается в его помощи, считал невозможным не ответить на письмо, притом немедленно и обстоятельно. Чуткий к человеческой пужде, он всегда помнил о человеке, который ждал поддержки, ответа на сомнения.

Неотъемлемой чертой Шахматова была простота. Академик С. Ф. Ольденбург писал в своих воспоминаниях: «Думаю, что те, кто близко знали Алексея Александровича, согласятся со мною, что этот великий русский ученый был деревенский, а не городской человек. Нам, привыкшим соединять понятие культуры и науки только с городом, такое утверждение может показаться странным, между тем оно несомненно так. (...) Ему особенно дорог и близок был крестьянин, человек земли, а Алексей Александрович любил землю какой-то особенной, нежной любовью; его научный интерес к вопросам колонизации и переселений неразрывно был связан с этой почти мистической любовью к земле» (Известия ОРЯС. Т. XXV. Пг., 1922). Это была не отвлеченная любовь русского интеллигента к народу. Приезжая в деревню, Шахматов прежде всего шел навестить своих друзей, поговорить с ними. Потом в Петербурге часто рассказывал об этих беседах, которые много давали ему для понимания народной жизни.

Из любви к деревне и крестьянину Шахматов в тече-

ние трех лет (1894—1894) — был земским начальником Саратовского уезда. Этот порыв он оправдывает перед Фортунатовым, чтобы тот не усмотрел измену науке. Он пишет ему в письме: «Оставляя университет, я как-то слепо повиновался охватившим меня чувствам и положительно не владел собою. И до сих пор не могу настоящим образом раскаяться: я так привязан к крестьянам, так их люблю, что тяжело будет с ними расстаться».

Квартира Шахматова в Петербурге была своего рода штабом русской науки. Сюда приходили многие ученые: друзья и знакомые, гости из других городов, иностранные филологи, чтобы повидаться и поговорить с академиком, получить советы и указания. Здесь не было никакой официальности, все чувствовали себя свободно и просто. В общей и непринужденной беседе можно было услышать много нового и интересного, чего нельзя было найти ни в книгах, ни в журналах. Сам хозяин обладал необыкновенной способностью слушать собеседников, притом с таким вниманием и участием, что каждый высказывал все, что у него было на душе.

Ко всякому делу Шахматов относился серьезно и добросовестно. Став директором I отделения Библиотеки Академии наук (1899), он упразднил директорский кабинет, предоста-

вив его для выдачи книг на дом; отказался от денежного вознаграждения за должность директора и отдал его на нужды библиотеки, которая была открыта для всех желающих, стала источником знаний и центром культуры.

В течение двенадцати лет (с 1908 года) Шахматов читал в Петербургском - Петроградском университете историю русского языка, церковнославянский язык, русскую диалектологию, вел семинары и просеминары. Особенно большую пользу из его лекций и бесед извлекали те молодые люди, которые готовили себя для науки. В приветствии Шахматову в 1913 году по случаю 25-летия его научной деятельности студенты писали: «В Вашем лице — перед нами не только передовой ученый, ставящий науку на уровень науки европейской, заставляющий европейский мир прислушиваться к ее жизни. Изучая язык, Вы вникаете и учите вникать и нас не в одну его мертвую плоть, но и в его живую душу; учите любить славянские языки и с ними жизнь славянских народов во всем их огромном многообразии; учите вносить в изучение их жизни гуманность и беспристрастие. Не менее, чем Ваши уроки, учит нас живой пример Вашей личности — пример ученого, гражданина и человека. Вам всегда внимательное и душевное участие к студентам, и не только к их скром-

ной работе, но и ко многим тяжелым и горестным случаям студенческой жизни, еще и еще раз говорит нам, какого незаменимого руководителя и наставника мы имеем в Вашем лице. И теперь, в тяжелые для академической жизни дни, веря в будущее русской науки и в будущее нашего университета, мы неразрывно связываем нашу веру с верой в глубину и силу Вашей деятельности» (Архив Академии наук СССР, фонд 134, опись 1).

Шахматов был одним из самых уважаемых профессоров университета, он многое сделал для развития преподавания не только русской, но и балтийской, кельтской и финно-угорской филологии. К сожалению, не все мечты его и планы тогда осуществились, но начало было положено.

После Октябрьской революции встала задача привлечения к социалистическому строительству старых специалистов и ученых. В начале 1918 года Советское правительство обратилось к Академии наук с предложением о совместной работе. Академия наук ответила на это согласием. Под письмом стоит и подпись А. А. Шахматова, который в то время, будучи председателем Отделения русского языка и словесности АН, стоял во главе филологической науки в России. Он пользовался не только научным авторитетом, но и большой популярностью

среди разных слоев населения. К его голосу прислушивались также ученые-слависты других стран. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, Шахматов был первым из академиков, с которым в Смольном беседовал Владимир Ильич. В. И. Ленин подробно расспрашивал его о нуждах Академии и предлагал немедленную помощь. Весной 1918 года Шахматов ездил в Москву с ходатайством о возвращении академического имущества, отправленного в Саратов еще до революции, когда немцы стали угрожать Петрограду. В этот приезд он дважды виделся с Лениным. Владимир Ильич очень внимательно отнесся к просьбе, и для перевозки имущества был выделен специальный поезд.

Шахматов всей душой отдается решению великих задач. Он входит в комиссию по выработке нового устава Академии наук и Пушкинского дома, в комитет Публичной библиотеки, комиссию при Всесоюзной книжной палате, руководит Европейским отделом комиссии по изучению племенного состава населения. Одновременно преподает в университете, публикует ряд исследований по истории русского языка, приступает к написанию «Синтаксиса русского языка», составившего эпоху в истории русской грамматики. Притом в голодное и холодное время надо было еще самому пилить и колоть дрова, носить их на третий этаж. Но силы че-

ловеческие не бесконечны. 16 августа 1920 года Шахматова не стало.

Профессор П. А. Расторгуев, известный ученый-языковед и педагог, в сборнике, посвященном памяти А. А. Шахматова, писал: «Глубокой искренностью и чем-то возвышенным, в высокой степени благородным веяло от него, — и всякий раз после встречи с ним у меня надолго оставалось такое впечатление, какое оставляет по себе великое художественное произведение с какой-нибудь высокой

идеей, — словно в разговоре с ним я соприкасался с чем-то неизмеримо прекрасным... Так прекрасна была душа Алексея Александровича, так одухотворена она была светом вечной немерцающей Правды! Этот свет исходил из самой глубины ее, согревал тебя, его собеседника, и заставлял ярким пламенем вспыхивать где-то далеко в тайнике твоей души тлеющую твою собственную искорку Добра и Правды...»

Тарту

Знаменитый славист

И. Г. Добродомов,
доктор филологических наук

Имя академика В. И. Ламанского (1833–1914) неоднократно упоминалось в журнале

«Русская речь». Многие крупные ученые — исследователи русского и других славянских языков — были учениками этого выдающегося филолога, историка, педагога и обязаны ему своими достижениями в науке. Расскажем более подробно о его жизненном и творческом пути.

Вся жизнь и научная деятельность В. И. Ламанского связана с Петербургом. Родился он 26 июня (8 июля) 1833 года в дворянской интеллигентной семье. Отец его — Иван Иванович — был довольно крупным чиновником (директором особой канцелярии Министерства финансов), сенатором; мать — Вера Яковлевна — дочь инспектора

Смольного института, получила прекрасное образование. Семья Ламанских дала России ряд выдающихся личностей. Братья Владимира Ивановича были людьми одаренными: Евгений Иванович — финансист и государственный деятель — активно участвовал в работе Русского географического общества; Сергей Иванович — физик и физиолог; Яков Иванович был директором Технологического института и редактором «Горного журнала»; Константин Иванович и Нестор Иванович — юристы, сын — Владимир Владимирович — был известен как геолог и географ.

Учился будущий выдающийся славист на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который окончил (1854) со степенью кандидата историко-филологических наук — первой степенью в русских университетах. Его учитель академик И. И. Срезневский сожалел о том, что В. И. Ламанский так и не издал свою «медальную» диссертацию «Рассуждение об языке Русской Правды». В печать попал его критический разбор «Народных южнорусских песен» Амвр. Метлинского, написанный еще на студенческой скамье (напечатан без подписи в «Вестнике Русского географического общества»). С 1854 года Владимир Иванович состоял секретарем, а затем председательствующим отделением этнографии Русского географического общества и при-

нимал участие в редактировании его «Вестника», на страницах которого опубликованы многие статьи и заметки ученого.

Свою служебную деятельность В. И. Ламанский начал канцелярским чиновником в Публичной библиотеке в Петербурге. Затем был старшим архивариусом в Министерстве иностранных дел. Работа в архиве дала возможность молодому ученому позже публиковать многие интересные материалы по русской истории XVIII—XIX веков.

В одном из своих ранних трактатов «О распространении знаний в России» Владимир Иванович начал длительную борьбу за развитие русского образования, призывая общество, особенно молодежь, к приобретению знаний, просвещению и самообразованию. За довольно обширную книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (СПб., 1859) В. И. Ламанский получил степень магистра славянской филологии. Проникнутая романтическими славянофильскими настроениями, эта работа молодого исследователя вызвала большой интерес общественности и получила ряд рецензий в журналах и газетах того времени. Речь, произнесенная в Петербургском университете 31 января 1860 года при публичной защите диссертации, была опубликована в славянофильском журнале «Русская беседа».

В апреле 1862 года В. И. Ламанский был командирован за границу для приготовления к профессорской должности по кафедре славянских наречий. Он побывал в Германии, Австро-Венгрии, Италии, а также в Греции и Турции, где ознакомился с состоянием исследований по славистике.

Впечатления о пребывании за границей среди славян излагались в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Отечественных записках». Одним из важнейших результатов его архивных и библиотечных разысканий за рубежом была работа «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями...» (СПб., 1864). Еще в рукописи работа получила лаконичный положительный отзыв И. И. Срезневского.

Весной 1865 года В. И. Ламанский поступил на кафедру славянской филологии Петербургского университета, на которой работал до выхода на пенсию в 1900 году. Начал он с должности штатного доцента, потом стал экстраординарным, затем ординарным профессором (заведующим кафедрой). Уже хорошо известный в ученых кругах славист защитил издательскую отделку книгой докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (СПб.,

1871) и стал доктором славянской филологии.

Преподавательскую работу В. И. Ламанский вел и в других учебных заведениях: преподавал славянские языки и палеографию в Петербургской духовной академии, где в течение 25 лет занимал кафедру русского и церковнославянского языков и истории русской литературы; был профессором Академии Генерального штаба и читал в ней лекции о современном положении славянских народов.

Вместе с И. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариним ученый был одним из инициаторов и организаторов славянского съезда в Москве в 1867 году. Съезд был приурочен к Этнографической выставке. В. И. Ламанскому принадлежит неоспоримая заслуга в основании и редактировании в течение более чем двух десятилетий периодического издания отделения этнографии Русского географического общества — журнала «Живая старина». Под редакцией ученого вышло три выпуска «Сборника статей по славяноведению» (СПб., 1904, 1906, 1910), издававшегося II Отделением Академии наук к намеченному на август 1903 года Съезду славистов, который не состоялся из-за войны на Дальнем Востоке.

В. И. Ламанский много занимался проблемами изучения русского языка в России и за рубежом — в славянских и неславянских землях (статьи «Нес-

олько слов об отношении русских к грекам», «Распространение русского языка у западных славян»). Он высказывал мысль о том, что русский язык мог бы претендовать на роль общеславянского языка. Идеи о едином литературном языке славян содержатся в работе «Об общеславянском значении русского литературного языка». Труды В. И. Ламанского по истории славянских литературных языков высоко ценил В. В. Виноградов, который в книге «Великий русский язык» (М., 1945) неоднократно цитировал его высказывания о мировом значении русского языка: «Во второй половине XIX в. многие русские и инославянские ученые, например, знаменитый славист В. И. Ламанский... и другие с теми или иными вариациями развивали мысль о громадном международном значении русского языка в истории славянской культуры и в деле славянского единения».

Особую страницу в творчестве В. И. Ламанского занимает изучение жизни и научной деятельности выдающегося русского ученого М. В. Ломоносова. В. И. Ламанский участвует в подготовке юбилейных торжеств 1865 года и в редактировании его сочинений. Биографический очерк о М. В. Ломоносове печатался в «Отечественных записках» и вышел также отдельно под названием «Михаил Васильевич Ломоносов. Биогра-

фический очерк. Первые четыре главы». Напечатанные в московской славянофильской газете И. С. Аксакова «День» материалы для биографии «Столетняя память М. В. Ломоносову. 4 апреля 1865» появились также отдельной брошюрой и в исправленном и дополненном виде переизданы. Специально отдельному аспекту жизни и деятельности была посвящена монография «Ломоносов и Петербургская Академия наук» (М., 1865).

В. И. Ламанский был славистом широкого профиля; его трудами заложены научные основы славяноведения — науки о языке, литературе, истории и этнографии славянских народов. Обширная эрудиция ученого позволяла хорошо разрабатывать все проблемы этой науки в едином комплексе (см. его литографированный курс лекций «Введение в славяноведение»). Занимаясь славянским (и даже шире — греко-славянским) миром как единым целым в этническом и культурном плане, особое внимание он уделял истории русской культуры, которая неотделима от остального мира. В. И. Ламанский постоянно ратовал за сближение и более тесное единение славянских народов на базе культурного взаимообогащения. Развитие славяноведения, по его мнению, сыграет здесь весьма значительную роль: славяне

должны глубже понять друг друга через науку.

В. И. Ламанский, хорошо понимая роль языка в развитии культуры, постоянно интересовался историей славянских литературных языков. Внимательный, вдумчивый анализ обстоятельств распространения письменности на Руси привел ученого к суждению о высоком уровне народно-языковой культуры Древней Руси. В. В. Виноградов считал правильным вывод В. И. Ламанского о том, что «официальному крещению русского народа предшествовал подготовительный период в истории русского просвещения и русской письменно-языковой культуры» (В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 19).

Славистические труды В. И. Ламанского имеют для современной науки не только чисто историческое значение, но и являются источником плодотворных идей, сохраняющих и сейчас свою актуальность.

Выдающийся ученый был активным пропагандистом научного славяноведения в широких читательских кругах, талантливым организатором науки и подготовки научных кадров.

За долгие годы педагогической работы у В. И. Ламанского было много учеников и последователей. Среди них такие крупные ученые, как Р. Ф. Брандт,

А. С. Будилович, В. В. Качановский, Г. А. Ильинский, В. Н. Перетц, П. К. Симоны, Т. Д. Флоринский и другие. Ученики почтили выдающегося ученого двумя капитальными изданиями — сборниками статей по славяноведению по случаю 25-летия и 50-летия научной деятельности (СПб., 1883 и 1905). Двухтомный сборник статей в честь В. И. Ламанского совместно издали Отделение русского языка и словесности АН и историко-филологический факультет Петербургского университета в 1907–1908 годах.

Печатаая свои статьи в многочисленных периодических изданиях и сборниках, В. И. Ламанский подписывал их инициалами *В. И. Л.* или *В. Л.*, а также псевдонимами *Пеховский* или сокращенно *П-ий*. Будучи крупнейшим славяноведом универсального характера, Владимир Иванович отличался необычайной скромностью. В лаконичной автобиографии, упомянув о своей редакторской работе в «Славянских известиях» и в «Живой старине», он добавил: «В обоих журналах, как и в „Журнале Министерства народного просвещения“, в „Русской беседе“, „Дне“ и „Руси“, помещал иногда небольшие статьи, особенного упоминания не заслуживающие». Столь же скромно он говорил и об учениках: «Слушателей имел всегда мало, как умел, старался быть им полезен». Но эти малочислен-

---

ные слушатели составили в Рос- ведения в течение длительного
сии целую школу, которая и оп- времени.
ределяла лицо нашего славяно-

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У своего любимого писателя А. Куприна в повести „Юнкера“ я встретил незнакомое слово *шандалы*. Фраза вся такая: „Печально колеблются огни оплывших огарков в люстрах и шандалах“. Что это такое?»

В. Л. Ляльков, пос. Кировский, Мариуполь

Слово *шандал* (или шамдап) — это подсвечник. Оно известно по памятникам письменности русского языка с XVI века. Его происхождение — из тюркских языков, от арабского слова, означающего «свеча» и персидского — «вместилище», таким образом, оно означает — «подставка для свечи».

В старину в русском языке это слово употреблялось в формах *шандал*, *шандам*, *шандан*.

В русском языке XIX века слово *шандал* обозначало массивный, тяжелый подсвечник, который обычно отливался из меди или чугуна. Именно в этом значении употребляет его А. И. Куприн.

В современном русском языке слово *шандал* и его производные (*шандалный мастер*) не употребляются. В толковых словарях они сопровождаются стилистической пометой «устарелое».

Н. И. Толстой. ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Возникновение и развитие славянских литературных языков — одна из актуальных тем как в советском, так и зарубежном языкознании. Об этом свидетельствуют огромная литература и постоянные обсуждения разных ее вопросов на международных и национальных научных форумах. Дальнейшее изучение этой проблемы нашло отражение в книге известного ученого-слависта Н. И. Толстого «История и структура славянских литературных языков» (М.: Наука, 1988). Исследование языков проведено с древнейшего периода — кирилло-мефодиевской эпохи — до нашего времени.

Формирование славянских литературных языков рассматривается в культурном и литературно-историческом аспекте, в связи с характером этнического самосознания народов в период их национального возрождения. Автор показывает, «почему в равных языковых, по неравным историческим условиям развитие близкородственных языков шло по разному пути».

В главе «Южнославянские литературные языки» анализируются предпосылки образования национальных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского), отношение древнесербского книжного языка к старославянскому,

историко-культурная характеристика «славяно-сербского» литературного языка, конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века у сербов и другие вопросы.

Безусловно, привлечет внимание читателей период становления и функционирования древнеславянского языка, то есть языка старославянского и церковнославянского. Н. И. Толстой вводит в научный обиход термин *древнеславянский язык*, означающий общий литературный язык восточных и южных славян эпохи средневековья. Давные письменные памятники позволяют ставить вопрос о существовании единого славянского литературно-письменного языка (начиная с IX века), хотя в разное время он находился под влиянием того или иного народно-разговорного языка и в связи с этим степень его единства была неодинаковой.

История древнеславянского языка тесно связана с кирилло-мефодиевской культурно-религиозной традицией, идеей славянского единства. Огромный славистический материал позволил автору установить в древнеславянском языке последовательную смену «централизации» (установление норм литературного языка) и «децентрализации» (потерю строгости норм и

пропикновение некоторых черт народно-разговорных языков). Н. И. Толстой выделяет три периода в истории языка.

Первый период (IX–X, отчасти XI в.) – ранний древнеславянский литературный язык (старославянский); центром старославянской письменности становятся Македония и Восточная Болгария.

Второй период (XII–XVI вв.) – средний древнеславянский литературный язык: XII–XIII вв. характеризуются «децентрализацией» языка, XIV–XV вв. – «централизацией»; центры – тырновская школа (Болгария), затем ресавская школа (Сербия) и так называемое «второе южнославянское влияние» на Руси. В конце XV–XVI вв. происходит смещение центров, ими становятся Западная Русь, Москва.

Третий период (XVII–XVIII вв.) – поздний древнеславянский литературный язык; в XVII веке происходит «децентрализация» языка, центры – Киев, Вильна, Москва. В XVIII веке отмечается последняя «централизация» языка позднего русского типа, центр – Москва. В этот период начинается «кризис» единого древнеславянского литературного языка, воспринявшего значительное число элементов русского народно-разговорного языка; сужается сфера его функционирования.

Представленная периодизация истории древнеславянского языка важна не только для его изучения, но и правильного понимания процессов развития всех славянских литературных языков, в частности истории русского литературного языка. Одним из основателей этой научной дисциплины по праву считается В. В. Виноградов, которому автор посвящает в книге специальный раздел «Взгляды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка».

В монографии высказано много интересных положений общетеоретического характера о типологии языков. Автор рассматривает соотношение литературных языков с диалектами, просторечием, народно-поэтическим койне, изучает фольклор, литературу, культуру и этнос, учитывает языковую ситуацию и другие экстралингвистические факторы, общие признаки, характеризующие славянские языки. В книге представлен анализ современных литературных языков.

Книга Н. И. Толстого поможет углубленному изучению истории русского литературного языка. Она будет полезна ученым-лингвистам, историкам, этнографам, а также всем, кто интересуется культурой славянских народов.

*Е. И. Кедайтене,
доктор филологических наук*

А. И. Моисеев. ЗВУКИ И БУКВЫ, БУКВЫ И ЦИФРЫ...

Под таким названием издательство «Просвещение» выпустило в 1987 году в серии «Мир знаний» книгу для старшеклассников. Перед ее автором была

задача в доступной, занимательной форме рассказать о русском письме в его современном состоянии. Начинается повествование с самых давних времен,

с самого важного вопроса: как было изобретено письмо? Конечно, не было человека, который первым бы сел и сказал: «Пачну-ка я писать...»

Письмо — общественное явление. Оно прошло, пишет автор, «большой и сложный путь собственного развития от древнейших примитивных форм до современной печатной индустрии, до возможности писать на расстоянии — по проводам и эфиру. (...) Но русское письмо не изолированное явление: по своему характеру и происхождению оно тесно связано с другими системами письма и с письмом предшествующих времен».

В первой главе читатель знакомится с древнейшими типами письма — рисуночным (иначе пиктографией), иероглифическим (другое название этого письма — идеографическое, буквально — письмо идеями) и фонетическим, или звуковым, а также с дополнительными, вторичными видами письма, когда речь передается в совсем иных формах: стенографией, световой и флажковой сигнализацией, азбукой Морзе. Кстати, наверное, многим ребятам будет интересно самим познакомиться с азбукой Морзе, как бы поработать на телеграфном ключе — они найдут ее в специальном приложении в конце книги.

От древнейших типов письма автор переходит к письму русскому — рассказывает о том, как и когда оно возникло, что ему предшествовало, какие основные этапы развития оно прошло. Школьники прочтут о первом очерке истории славянского письма — «Сказаниях о писемнах» Черноризца Храбра, узнают о загадках письма старославянского, ведь, конечно, знать спорное и загадочное не менее увлекательно, чем несомненное!

Одна из наиболее интересных глав книги — о современном русском алфавите. Его история и предыстория, состав, начертание букв, их порядок, названия, звуковые значения — все одинаково важно и интересно. Например, все ли старшеклассники знают, что древнерусская азбука состояла из 43 букв? А почему буква *ы* называлась «еры»? Можно ли обращаться к алфавиту за справками о нем самом, то есть по названиям букв судить об их значениях? Ответы на эти и многие другие вопросы в главе об алфавите помогут школьникам значительно пополнить свои знания.

Общеизвестно, что термин *орфография* составлен на основе греческих слов *orthos* — «правильный» и *graphō* — «пишу», буквально означает «правильное письмо». Автор помогает читателю осмыслить закономерности письма, увидеть, «сколь четко оно организовано», как важно знать его правила и при этом разбирает множество примеров, оставляя читателю возможность самому их продолжить. К современной орфографии тесно примыкает современная русская пунктуация — «наука о точках». В книге приведен целый «алфавит» знаков препинания — 17 пунктуационных знаков и подробно рассказано о значении и функциях каждого.

И, наконец, наверняка много нового и неожиданного узнают школьники о цифрах — об их соотношении с буквами, с числами (ведь цифры и числа — в одно и то же), о цифрах арабских, римских — отчего они так называются и кто их придумал; о буквенной цифири в старославянских и древнерусских текстах, об алфавите буквенной цифири. А для тех, кто закрыл книгу, захочет прочесть еще что-

---

нибудь о современном русском письме, автор дает на последней странице список книг об азбуке, письменности, орфографии.

Л. А. Макарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Объясните, как правильно оформить заголовок, состоящий из двух названий. В газетах разнбой. Вырезки прилагаю».

Т. И. Петров, *Куйбышев*

Названия газетных статей или литературных произведений иногда бывают двойными: например, «*Двенадцатая ночь, или Как вам это понравится*» В. Шекспира, «*Золотой ключик, или Приключения Буратино*» А. Толстого.

В этих случаях второе название тоже пишется с прописной буквы, а перед союзом *или* ставится запятая (см. Д. Э. Розенталь. Справочник по пунктуации. М., 1984).

■

«В книге „Ташкент – город хлебный“ я прочитал непонятное слово *шишига*. Я переписал это предложение. „Пристанут Коська с Ванькой, а сами шишигп бояться“. Пожалуйста, ответьте мне».

Сереза Бельчук, *Минск*

Шиигой в некоторых областях называют нечистую силу: ипаче – это черт, леший.

Жизнеописание, адресованное потомкам

Л. П. Борисова,
Е. С. Отин,
доктор филологических наук

Андрей Тимофеевич Болотов, замечательный деятель русской культуры XVIII века, известен многим не только как выдающийся экономист, историк, агроном и селекционер, но и как самобытный писатель, оставивший нам интереснейшее автобиографическое сочинение «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». В этой книге мы обнаруживаем широкую панораму русской жизни середины и конца XVIII столетия с описанием быта и нравов патриархальной деревни, провинциальных городов и столицы. Рассказывается здесь и о военных действиях, в которых автор принимал непосредственное участие, излагаются основы «науки сельского домоводства», а также приводятся любопытные сведения о русской науке и литературе того времени. К сожалению, современники Андрея Болотова не могли прочитать его мемуары, так как жизнеописание автора было издано только в 70-х годах прошлого века. Появилось оно как приложение к журналу «Русская старина», а до этого небольшие отрывки из него печатались в журналах «Сын Отечества» и «Отечественные записки». Но, судя по всему, А. Болотов и не стремился к широкой популярности. Свои мемуары, адресованные потомкам, он писал неспешно на протяжении почти всей своей долгой, наполненной самыми разнообразными делами и заботами жизни, а прожил он 95 лет. За это время мемуары писателя составили 29 томов, в каж-

дом из которых обнаруживается более 400 аккуратно переписанных листов.

«Жизнь и приключения Андрея Болотова» — это удивительный памятник русского литературного и разговорного языка XVIII века. В то время, когда, по словам Д. И. Писарева, па всей письменности лежала «тяжелая печать риторики», Андрей Болотов ведет свой петоропливый рассказ, пользуясь выразительными средствами живого разговорного языка. В этом произведении мы обнаруживаем большое количество народно-разговорных слов и словосочетаний, выражений и фразеологических оборотов, которые употреблялись в повседневной речи современников Болотова. Среди них немало и таких, которые не обнаруживаются ни в одном другом литературном памятнике XVIII века, ни в одном словаре, в том числе и в знаменитом «Словаре Академии Российской» (1789—1794). Немало среди них и таких, которые не сохранились в современном языке. Вместе с другими средствами выражения они создают неповторимый колорит повествовательной речи А. Болотова.

Так легкомысленный, непостоянный человек образно именуется «ветром»: «Для обучения их (детей.— Е. О., Л. Б.) содержал сей дворянин не такого француза-ветра, какие бывают у нас, а порядочного и ученого человека...». Большое неудобство — «суций мат»: «Лошади проваливались, и ехать на них целиком был суций мат», а безобидный человек — «суцая курочка»: «Был он наипростейший старичок и суцая курочка». Читая мемуары, мы находим весьма сложную систему обозначения отношений родства и свойства, многие термины которой уже забыты: старшая сестра — *большая сестра*, а ее муж — *большой зять*; муж младшей сестры — *меньшой зять*; здесь же встречаются *внучатый дядя*, *внучатый брат* и т. д.

Приведенный ниже перечень народно-разговорных и диалектных слов дает некоторое представление о лексическом богатстве и своеобразии речевой манеры самого А. Болотова. Многие из этих слов выступают как экспрессивные синонимы по отношению к соответствующим книжным словам. Например, *барабошить* — «поднимать суматоху, громко кричать, буяннить»: «Он час от часу бурлить и барабошить стал»; *боярыня* — «хозяйка, барыня»: «Жену имел молодую, боярыню бойкую и прекрасную»; *бормот* — со значением современного слова *обормот*: «Ах, бормот, бормот; ох, проклятый человек!»; *брызнуть* в значении «удрать, быстро убежать»: «...так того испужался, что в тот же миг вскочил и от нас брызнул»; *лазуканье* — «ухаживание»: «лазуканье за крестьянскими девками и служанками»; *мама* — «кормилица», в отличие от матери: «...принужден был поневоле следовать за моею мамою, которая прямо повела меня к моей матери»; *прошлец* — «пройдоха»: (дочь) «отдавал

ва такого мотарыгу и прошлеца, каков был г. Верецагин»; *мурья* — «плохое жильё»: «привел он меня в сущую мурью и такую лачугу, какую я всего меньше ожидал» и т. д.

Нередко А. Болотов прибегает к параллельному употреблению шародно-разговорного или сугубо местного слова, обладающего значительной экспрессией, и общеупотребительного книжного или стилистически нейтрального, которое как бы помогает точному определению рядом стоящего слова. Например: «Я вынужден был битый час вытерпливать ея брани и тазания»; «Народ тут был совсем отменной, нежели в Малине, и не только бойкой, скаросою, но, как казалось ему, и плутоватой»; «дал себя обмануть и обалухатать»; «дал себя ослепить твоими раздабарами и росказнями»; «а нередко и сам кое в чем из мелочей упражнялся и что-нибудь шишлял, мастерил и делал»; «Он... ненавидел всякое коварство, шишльничество...»

Интересны и так называемые глаголы мгновенного действия, характерные для народного строя речи и представляющие собой основы типа *бух, хлоп, бац, плюх, бултых* и т. д. Среди них встречаются и такие редкие и даже не сохранившиеся в современном русском языке, как *сиг* — «прыг[нул]» («сиг из кареты»), *чебурах* — «упал» («но лишь только хотел ухватить, как опять чебурах»), *ров* — «сорвал» («ров с себя скорей шубу») и др. Встречаются и производные формы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, тоже свойственные живой народной речи: *хорошохонько, изряднехонько, чистёхонько, стариченец, веселым-веселёхонек, низим-нивьёхоньки, ранним-ранёхонько, здоровым-здоровёхонек* и т. д. А. Болотов часто использует свойственное народному словопроизводству образование прозвищ жены по имени, прозвищу или фамилии мужа, распространяя его и на иностранные собственные имена: *Енгельгартша, Кейзерлинша, «бригадирша Розенша*», т. е. соответственно жена Енгельгардта, Кейзерлинга, бригадира Розена.

Особенно богат язык мемуаров А. Болотова народной фразеологией, пословицами и поговорками, многие из которых в неизменном виде дошли до наших дней: *реветь белугою, в чужом пиру похмелье, нелегкая за язык дернула, первый блин комом, всякий молодец на свой образец, надоесть, как горькая редька, и в ус не дует, без соли съесть, ковать железо, покуда горячо, куда ни кинь, так клин, язык прилип к гортани, нелегкая принесла, по губам мазать, смотреть сквозь пальцы, нужда научит всякого калачи есть, почная кукушка перекукует денную, загребать жар чужими руками, проглотить пилюлю, хоть волков мори* (т. е. очень холодно), *не мытьем, так катаньем, горе мыкать, ловить рыбу в мутной воде, как в воду опущенный, утереть нос, обжечься на молоке, дуть на*

воду, охота пуше неволи, наострить язи, скрепя сердце, хлопот полон рот, был таков, на дружеской ноге и другие.

Обычно выражения «как говорится в пословице», «по пословице говоря» и т. д. представляют тот или иной фразеологизм, как бы сигнализируя о его появлении в тексте: «И все происходило, как говорится в пословице, чин чином»; «и был у нас, как говорится в пословице, шир на весь мир»; «итак, господни сей, по пословице говоря, несолоно хлебав от меня и поехал» и т. д.

Представляют интерес устойчивые выражения, отличающиеся от аналогичных по смыслу и близких по лексическому составу оборотов речи нашего времени, которые, однако, разнятся от встречающихся у А. Болотова фразеологизмов какими-либо словами или их формами. Сравните: *есть руки* — «кусать себе руки от досады»: «И увеселение сие так мне полюбилось, что я руки себе ел, что не сделал себе также, по примеру других, маскерадного платья». Или, например: *рубашка к телу ближе кафтана; строить на воздухе испанские замки; быть бычку на обрывочке; пыль в глаза накидать; кинуть в грязь лицом*, т. е. осрамить; *ударить себя лицом в грязь* — осрамиться; *поукротили бурку кругые горки; прощай, как ее звали* (сравните современное *поминай, как звали*) и т. д.

Известное выражение *быть на взводе*, то есть в состоянии сильного опьянения или возбуждения, у А. Болотова приобретает другую форму: «дядька мой был и в то уже время на девятом взводе», «Сего, к счастью или к несчастью, нашел ординарец в гостях и на девятом уже взводе, то есть гораздо и гораздо подгулявшего». Фразеологизм этот пришел в русский язык из армейского быта: ружейный замок в старину имел «полуколесо с парезками», в которые упирался спуск, «удерживая курок на первой или второй постановке, на первом и втором взводах» (В. И. Даль). Раньше данное выражение употреблялось в двух основных вариантах: *быть на первом взводе*, то есть чуть-чуть пьяным, и *быть на втором взводе*, когда речь идет о значительном опьянении. «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1968) приводит еще один вариант — *на седьмом взводе*. Разновидность фразеологизма, которая встретилась в жизнеописании А. Болотова, свидетельствует о том, что варьирование этого оборота за счет порядкового прилагательного началось еще в XVIII веке.

Когда мы хотим образно выразить мысль о бесполезности кого-либо, мы можем употребить выражение *как от козла молока*. У Болотова находим более развернутый вариант этого фразеологизма — *как от козла ни шерсти, ни молока*. Сравните другие аналогичные выражения. Трижды отмечены *ни шатко, ни валко, ни на сторону* и *ни слуха, ни духа, ни послушания*. В наше время

значение «полностью, окончательно» может быть выражено оборотом в *пух* и *прах*, который сочетается со сравнительно малым количеством глаголов (*разбить, разрушить, разгромить, разорить(ся)* и др.). В тексте мемуаров А. Болотова для выражения такого значения употребляется, как правило, только вторая часть этого фразеологизма — *в прах*, и только один раз зафиксировано в этом значении словосочетание *в пух*. Таким образом, позднее (очевидно, уже в XIX в.) произошло слияние этих синонимичных словосочетаний в одном фразеологическом обороте, вызванное, скорее всего, потребностью их экспрессивного усиления. Кроме того, бросается в глаза способность этих «первичных» компонентов сочетаться с такими глаголами, с которыми они сейчас не сочетаются. Например: «в прах измучился»; «а дождь лил такой, что в прах бы нас перемочил, если б мы не ускакали в деревню»; «удивили в прах своих домашних»; «я в прах иззяб»; «устали в прах» и даже — «я залюбовался ими в прах» и др. Выражение *благим матом* в современной фразеологии сочетается только с глаголами речи — *кричать, орать*, тогда как у А. Болотова мы находим случаи употребления его с глаголами движения *побежать* и *броситься*: «...И бросив все, побежал благим матом к пожару»: «Я бросился благим матом за ними в карету...», т. е. «очертя голову, опрометью».

Но, пожалуй, наибольший интерес вызывают у современного читателя устойчивые обороты речи, не дошедшие до нашего времени. Часть таких забытых или устаревших фразеологизмов для нас семантически прозрачна, но среди них встречаются и такие, понимание которых затруднено, а некоторые из них уже нуждаются в историко-этимологическом анализе. А. Болотов, например, неоднократно обращается к излюбленным фразеологизмам *извиваться* (*вертеться, изгибаться, метаться*) *ужом и жабою*, т. е. вести себя осторожно, дипломатично, и употреблять и *волчий рот*, и *лисий хвост*, т. е. с одной стороны, прямолинейно и папористо, а с другой — гибко и осмотрительно: «...Принужден я был при многих случаях извиваться ужом и жабою, употреблять и волчий рот и лисий хвост».

Таких фразеологических архаизмов в тексте мемуаров А. Болотова более ста. Приведем еще некоторые из них в минимальных контекстах, по вполне достаточных для понимания их смысла. Выражение *быть, как медный грош* имело значение — «пробывать в хорошем душевном состоянии, снять от удовольствия»; *блех много за кем-либо*, т. е. грешков, провинностей; *наделать чуху* — «запустить дело»; *остаться сиг сигом*, т. е. в проигрыше; *все беси в воду* в значении «не найдешь виноватого»; *не малина и не отпадет* — «ничего серьезного не случится»; *грызть зубы на что-то* —

«иметь к чему-то интерес, иметь виды на что-то»; *от дяди ни пяди* — «быть рядом»; *стать в пень* — «замереть на месте, остолбенеть»; *сошлись два лука и оба туги* — о неуступчивых упрямцах; *обходиться лисою* — вести себя внешне дружески, а на самом деле лукавить; *променять ястреба на кукушку* — «совершить невыгодную сделку, ошибку»; *растерять глаза* — «засмотреться»; *растерять уши* — «заслушаться»; *шить на чертов клин*, т. е. скверно; *рубить не нашу тысячу* — говорилось, когда беда, несчастье были еще далеко, касались кого-то другого.

Иногда, чувствуя, что смысл пословицы или поговорки в тексте недостаточно ясен, А. Болотов рядом с ними приводит их толкование: «...Давал Варсоби́ну знать, чтоб отложил он сии блины до другого дня, или, яснее сказать, перестал бы о том и думать».

Из жаргона карточных игроков, очевидно, попало в речь А. Болотова выражение «платить глазопялова», то есть не участвовать в игре, не делать ставок, а только со стороны наблюдать за ее ходом: «...А к барону ездил уже после обеда и пробыл у него хотя до самого вечера, но с неудовольствием и в скуке, ибо как нашел я всех там бывших, занимающихся на разных столах карточной игрою, и не было никого, с кем бы можно было мне заняться разговорами, то принужден был, по пословице говоря, платить только глазопялова». Последнее слово имеет морфологическую структуру антропонима — искусственно образованной фамилии, вероятно, от диалектного существительного *лазопял* — зевака, в основе которого лежит словосочетание *глаза пялить*.

Даже этот очень краткий обзор лексико-фразеологических особенностей языка многотомного жизнеописания А. Болотова свидетельствует о том, каким ценнейшим источником является оно для изучения истории русской разговорной речи.

Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Уважаемая редакция! Просим вас разъяснить значение слова „утрировать“. Дело в том, что наш начальник часто его употребляет, ну, а нам приходится соглашаться, хотя мы значения его не понимаем».

Винницкая область.

Утрировать (от франц. *outrer*) — слишком подчеркивать, преувеличивать; искажать доведением чего-либо до крайности, например: «В числе почитателей Базарова найдутся, наверное, такие люди, которые будут... утрировать его угловатость, мешковатость и резкость» (Писарев, Базаров.).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

в надписях Новгородского Софийского собора

Л. Н. Макеев,
кандидат филологических наук

Древнерусские дохристианские личные имена, содержащиеся в настенных надписях Новгородского Софийского собора, существенно восполняют наши сведения об именовании раннего периода истории русского народа и русского языка. Полный свод имен представлен в книге А. Л. Медынцевой «Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора» (М., 1978). Здесь опубликовано в фотографиях, прорисках, в типографском воспроизведении (соответственно кириллицей или глаголицей) 253 надписи, относящиеся главным образом к XI – первой половине XIII века (лишь небольшая часть – ко 2-й пол. XIII–XIV). Это время, когда дохристианские, исконно древнерусские, имена были еще настолько привычны для русских людей, что в повседневном обиходе они решительно преобладали над христианскими. После принятия Русью христианства (с конца X в.) каждый человек фактически имел два имени: помимо исконного (мирского), еще и христианское, которое он получал в обязательном порядке при «святом крещении». Авторы надписей Новгородского Софийского собора из двух имен в большинстве случаев употребляли христианское. Очевидно, объясняется такой выбор и самим характером надписей, обычно религиозно-благочестивого содержания (хотя имеются и другие, бытовые или хозяйственные надписи-автографы и т. д.).

Например: «Господи, помози рабу своему Якову», «Олиси молиться святѣи Софии», «Иванъ писалъ на Петровъ день» и т. д.

Лишь в отдельных случаях наряду с христианским встречается мирское, то есть русское бытовое имя автора. Так, один из художников, расписавших собор, оставил на его стенах несколько

своих автографов: «Иоанъ Сежиръ писалъ. Аминь», где имя *Иоан* получено при крещении, а *Сежиръ* — мирское (в других надписях он называет себя только Сежиром). Таков же один из отрывков полностью не сохранившейся надписи — «рабъ божии Воюпѣгъ мирскы (т. е. «по-мирскому»), а крестное — Иоапъ».

Сами же мирские, дохристианские древнерусские имена в надписях новгородской Софии, хотя и уступают количественно христианским, по явно превосходят их своим разнообразием.

Довольно значительную группу среди дохристианских имен представляют наиболее архаические по своей структуре двусловные имена, например, на *-слав*: *Ярослав* (в надписи имеется в виду киевский князь Ярослав Мудрый); *Вячеслав*, *Домослав*, *Сбыслав* (в форме отчества: *Тудору Събыславичу*; от древнерусск. *събытися* — «сбыться, исполниться»), *Побратъслав* (от древнерусск. *побрати* — «собрать»); на *-мир*: *Володимир* (в древнерусск. притяжательной форме: *Володимирь отрокъ*, т. е. младший дружинник князя Владимира Мономаха; древнерусск. *володѣти* — «владеть»), *Остромир* (в притяжательной форме: *Остромиръ диякъ*, т. е. «дьяк Остромира», очевидно, новгородского посадника, для которого было написано знаменитое Остромирово евангелие 1056–57 гг., откуда и его название; древнерусское *остръ* — не только «острый», но и «быстрый»); *Витомир* (*витъ* — «господин»). Интересны имена на *-жир* (древнерусск. *жиръ* — «богатство», а также «пастбище» или «жилье») — *Мутижир*; упомянутый уже *Сежир* (где *се* — «вот, здесь»); *-жит* (*жито* — «пища, хлеб, зерно, богатство» и др. знач.) — *Доброжит*; *-гость* (древнерусск. *гость* — «купец») — *Воигость*, *Людьгость* (в отчестве: *Михаль Людьгостиничъ*), *Радигость*; *-нѣгъ* (древнерусск. *нѣга* — «радость, ласка») — *Воюнѣг*, *Святопѣг*, *Строенѣг* (древнерусск. *строи* — «порядок; польза; охрана» и др. значения). Особо отметим сложное имя *Сновид*, известное по «Повести временных лет» под 1097 годом.

Одноосновные личные имена в надписях Софийского собора составляют большую часть дохристианских древнерусских имен. Они отмечаются в надписях разного времени — с XI по XIV век. Чаще всего это имена-характеристики, близкие к нашим прозвищам. Таковы, например, имена: *Гага* (в говорах *гага* — «утка»; «глухой и самодовольный зубоскал или лентяй»; древнерусск. *гагати* — «кричать по-гусиному, гоготать»), имя художника, работавшего, очевидно, вместе с Сежиром (ср. в надписи: «Гага с Сежирьмъ в бѣдѣ»); *Реней* (зафиксировано в притяжательной форме: *Иванъ Рѣнѣевъ*. Имя или прозвище *Реней* давалось обычно привязчивому, назойливому человеку), *Розвад* (в отчестве: *Хотьке Розвадиць* — с отражением новгородского цоканья. От древнерусск. *вадити* —

«клеветать, подстрекать»; ср. *свада* — «ссора, раздор, стычка»). Интересны имена *Немиръ*, *Накуръ*: в русских говорах *накурать* — «сделать что-либо кое-как, небрежно, плохо; наговорить лишнего, наболтать»; *накуривать*, *накурить* — «обманывать, надувать»; «напроказить, набезобразничать» (ср. литературное *бедокур*) и др. Есть и имена-этнонимы: *Угринъ* (т. е. венгр), *Гречинъ* (грек) и др. Имя *Кроль* (король), по-видимому, западославянского происхождения. Германским заимствованием является хорошо известное по памятникам имя *Глѣб* и скандинавским — впервые отмечаемое имя *Фарман*.

И двусосновные, и одноосновные имена во многих случаях отмечаются в производных суффиксальных формах, которые имеют уменьшительно-ласкательное или пренебрежительное значения. При этом основы тех и других имен обычно усекаются, как это делается и в современных именах при образовании от них уменьшительных форм (Ср. совр. русск. *Алексей* → *Але-ш-а*, *Ле-ш-а*; *Василий* → *Вас-ят-а* → *Вас-ят-к-а* и древнерусск. *Богдан* → *Бог-ша*, *Теоримир* → *Твор-ят-а* и т. д.). Поэтому часто такие формы от разных имен совпадают, например: *Радко* может быть производным с суффиксом *-к-о* и от одноосновного имени *Рад*, и от двусосновных — *Радослав*, *Радомир*, *Радомысл* (ср. название города *Радомышль*). То же — и в современных русских именах: уменьшительное *Аля* может быть производным и от женских имен *Алевтина*, *Александра*, *Алла*, *Альбина*, и от мужских — *Алексей*, *Александр*, *Альберт* и др.

Одним из наиболее частых суффиксов в производных формах древнерусских имен является суффикс *-ята* (из праславянского суфф. *-*ęta*) — *Былята* (ср. древнерусск. имена *Было*, *Былой*, *Прибылой* и т. п.), *Воята* (в глаголической надписи; ср. уже приведенные *Воюгость*, *Воюѣг*, а также другие древнерусские имена — *Воубор*, *Воуслав*, *Воин* и др.), *Далята* (исходное древнерусское имя неизвестно, но хорошо известны древнечешские, то есть тоже славянские, имена *Далебор*, *Далевой*, *Далемил* — с первой частью — сравнительной степенью прилагательного *дале*. Вполне вероятно, что подобные имена употреблялись и в Древней Руси, но в известных нам памятниках письменности не отражены), *Жирята* — производное от имен типа *Жирослав*, *Жиробуд*, *Жировит* и т. п.; возможно, и от имен со второй основой — *жир* (ср. *Мутижир*, *Сежир*, а также имена *Доброжир*, *Домажир* и т. п.). Таковы же имена *Мизята* — от *Мизин* (меньший), *Мыслята* — от *Мысл*, *Добромысл* или *Гостомысл*, *Мутята* (ср. *Мутижир*), *Мъстята*, *Нѣжата* и др.

Другой частый суффикс — *-ѣк-о(-а)* или *-ѣк-о(-а)*: *Борѣка* — от *Борис*, *Борислав* или *Боримир*; *Глѣбѣка* — от *Глѣб*; *Хотѣко* — от *Хот*, *Хогимир* и под.; *Бѣльѣка*, *Смольѣко*, *Радѣко* и др. Остальные

суффиксы редки. Отметим некоторые: *-н* (*-ан*, *-ен*) — *Доман* — от *Домаслав*, *Домагость* и под. (возможно усечение от *Доманѣг*), *Хотен* — от *Хот*, *Хотьмысл* и под.

Многие имена зафиксированы только в надписях Новгородского Софийского собора и в других древнерусских источниках неизвестны: *Побратъслав*, *Доброжит*, *Сежир*, *Святонег*, *Вробяг*, *Накур*, *Розвад*, *Кошувило*, *Быляга*, *Даляга*, *Мизяга*, *Мутяга*, *Мысляга*, *Своляга*, *Яедяга*, *Строшко*, *Тешец* и др. Некоторые из них представляют более ранние случаи фиксации: *Витомир* — в надписи 2-й половины XI века (было известно с нач. XIII в.), *Холоп* — в надписи XI–XII веков (известно с XIV в.), *Гага* — с середины XI века (известно с XV в.) и т. д.

Магадан

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *сурьма*?»

И. Тарасова, пос. *Ивантеевка*, *Московской обл.*

Слово *сурьма* (оно персидского происхождения) имеет два значения. Первое — химический элемент, серебристый хрупкий металл, который применяется в технике и медицине.

Но Вы, скорее всего, встретили слово в его втором значении, которое, по словарям, считается устаревшим, — это краска для чернения волос, бровей, ресниц. В литературе прошлого века часто встречаются производные *сурьмить*, *сурьмиться* в значении «красить себе сурьмой брови, волосы, ресницы». Например: «Она в пятьдесят пять лет сурьмится, белится и румянится» (Достоевский. Преступление и наказание).

«Хотелось бы знать значение выражения *под сурдинку*».

С. В. Демочка, *Славянск*

Сурдина (от франц. *sourdine*) или *сурдинка* — приспособление для приглушения звука в музыкальных духовых и смычковых инструментах. Выражение *под сурдинку* означает, во-первых, «тихо, приглушенно», а во-вторых, «тайком, втихомолку».

НАХОДКИ И ГИПОТЕЗЫ

Письменность появилась на Руси вместе с христианством. По словам академика Е. Ф. Карского, «первоначальные ее проблески, вызванные целями государственными и торговыми — необходимо писать условия и договоры (каковы договоры Олега, Игоря, Святослава) были так незначительны, что судить по ним о литературном языке вряд ли возможно...» Однако время вносит дополнительные сведения в общепринятые научные представления, заставляя взглянуть на этот вопрос с учетом новых аргументов, и выдвинуть гипотезу о существовании письменности, хотя бы в ограниченной форме, на Руси еще до ее официального крещения в 988 году.

А. Н. Ужанков

о 1949 года на территории нашей страны не было найдено ни одной славянской, точнее — кирилловской подписи X века, поэтому утверждения о существовании письменности на Руси в конце первого тысячелетия носили чисто умозрительный характер,

Сторонники этого взгляда ссылались на тексты договоров русских князей Игоря (941 г.), Олега (944 г.) и Святослава (971 г.) с греками (эти тексты помещены в древнейшей части «Повести временных лет»), на значительное количество «писал», орудий письма X—XI веков — костяных или деревянных палочек, которыми писали на бересте или воощеных дощечках, на другие косвенные свидетельства, которые могли бы подтвердить это предположение.

К ним можно отнести и существование христиан и христианских церквей, упомянутых в договоре 944 года. Под 945 годом в «Повести временных лет» упоминается церковь святого Ильи в Киеве. Поскольку она была соборной, то, следовательно, были и другие церкви, что свидетельствует о распространении христианства на Руси в то время.

Христианство, как известно, религия письменная, требующая неукоснительного соблюдения церковного канона, зафиксированного богослужебными книгами. Можно предположить, что необходимую каноническую литературу на понятном славянском языке (вспомните слова «Повести временных лет»: «А словенский язык и русский одно есть») Древняя Русь получила, по-видимому, из Болгарии, откуда, кстати сказать, богословская литература пришла после официального крещения Руси в 988 году князем Владимиром. Однако не исключается возможность, что литургия на Руси в X веке велась на греческом языке, и главным аргументом в таком умозаключении выступает отсутствие фактов, подтверждающих существование славянской письменности.

Для окончательного разрешения вопроса не доставало прямого доказательства — кирилловской надписи, сделанной на Руси в X веке.

Находка археолога Д. А. Авдусина произвела сенсацию. В 1949 году во время раскопок древнего могильника в селе Гнездово близ Смоленска, на одном из черепков глиняной корчаги было обнаружено то самое «недостающее слово» — *гороухша*. Время его написания историки относят, по культурному слою, к первой четверти X века.

Слово описывалось в многочисленных статьях, как в нашей стране, так и за рубежом; возникло даже несколько версий прочтения надписи: «гороухца», «гороушна», и даже «гороух пса» — «Гороух писал».

Эта находка, оставаясь единственным ориентиром в тысячелетней дали истории, скептиков, возможно, и не разубедила, но приверженцев существования письменности — вдохновила. Ведь никто не станет отрицать факт бытования славянской письменности в самой Болгарии во второй половине IX века, хотя дело с сохранившимися древними славянскими надписями той эпохи обстоит еще хуже. Древнейшая из них — на могильной плите чергу-бляя Мостича — выbita не позднее 60-х годов X века.

Самой же интересной находкой для лингвистов до сих пор остается обнаруженная в 1894 году и датированная 993 годом надпись цари Самуила длиной в одиннадцать строк, так же выбитая

на могильной плите и начинающаяся словами молитвы: «Во имя Отца и Сына и Святого духа...»

Однако это надписи уже X века, следующего после принятия Болгарией христианства и широкого распространения славянской письменности (вначале глаголицы, а затем — кириллицы). Ведь Болгария крестилась в 865 году, а расцвет славянского письма приходится на время правления царя Симеона (893—927), узаконившего старославянский язык в качестве государственного.

Что же касается Руси, то мы говорим о бытовании на ее территории славянской письменности в дохристианский период, то есть до 988 года — года утверждения христианства в качестве государственной религии.

Вещи это суть разные и далеко не равнозначные.

Поэтому попятно, какую ценность представляет для нас даже единственное слово, выцарапанное на корчаге.

Ну а если бы отыскалось не одно слово, а целая надпись? Или даже несколько надписей конца X века? Совсем недавно об этом можно было бы только мечтать. А сегодня уже можно прочесть четыре такие надписи.

Для этого обратимся к древнерусским монетам, дошедшим до нас со времени князя Владимира, крестившего Русь. Почти двести лет они благополучно лежат в музеях нашей страны и даже за рубежом, внимательно изучаются пумизматами, историками, по никогда не попадали в поле зрения лингвистов и палеографов. Этим и объясняется тот факт, что никто не придавал значения возрасту самой надписи на монетах.

Первая такая монета была обнаружена в Киеве в ноябре 1796 года, когда ученый аптекарь Г. Ф. Бунге приобрел ее у загулявшего казака-новобранца.

Внешне монета напоминала византийскую номисму Василия II и Константина VIII (976—1025); на лицевой стороне был изображен сидящий на троне со скипетром в руке князь, а на обратной — Иисус Христос. Как и на византийской монете, на златнике (так на основании летописных данных впоследствии назвали древнерусскую золотую монету) вокруг изображения князя помещалась «легенда» — атрибутивная надпись, удостоверяющая личность выпускавшего монету. Причем надпись на златнике сделана не на греческом языке, а на славянском — кириллицей: «Владимиръ а се его злато». С обратной стороны — «Иисусъ Христосъ».

В начале XIX века в Борисполе, под Киевом, на крестьянском огороде была найдена похожая на златник серебряная монета. Однако вместо Христа на ней был изображен родовой знак Рюрико-

вичей — трезубец. Отличались и надписи. На лицевой стороне: «Владимиръ на столе», с обратной — «а се его сребро».

Тогда монеты «приписали» Владимиру Мономаху (1113—1125), и лишь в середине XIX века Я. Я. Волошинский высказал предположение, что *сребреник* принадлежит Владимиру Святославичу (980—1015).

Только тем, что монеты не были точно датированы, можно объяснить отсутствие интереса к надписям на них. Ведь если это деньги Владимира Мономаха, то начертанные на них буквы особой ценности не представляют. Что значит несколько слов, если сохранились рукописные книги XI века!

Процесс датировки древнейших русских монет затянулся еще на столетие.

Значительный вклад в разрешение вопроса внес известный нумизмат и археолог Иван Иванович Толстой (1858—1916), который собрал крупнейшую коллекцию сребреников, описал и систематизировал их.

К тому времени были уже известны и представлены в его собрании сребреники четырех типов. Три из них представляли собой незначительные вариации сребреника с родовым знаком и надписью «Владимиръ на столе а се его сребро». Но один вид и размером монеты, и изображением с обратной стороны ее Христа, и надписью «Иисусъ Христосъ» был более похож на златник. Однако отличался от него надписью на лицевой стороне: «Владимиръ на столе», то есть имел только начало фразы «Владимиръ на столе а се его сребро».

Исследования И. И. Толстого позволили точно датировать все типы монет и проследить историю их чеканки.

Первыми русскими монетами были златники и сребреники Владимира с изображением на обратной стороне Иисуса Христа, отчеканенные в Киеве в 90-х годах X века.

После их выпуска был некоторый перерыв, а затем появились серебряные монеты с родовым знаком Рюриковичей — трезубцем и общей для двух сторон надписью: с лицевой стороны — «Владимиръ на столе» и обратной — «а се его сребро». Выпускались они в конце X — начале XI веков.

Что была именно такая последовательность в появлении описанных типов монет, свидетельствует обнаруженная исследователем перечеканка сребреника с Христом на сребреник с трезубцем; тогда как не найдено ни одного примера обратной перечеканки.

Точку зрения И. И. Толстого поддержал в 1927 году хранитель европейских монет отдела нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауер. Но против нее выступил спустя три года А. Орешников в статье «Клас-

сификация древнейших русских монет по родовым знакам». И хотя теория его не была признана нумизматами и историками, все же произошло торможение правильного разрешения проблемы.

Существенный вклад в исследуемый вопрос внесла диссертация В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период», опубликованная в 1956 году. В ней принималась атрибуция И. И. Толстого с внесенными ходом времени поправками.

Ныне датировка И. И. Толстого поддержана и крупным советским нумизматом И. Г. Спасским.

Но заключительное слово опять принадлежало археологам. Во время археологических раскопок В. А. Рыбаковым городища на реке Стугне — хорошо известной по «Слову о полку Игореве» — были найдены два сребреника Владимира, но культурному слою четко датируемые концом X — началом XI века.

Теперь монеты окончательно нашли свое место в истории.

Золотые и серебряные монеты с изображением Христа, скорее всего, знаменовали принятие Русью христианства в 988 году. Возможно, они и были приурочены к этому событию, поскольку предназначались не столько на роль денег в буквальном смысле (их было выпущено не так уж много, и функцию денег по-прежнему успешно выполняли арабские монеты и меха), сколько служили визитной карточкой суверенного древнерусского государства и его великого князя Владимира Святославича.

При датировке монет историки особое внимание уделяли изображенным на них деталям (портрету князя, родовым знакам, соотношению штемпелей с двух сторон и т. д.), но упустили из виду одну из наиболее существенных — саму надпись, которая может точно указать на время своего появления.

В «Учебнике русской палеографии» В. Н. Щепкина и «Отерке славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского в качестве примеров начертания кирилловских букв в X веке приводится упомянутая надпись Самуила 993 г. Естественно, русские примеры отсутствовали.

Восстанавливая древнейшую славянскую азбуку, В. Н. Щепкин писал: «...первоначальная, до нас не дошедшая кириллица имела следующие особенности.

1. Буква *А* имела маленькую треугольную головку, а спинку — наклоненную влево. Надпись Самуила, Саввина книга, а иногда и Супрасльская рукопись имеют эту черту. Русские датированные рукописи 11-го века этой черты не имеют — вероятно потому, что относятся все ко 2-й половине 11-го века...

2. Буква *Р* имела маленькую головку в виде полукруга, вверху.

прильпнувшего к прямой спинке. Таково *P* в надписи Самуила и на серебряных монетах Ярослава Мудрого (ум. 1054). Русские датированные рукописи этой черты уже не имеют, так же как Саввина книга и Супрасльская рукопись...»

Наши же надписи на монетах Владимира тем и замечательны, что имеют именно эти, характерные только для X века, особенности начертания *A* и *P* (понутно замечу, что *P* на монетах соответствует *P* в надписи «гороухца»), но значительно отличаются от графики второй половины XI века, а тем более начала XII века, и поэтому никак не могут быть отнесены ко времени Владимира Мономаха.

Хотя это всего лишь предварительные палеографические замечания, но они уже дают возможность подкрепить датировку рассматриваемых златника и сребреников X веком и отнести их чеканку к периоду княжения Владимира Святославича.

Существование надписей на монетах Владимира свидетельствует, во-первых, о бытовании кириллицы на Руси в конце 60-х годов X века и использовании ее не только в церковных целях. Во-вторых, говорит о том, что письменность практиковалась на Руси еще до ее официального крещения в 988 году, а не пришла вместе с ним. Логичнее считать, что в церковной практике она использовалась еще при Игоре и Ольге, когда на Руси лояльно относились к распространению христианства, а к концу столетия она уже прочно вошла в обиход восточных славян. Именно об этом свидетельствуют четыре надписи конца X века «на презренном металле», в дополнение к драгоценнейшей надписи первой четверти X века «гороухца» на куске обожженной глины.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Объясните, пожалуйста, значение слова *кантонист*, которое я встретил в стихотворных строках Э. Багрицкого: „В ослиную шкуру стучит кантонист (Иль ставни хрипят в отдаленье?)...“»

Н. Пономарев, *Архангельск*

Кантонист (от нем. *Kantonist* – повобранец) – в крепостной России солдатский сын, со дня рождения числившийся за военным ведомством и подготовляемый к военной службе в особой, пизней военной школе.

Из Этнолингвистического словаря славянских древностей

Битье посуды

итье посуды характерно в первую очередь для семейных обрядов (крестины, свадьба, похороны), встречается также в календарных и окказиональных обрядах, в народной медицине.

В свадебном обряде оно известно во всех славянских этнических зонах, а также у германских, романских, балтийских и финноугорских народов; осмыслиется главным образом как пожелание счастья новобрачным. Так, например, в Восточной Сербии, когда молодая уходила из родительского дома, она выпивала вина и бросала перед собой чашу; если чаша разбивалась, то это предвещало радость и счастье; если же нет, то ее разбивали специально. Битье посуды в свадебном обряде ассоциировалось также с дефлорацией или родами. Так, у сербов после первой брачной ночи какая-нибудь пожилая женщина, близкая родственница, била тарелку перед дверьми комнаты, где находились молодые; если же в течение этой ночи не произошло дефлорации, а тарелку все-таки разбили, то сама невеста протестовала против этого, так как она еще не «разбита». В Шумадии во время свадебных игр один из сватов подходил к жениху и невесте, которые во время игры держались за руки, и бросал между ними сосуд с водой, чтобы молодая легко рожала детей.

В Польше перед тем, как молодая входила в дом мужа, перед ней разбивали горшок с пеплом, чтобы у нее была счастливая жизнь; когда готовились к свадебному обряду, парни разбивали о двери коморы горшки и миски. У лужицких сербов, когда молодая приезжала в дом мужа, бросали в дверь горшок, чтобы он разлетелся, и только потом вводили ее в дом. У чехов во время проезда свадьбы через деревню бросали новый горшок под ноги коня, чтобы молодая не знала бед.

У русских будили молодых, разбивая горшки о двери помещения, где они спали, или около их постели; после этого молодая

подметала черепки, а ей бросали деньги; называлось это «бить горшки». В Калужском крае горшки били в знак того, что молодая была «цельная», а в эту ночь разбилась. На Украине и в Белоруссии обычно били посуду и ломали предметы домашнего интерьера в один из дней после венчания, выражая свою радость по поводу того, что молодая оказалась невинной. Впрочем, если выяснялось, что молодая была «нечестной», то в ее доме тоже били горшки и другую посуду, заставляли мать молодой пить из черепка, надевали на нее хомут и т. д.

В Восточной Сербии, когда жених садился на коня, чтобы ехать за невестой, какая-нибудь близкая родственница подавала ему чашу с вином, жених отпивал и бросал чашу через левое плечо, сваты топтали ее ногами. Сходные ритуальные действия бытовали на Украине, причем считалось, что если брошенный горшок разобьется, то у молодых родится сын, а если останется целым, то дочь, или молодые останутся бездетными. Перебрасывание сосуда с вином или водой, а также выливание воды или бросание пищи через плечо известны также у поляков и немцев.

Битье сосуда, из которого пили жених или невеста, входило в церковный чин венчания в Древней Руси (XIII–XIV вв.) и в Сербии (XIV в.), известно по описаниям свадеб русских царей в XV–XVI вв., а у русских старообрядцев сохранялось и в XIX в.: во время венчания жених бил «склиницу», из которой приобщались вином повобрачные, и топтал ее ногами.

Битье посуды в похоронном обряде известно у восточных славян, поляков и сербов и имеет аналогии в археологическом материале. Так, у сербов на следующий день после похороп шли на могилу, окуривали ее, а тарелку, в которой были угли, разбивали около креста, поэтому у свежих могил виднелись черепки от тарелки. У белорусов Минской губ. родственница покойного бросала ему вслед зерна, чтобы он не лишил хлеба оставшихся в живых, после этого она разбивала сосуд из-под зерна об угол дома. В приднестровских деревнях жена покойного разбивала после выноса тела новый горшок, сходным образом поступали румыны, причем битье горшка выражало пожелание, чтобы смерть разбилась вместе с горшком. У русских разбивали горшок, из которого обмывали покойника. В Калужской губ. посуду, из которой его обмывали, бросали на чужое поле, чтобы перегнуть «хвост и смертность» в другую деревню; во Владимирской губ. — относили на границу полей, чтобы покойник не возвращался и не пугал живых; место, куда кидали эти горшки, считалось чрезвычайно опасным. В Ярославской губ. на границу полей, где били горшки с водой от покойника, ходили больные зубами, они терли

черепками десны и зубы и перекидывали черепки через себя, прозвоня: «Чтобы тебе, черепок, не гнить, а вам, моим зубам, не болеть!». Битье горшка, в котором была вода для мытья покойника, встречалось также у гуцулов, черепки от горшка бросали в реку. На Украине после поминального обеда мыли посуду и сливали воду в горшок, хозяйка относила его на кладбище, выливала все на могилу, а горшок разбивала.

Битье посуды в крестинном обряде характерно для Белоруссии, запада и юга России, Украинского Полесья, а также для народов Прибалтики. В Украинском Полесье в конце крестинного обеда повитуха ставила на стол горшок с кашей и предлагала разбить его тому, кто положит больше денег. Обычно наиболее крупную сумму клал крестный отец ребенка, который и разбивал горшок. «Горшок раскалывался, каша же должна была остаться целой, что служило приметой семейного достатка и благополучия» [Гаврилюк Н. К. Картографирование явленной духовной культуры. (По материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 143]. По данным Полесского архива, черепки от разбитого горшка кидали в подол, на голову или за пазуху присутствующим (в основном молодым женщинам), чтобы у них было много детей; кроме этого, черепки кидали на порог, бросали свиньям, относили в огород, использовали при посадке овощей.

Битье посуды в календарных и окказиональных обрядах. В Гродненской губ. в среду на четвертой неделе Великого поста вечером молодые люди забегали в избы и разбивали об стену горшок с золой: «То так пэрзбивають пшост». В Новгород-Северском у. Волынской губ. на Юрия ходили есть в поле, где били посуду на счастливый урожай. На Украине, а также в Курской и Минской губ. перед тем, как отдать ребенка учиться, варили кашу и били горшок, в котором ее варили; в Минской губ. полагали, что если черепки далеко полетят, то ребенок будет хорошо учиться. В Восточном Полесье бросали в колодезь горшки и кувшины для вызывания дождя, их следовало украсть у соседей, у инородцев или у горшечника; аналогично у болгар, живших на Украине, считалось, что если в мае украсть у горшечника новый горшок и разбить его, то будет идти дождь. По мнению Н. И. и С. М. Толстых, с обрядами вызывания дождя могут быть связаны детские заклички дождя, известные на Украине, типа «Не йди, не йди, дощику, Дам тобі борщику У глинянім горщику. Поставлю на дуба; Дуб повалився, Горщик розбився, Дощик полився». В Польше считалось, что если кто-нибудь перешел дорогу перед возом горшечника, то торговля не будет удачной, в этом случае, приехав на

рынок, горшечник разбивал негодный горшок, чтобы охранить товар от кражи.

Битье посуды в народной медицине. У Восточных славян, поляков и сербов при конвульсиях накрывали ребенка ковром и разбивали сверху горшок; у белорусов и украинцев били горшок над головой больного, чтобы испугать лихорадку; на Подолье в день, когда у человека случался приступ лихорадки, носили на границу полей камень или разбивали там новый горшок.

Битье посуды в приметах. Если посуда бьется, то это сулит прибыль, если лопается — убыток (полтавское), от свиста в комнате бьются горшки (курское), в Белоруссии считалось, что если посуда разобьется на святках, то она будет биться в течение всего года; если посуда разобьется при гостях, то это добрый знак, а если без гостей — плохой, если под местом, где спят супруги, зарыт камень, то женщина беременеет мальчиком, а если черепки от посуды — то девочкой, с этим поверьем связана пословица: «Мужчина родитца ны камишку, а женьщинка ны чаропцы» (витебское).

Битье посуды в вербальных текстах. В Архангельской губ. в конце свадебного обеда кидали на печку горшок с приговором: «Сколько черепья, столько ребят молодым». Формула типа «Сколько черепков, столько и детей (столько и счастья)!» известна в Полесье, а также у народов Центральной Европы.

А. Л. Топорков

Праздник славянской культуры

На богатой литературными традициями Ворошиловградской 22–26 ноября 1988 года впервые был проведен праздник славянской культуры. Торжественное открытие состоялось в Историко-краеведческом музее, куда собрались ученые, писатели, художники, артисты, любители народного творчества, приехавшие из разных городов нашей страны и Народной Республики Болгарии. Доцент Литературного института имени М. Горького писатель А. Н. Власенко выступил с докладом «Взаимодействие трех славянских культур». Среди участников были московский литератор В. Калугин, украинские поэты А. Довгий (Киев) и Р. Лубкивский (Львов), белорусский писатель Л. Караичев (Минск) и другие. Завершился первый день благотворительным концертом, средства от которого пойдут на реконструкцию улицы В. И. Даля.

Самым значительным событием праздника были IV Далевские чтения. Активное участие в них приняли преподаватели и студенты Ворошиловградского пединститута, учителя и учащиеся школ, многочисленные гости праздника.

Председатель Далевского комитета, кандидат медицинских наук Ю. А. Ененко прочитал доклад «Три апостола славянской культуры», кандидат филологических наук Блажнев Любен Борисов (НРБ) — «Отражение жизни и быта болгар в повести „Болгарка“». Интересным было выступление преподавателя Пловдивского университета Петраны Саввой «В. И. Даль на занятиях по русскому языку в вузах Болгарии». Академические темы лингвистов («Словарь В. И. Даля как источник духовной культуры восточных славян», «В. И. Даль и украинская культура его времени», «Роль Словаря В. И. Даля в осмыслении современного поэтического слова») сменяли вдохновенные и образные гимны Казаку Луганскому писателей и поэтов.

В дни праздника славянской культуры были проведены литературные встречи, посвященные памяти А. П. Чехова (в Антраците), В. М. Гаршина (в Старобельске), В. В. Маяковского (в Ворошиловграде), Б. Л. Горбатова (в Первомайске), В. И. Сосюры (в Ли-

сичанске), Б. Д. Гринченко (в Перевальске). В Ворошиловграде (квартал имени Гаевского, 18) был открыт мемориальный музей писателя Владислава Титова.

Помимо этого состоялась областная конференция «Актуальные проблемы охраны и исследования археологических памятников в центральном Донбассе»; прошли встречи гостей с трудящимися предприятиями, коллективами школ и учебных заведений города и области; были организованы книжные выставки и другие мероприятия.

Многогранная и энциклопедическая личность В. И. Даля — писателя, ученого-лексикографа, этнографа, путешественника, врача, инженера — вызвала к жизни грандиозный праздник единения славянских культур и народов.

Г. М. Чумаков,
доктор филологических наук,
В. В. Ярыгин
Ворошиловград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Какие значения имеет слово *щепетильный*?»

И. Кобандзе, Тбилиси

В словарях современного русского языка зафиксировано пять значений этого слова.

Три из них даны с пометкой «устаревшее», с ними Вы можете встретиться в литературе XIX века. Это *щепетильный* в значении «галантерейный», «парфюмерный»: *щепетильная лавка, щепетильные товары*.

Второе значение — «изысканный, модный в одежде»: *Одета Елена Сергеевна была по-прежнему щепетильнейшим образом, но вся в черном*. (Писемский. *Люди сороковых годов*); третье — «придирчиво-педаanticный, мелочной»: *Спроведивши наездника, Капитон Аверьяныч по очереди призвал Федотку и кузнеца и подверг их самому щепетильному допросу* (Эргель. *Гарденины*).

Неустаревшими в современном русском языке остались два значения: 1) «педаanticный и строго принципиальный, чрезвычайно корректный в отношении с кем-либо или по отношению к чему-либо», например, *Тарас Петрович был очень щепетилен во всем, что касалось выполнения приказов старших начальников* (Казакевич. *Весна на Одере*); и, наконец, 2) *щепетильный* — это деликатный, требующий осторожного и тактичного отношения: *щепетильный вопрос, щепетильное положение*.

ИЗ ЗАМЕТОК ДИАЛЕКТОЛОГА

Наше время справедливо называют временем словарей. К справочникам разного рода обращаются и школьник, и академик, и тот, для кого словарь — настольная книга, и тот, кто никогда ранее не брал его в руки. Совершенно очевидно, что иногда встречающаяся неудовлетворенность словарями чаще всего возникает из-за недостаточного опыта пользования ими, из-за отсутствия твердых навыков и умения извлекать из них необходимую для себя информацию.

В предлагаемой статье доктор филологических наук Т. С. Коготкова затрагивает эти вопросы на примерах конкретного обращения к словарям диалектно-регионального типа, продолжая и расширяя тем самым разговор о местной (областной) лексике и о словарях, ее объясняющих, начатый в статье «Заметки о современной областной лексикографии» (Русская речь, 1988, № 1).

«Нагнувшись под балчук...»

Т. С. Коготкова,
доктор филологических наук

Местные пародно-диалектные слова, как известно, широко используются в литературно-художественных текстах. В этом случае они, как и иные локальные особенности речи (звуковые, грамматические), не только украшают и освежают повествование яркими, меткими речениями, но и сами являются убедительными и доказательными приметам данного региона и социальной среды — ее языка, бытовой повседневности, нравов. Эти особенности всегда использовались в нашей художественной литературе, начиная с классического XIX века. И по сей день реалистический показ жизни предполагает раскрытие любой социальной или провинциальной среды ее же языковыми средствами.

Не каждый читатель такого произведения замечает или каким-то образом (с восхищением, удивлением, негодованием — бывают и такие случаи) отмечает в своем сознании диалектные слова. Одни их знают с детства, из родной семейной речи, и потому воспринимают спокойно, естественно; другие улавливают смысл таких слов из контекста и ситуации описания; третьи, движимые живым чувством здоровой любознательности, с завидной настойчивостью хотят постичь их точный смысл. В этом случае обращение к словарю местных слов неизбежно.

Недавно пришлось консультировать работника редакции художественного перевода. Затруднение вызвали диалектные слова из сочинений И. С. Тургенева, которые надо было перевести на немецкий язык. В романе «Накануне» в сцене прощания Елены Стаховой со своим отцом Николаем Артемьевичем (перед ее отъездом с Иссаровым в Болгарию) читаем: «...Шубиц, Берсенеv, хозяин, его жена, дочка с неизбежным платком на голове, дворник, посторонний мастеровой в полосатом халате — все стояли у крыльца, как вдруг на двор влетели богатые сани, запряженные лихим рысаком, и из саней, стряхая снег с воротника шинели, выскочил Николай Артемьевич. — Застал еще, славу богу, — воскликнул он и побежал к повозке. — Вот тебе, Елена, наше последнее родительское благословение, — сказал он, нагнувшись *под балчук*, и, достав из кармана сюртука маленький образец, зашитый в бархатную сумочку, падел ей на шею».

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ) со ссылкой на Даля приводит слово *балчук* в значении «базар, рыбный рынок», явно не соответствующем смыслу только что приведенного отрывка. Обращение к другим областным словарям (просмотрено более сорока наименований) было также безуспешным. И лишь в «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского (М., 1910—1914) слово было найдено.

Этимологические словари, устанавливающие в слове изначальное его происхождение и значение, вместе с региональными входят в семью исторических словарей любого национального языка. В Словаре Преображенского одно из значений слова *балчук* — «задок, навес у тарантаса»; при этом выдвигается предположение об орловском ареале распространения слова и дается ссылка на рассказ Тургенева «Стучит» (Записки охотника). Открыв нужную страницу, подсказанную словарем, читаем: «Я — глядь вперед: на козлах, понунив голову, согнув спину, сидит, как истукан, Филофей, а еще подальше — над журчащею водою — кривая линия дуги и лошадиные головы и спины. И все так неподвижно, так бесшумно — словно в заколдованном царстве, во сне, в сказочном сне... Что за притча? Я — глядь назад *из-под балчука* тарантаса... Да мы на самой середине реки... берег от нас шагов за тридцать!». И далее: «Я опять высунулся из тарантаса; но я бы мог остаться *под навесом балчука*, до того теперь явственно, хотя еще издали, доносился до слуха моего стук тележных колес, людской посвист, бряцанье бубенчиков и даже тонот конских ног...»

Как же можно объяснить, что указанное значение в слове *балчук* не зафиксировано Словарем Даля, этой настольной книгой каждого пишущего, незаменимым пособием по языку, жизни и культуре русского народа XIX века?

Начнем с того, что ни один словарь любой заданности и содержательной направленности не свободен от пропусков слов. Именно по этой причине осуществляется регулярное переиздание словарей с обязательными дополнениями и уточнениями в семантике. Значительно пополнился, обогатился и приобрел лингвистическую строгость и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в своем третьем издании (1903–1909), осуществленном известным языковедом И. А. Бодуэном де Куртене. Словарь Даля, хотя и содержит большое количество местных слов, не является чисто областным (региональным), каким был до него, к примеру, «Опыт областного великорусского словаря» (1852). Его лексические фонды – слова живого народного языка. Большинство таких слов имели общенародное распространение, без территориальных ограничений. Что же касается ареальной принадлежности собственно областных слов в Словаре Даля, то языковеды, изучив его, уже давно пришли к заключению, что в нем больше отражена лексика северных русских говоров (вологодских, повгородских, архангельских, нижегородских и др.). Лексика же южнорусских говоров (рязанских, орловских, курских и др.), а также западных (смоленских, брянских) представлена меньше. Не исключено, что именно по этой причине не отмечено в нем, например, и слово *чирый*, употребленное Тургеневым в уже названном нами романе и, возможно, известное ему из родной орловской речи.

Говоря о Словаре Даля, надо иметь в виду, что он, хотя и самый полный по количеству слов из всех имеющихся на сегодня толковых словарей русского языка, не для каждого, обращающегося к нему, легок в пользовании. Слова располагаются в нем по «комбинированному» принципу: алфавитному и гнездовому – одновременно. Слова одного корня объединяются в одно гнездо, заглавным словом может быть либо глагол, либо имя (существительное и прилагательное). Приставочные образования от этого же корня помещаются в особые словарные статьи. Все такие гнезда расположены по алфавиту. Так, слова с корнем *игр* можно найти в каждом томе четырехтомника. Гнездо на глагол *играть* со всеми бесприставочными производными – во II томе, гнездо на *заигрывать* – в I томе, на *переигрывать*, *подыгрывать* – в III томе, а на *разыгрывать* – в IV.

Словарные статьи на приставочные образования размещаются под той буквой, с которой начинается это приставочное слово. Такое среднее между «голословным» и «корнесловным», выражаясь словами самого В. И. Даля, расположение слов в словаре, по мысли автора, отвечало лучшему «постижению духа родного языка» теми, кто был намерен обращаться к его материалам. Надо заметить, что верность духу родного языка, его охрана от порчи и утраты

были едва ли не главной заботой всей лингвистической деятельности Владимира Ивановича.

Лексическая полнота и информационная насыщенность Словаря Даля оценена и проверена самой жизнью. Свыше столетия (первое издание — 1863—1866 гг.) он живет и работает.

Нам, живущим в XX веке, следует помнить, обращаясь к словарям дореволюционного времени, что в алфавитном расположении слов, и особенно букв внутри слова «принимали участие» и знаки старого, дореформенного алфавита — *ять, фита, ижица*. Без знания этого не всегда можно легко и быстро получить необходимую справку.

Пользуясь регулярно Словарем Даля, надо иметь в виду не только «комплексный» принцип расположения слов в нем, но и отсутствие строго закрепленного содержания у лексикографических значков, которыми в необходимых случаях сопровождаются производные слова внутри словообразовательного гнезда.

Ранее мы упомянули прилагательное *чирый*, использованное Тургеневым в романе «Накануне». Вспомним эпизод, где автор рассказывает о столкновении во время загородной прогулки в Царицынских семейства Стаховых и их друзей с компанией сильно подгулявших немцев. Один из них, по остроумному определению художника Шубина, — «представитель саксонской отрасли кавказского племени», совершенно *чирый*, пожелал получить einen Kuss (нем.) от молодой фрейлейн из компании Стаховых. По содержанию всего этого эпизода, *чирый* значит «пьяный». У Даля слова *чирый* нет, хотя в обширном гнезде на глагол *чирикать* (т. IV), в самом его конце, есть намек на подобную семантику (Арх. «косушка, чарка», относящиеся к однокоренному *чирятина*). Прямые семантические и морфологические связи разорваны, остается лишь косвенный намек на возможное смысловое сближение слов *чирый* и *чирятина*.

Умелое соединение местных слов со словами общепонятными в тексте, свидетельствуя о стилистическом мастерстве И. С. Тургенева, в то же время дает повод с уверенностью предположить, что *местное* присуще словарю писателя органически, что оно является в его языке родным. Для внимательного языковеда это — всегда сигнал взять такие слова на заметку, занести в свои списки или картотеку с тем, чтобы впоследствии воспользоваться ими в своей исследовательской и культурно-просветительной работе.

Михаил Скопин-Шуйский

С. Н. Азбелев,
доктор филологических наук

ЛЕТ НАЗАД на нашей земле происходили события, главный герой которых завершил собой галерею реальных прототипов былинных богатырей.

Обычно «эпическое время» былин ассоциируется, как известно, с гораздо более ранней исторической эпохой: действие большинства их приурочено к правлению эпического князя Владимира Красное Солнышко; основной прототип его — Владимир Святославич Киевский, креститель Руси, умерший в 1015 году. Но в героическом эпосе частично отобразились и деяния последующих веков. Некоторые записи былин среди богатырей князя Владимира упоминают Михаила Скопина. Иногда он действующее лицо в вариантах широко распространенных произведений.

Согласно одной из записей, Скопин в числе тридцати богатырей оберегает Киев под предводительством Ильи Муромца, находясь на богатырской заставе; согласно другой — он один из свадебных «чинов» в повествовании о женитьбе князя Владимира (Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904); есть запись, где говорится, что Скопин указывает песту для Владимира, а затем участвует в его свадебном пире (Былины Печоры и Зимнего берега. М.—Л., 1961) и др.

Это более или менее случайные отголоски былины, специально посвященной Михаилу Скопину. Она была один раз записана в южной Сибири и около десяти раз — в пределах древней Новгородской земли, где в 1608 году начал собирать войска для освобождения России Михаил Васильевич Скопин-Шуйский — один из замечательных деятелей бурной и противоречивой эпохи, получившей наименование *Смутного времени*.

М. В. Скопину посвящено несколько народных песен. Эти песни записаны десятки раз, они были популярны до недавнего времени и на севере России, и на Волге, и даже на Тереке.

Рукописные повести и старинные песни есть и о других деятелях нашей истории XVI и XVII столетий. Но среди них один только Михаил Скопин удостоился воспевания в былинне.

Он очистел царство Московское
И велико государство росси(й)ское.

И велику славу до веку поют
Скопину-князю Михайлу Васильевичу,—

читаем мы в знаменитом Сборнике Кириши Данилова (XVIII в.)

Талантливый полководец и организатор, сыгравший весьма важную роль в национально-освободительной борьбе, М. В. Скопин погиб в 1610 году в возрасте 23 лет на пороге решающего военного успеха. Оплаканый москвичами и войском, он был, по требованию народа, похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля, что являлось великой честью, признанием исключительных заслуг перед страной.

В русских источниках засвидетельствован слух о причастности самого царя к смерти Скопина: «Глаголют... отравлен бысть от царя Василия зависти ради»,— писал современник И. М. Катырев-Ростовский (Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13).

Историческая основа песен о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском и былины о нем по письменным документам вкратце такова.

Во главе русского войска, собранного им на Севере России, (и вместе с союзными шведскими полками) М. В. Скопин (племянник царя Василия Шуйского) очистил от интервентов, сторонников претендента на русский престол Лжедмитрия II, и других отрядов значительную территорию, освободив несколько крупных городов и сняв блокаду с Москвы.

Популярность Скопина в народе и в войсках была исключительно велика — в противоположность ненависти к Василию Шуйскому. Часть враждебных царю отрядов прислала депутацию к Скопину, предлагая содействие в захвате власти. Эти предложения были Скопиным категорически отвергнуты. Но у Василия Шуйского появились подозрения относительно целей Скопина; против него интриговали завистники, в особенности брат царя Дмитрий Шуйский, бывший воеводой до назначения Скопина и потерпевший неудачу. Хотя Скопину надо было продолжать поход, чтобы завершить разгром вражеских сил, царь вызывает его в Москву — для воздаяния почестей. Близкие убеждали Скопина не ехать, сознавая опасность; однако отказ прибыть по царскому вызову был бы, конечно, истолкован врагами Скопина как подтверждение домыслов о его намерении отнять престол у Василия Шуйского.

Скопин приехал в Москву, в его честь были устроены официальные торжества. Затем князь И. М. Воротынский пригласил его быть крёстным своего сына. Крёстная — жена Дмитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова) на пиру по случаю крестин поднесла полководцу кубок, выпив который, Скопин почувствовал себя плохо. Его отвезли домой, где он в мучениях умер.

Военные приготовления Скопина описываются в песнях иногда в манере, близкой к поэтике былин. Вот как пел знаменитый прионежский сказитель Трофим Рябинин:

Ехал Скопин он в Новгород,
Служил заутрену пречистой Богородицы.

Собирал он мужиков новгородских,
Говорил-то таковы слова:
«Ай же, мужики новгородские!
Собирайте-ка мне силы сорок тысячей
Повыгнать из Москвы Литва поганая».

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым

Военными противниками Скопина были, прежде всего, войска, посланные и поддерживаемые королем Речи Посполитой — польско-литовского государства. Отсюда — обобщенное название вражеских сил (обычное и для многих былин). Эпитет *поганые* имел тогда иной смысл, чем теперь, обозначая иноверцев (от латинского *paganus* — язычник).

В былинном духе рисует одна из песен и победы Михаила Скопина:

Усгрёб теснилку дубовую,
Подал теснилкой помахивать:
Куды махнёт — туды улица,
Куды отмахнёт — переулицик.
У три часа, у три цетьверти
Прибил всю Литву нехресцоную,
Одистил Москву просвесцоную,
И дом пресвятыя Богородицы.

Песни, собранные П. В. Киреевским

Официальное чествование Скопина в Москве превратилось во всенародное прославление. Вот что писал И. М. Катывев-Ростовский: «И стретоша (встретили) его, воеводу, вси людие царствующаго града Москвы от мала и до велика и почтиша его честно велико зело, яко ни сам той венец носящий (т. е. сам царь) никодже (никогда) тако почтен бысть... Царь же Василий наполнися зависти и гнева и не возлюбя его» (Русская историческая библиотека, СПб., 1909, Т. 13).

Повесть, посвященная М. В. Скопину, наминала о предупреждениях его матери: «И сколько я тебе, чадо, в Александрову слободу приказывала: не ездь по град Москву, что ляхи в Москве звери лютые, а пышат ядом змеиным...» (Там же).

Рассказы современников отражены летописью, где говорится: «сотвориша пир дядя его, не яко любви ради желашу его, но убийства, и призваша, и ява, и пиша..., княгиня Дмитреева Шуйского Христина, Малютина дочь Скуратова... прииде к нему с лестию, пося чашу меду со отравою. Он же незлобивый, не чая в ней злаго совета по сродству, взем чашу и испит ю; в том часе начат сердце его терзати; взявше его свои и принесоша и в дом... и предаст дух свои...» (Псковские летописи. М.—Л., 1941. Вып. 1). Жену Дмитрия Шуйского звали Екатерина; искажение имени вызвано, вероятно, недослышанными сведениями о крестинном пире, где Скопин был отравлен кумой.

Подробнее о самом злодеянии говорит песня в записи от Аграфены Крюковой: Скопин приезжает «ко князю-то ко московскому», который устроил ему торжественную встречу и пригласил на пир; участвует в крестинах («одёржал же он своёго все восприемника»); после чего князь «на радости» собирает пир:

На своих-то князьей да он на бояров,
 Для того-то собирает больше Скопина-кума,
 Для того-ли-то князя Михайла Васильевича.
 Да садит он его всё во большо место,
 Во большо его место да ише всё к себе.
 Ише тут ведь бояра всё зло подумали;
 Розговорили они да всё княгиню тут,
 Насыпали в стакаш ёму зелья лютого;
 Подносила кума всё ему крестовая.

Беломорские былины, записанные А. Марковым

В образе кумы — дочери эпически знаменитого злодеяниями Малюты Скуратова — как бы персонифицирована враждебная Скопину группа московских бояр, возглавляемая Василием и Дмитрием Шуйскими.

Былина вводит слушателей в традиционную эпическую обстановку:

Как во стольнём в городе во Киеве,
 Как у ласкова князя да у Владимира
 А столóванье было пирóванье.

На княжеском пире участники его по традиции похваляются:

А иной хвастат высоким повым своим теремом,
 А иной так хвастат дак чистым сёребром,
 А иной дак нын хвастат своим добрым копом,

А мудрый похвастал своей матерью,
А глухой похвастал да молодой женой.

Былины Печоры и Зимнего берега

Совсем особую похвальбу произносит герой былины:

Один боярин не хвастает,
Михайло Скопин, сын Васильевич;
Встает Михайло на резвы ноги,
Сам говорит таковы слова:
«Гей еси батюшко Владимир-князь!
Брал я Малюту за черны кудри,
Бил я Малюту о сыру землю,
За тое за измену за великую»

Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева

Герой идет навстречу опасности, намеренно обостряет конфликт с завистниками и недоброжелателями (первый среди которых — муж Малютинной дочери). Иногда в былине говорится о причастности к злодеянию бояр, но прямая исполнительница его — всегда дочь Малюты:

Наливала она цяру зелена вина,
Наливала не малу, да полтера ведра,
Да положила тут зелья лютого,
Да положила она сала змеипого,
Да подносит Скопину сыну Ивановичу,
Поближешнько она да придвигаетсе,
Понижешнько она да поклоняетсе:
«Ох ты ой есь, Скопин да сын Ивановичь!
Уж ты выкунай цяру да зелена вина».

Печорские былины...

Важный мотив выбора, отразивший реальную ситуацию, в которой оказался М. В. Скопин-Шуйский, подчеркнут почти всеми вариантами былины:

Ай-я говорит де Скопин да таковы слова:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
А ще не пить мне-ка цяры — виновату быть,
А ще как выпить мне цяру — живому не быть».
А ще как берет Скопин во праву руку,
А ще как выпил Скопин к едину духу.

Былины Севера

В других записях значение этого мотива акцентировано обращением к богатырям и к дружине:

«Ох вы ой есь, дружицушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Уж вы руськие могущие богатыри!
Уж как пить мне-ка цяра — живому не быть,
А не пить мне ка цяра дак виновату быть».

Уж я выпью как царю да зелена вина,
 Спроводите меня да ко свою двору,
 Пусть и зват про меня да родна матушка».

Печерские былины...

Если в песне встречаются упоминания о певёдении Скопина относительно того, что ему поднесена отрава, то в былинке, напротив, акцентируется противоположное:

Говорит Скопин сын Иванович:
 «Глядите, дружья-братья приятели во чару
 позолочену!

Но бокам-то у чары огонь горит,
 По середочке чары ключ кинит.
 Если не пить эту чару – виновату быть,
 А если пить эту чару – живому не быть!»
 Попадевся Скопин на могуту-силу,
 Берет-то чару рукой правою,
 Переокивает в руку левую,
 Крестивяса рукой правою:
 «Пресвята божья мати Богородиця!
 Пособи мне-ка нести такоу тигости.
 Стоял я за веру за Христовую,
 Держался креста распятого».
 Пьет-ко чару ко едину духу.

Былины Севера

Хотя ни в одном варианте былины не сказано прямо, почему и в чем Скопин окажется «виноват», если не выпьет подносимую чару, сам этот мотив всюду подчеркивается.

Былина дает эпическое переосмысление центрального конфликта. Именно в том, что Скопин добровольно испивает смертную чару, состоит главный его подвиг. Эпическое величие героя, его исключительность, поставившая Скопина в один ряд с богатырями Киевской Руси, обусловлены не военными победами для освобождения Родины – хотя без них он не имел бы права на свое место в эпосе. Военные победы такого же значения были одержаны и другими героями Смутного времени – уже после гибели Скопина, – и именно их успехи сыграли в войне решающую роль. Но важнейшие военные победы стали возможны в результате победы нравственной.

Думается, что значение М. В. Скопина в истории России народ понял вернее многих профессиональных историков. В тяжкое время всеобщей смуты, когда борьба за власть между разного рода «самозванцами» и претендовавшими на «законопость» (но мало различавшимися степенью беспринципности) правителями и воена-

---

чальниками принимала формы ожесточенные и уродливые, нравственный подвиг оказался ценнее подвигов воинских.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У нас возник спор. Нужно ли писать с прописной буквы местоимение *вы*, когда обращаешься к нескольким людям, например, в поздравительной открытке?»

В. Яровая, *Донецк*

Нет, не нужно. Местоимение *Вы* пишется с прописной буквы как форма выражения вежливости лишь при обращении к одному лицу (физическому или юридическому). Если же *Вы* поздравляете нескольких человек, это местоимение пишется со строчной: «Дорогие Ирина Ивановна и Александр Павлович! Поздравляю вас с праздником! Желаю вам...»

«Объясните, пожалуйста, значение слова *анчоус*».

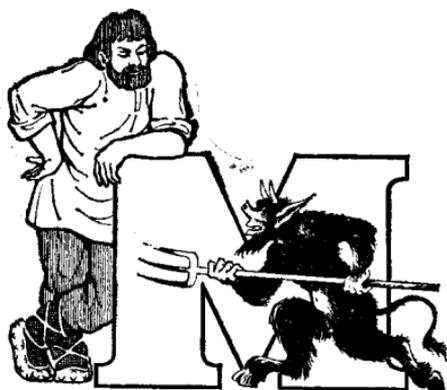
Т. И. Кустова, *Архангельск*

Анчоус — мелкая морская рыба семейства, близкого к сельдям.

Какого рожна?

В. М. Мокиенко,
доктор филологических наук

осквичка Галина Ивановна Пронина спрашивает: «Что означает слово *рожон* в привычном нам выражении *какого тебе еще рожна?*»

Интерес к значению слова *рожон* в вопросительном восклицании *какого тебе еще рожна?* понятен. Каждый говорящий ощущает его тесную связь с известной ему экспрессивной фразеологической моделью: *какого черта? какого беса? какого дьявола? какого шута?* — «почему, зачем, для чего, к чему?» Но эта связь явно предполагает у слова *рожон* мифологическое значение «черт», чему противоречит традиционная ассоциация восклицания о рожне с другим оборотом — *переть на рожон*, где *рожон*, как известно, — заостренный кол, с которым некогда охотились на медведя. Расшифровка же *какого кола?* кажется нелогичной и бессмысленной, ибо вступает в противоречие с упомянутой фразеологической моделью.

Любопытна попытка разрешить это противоречие в одном из диалогов героев романа И. А. Гончарова «Обрыв»:

«— ...здоров, умен, имение есть. Чего еще: рожна, что ли, надо?...— Что это значит, рожон? — А то, что человек не чувствует счастья, коли нет рожна... Надо его ударить бревном по голове, тогда он и узнает, что счастье было, и какое оно плохонькое ни есть, а все лучше бревна».

Здесь *рожон* выступает, с одной стороны, в своем конкретно-вещественном значении, с другой (во многом благодаря особой гиперболизации этого значения) превращается в своеобразный символ — удар судьбы, роковое испытание, без которого человек не может в полной мере ощутить своего счастья.

Надо сказать, что такое истолкование имеет свой резон не толь-

ко в конкретно-символическом контексте произведения И. А. Гончарова, но и в контексте истории взаимодействия структуры и семантики русских оборотов со словом *рожон* — *лезть на рожон* и *переть на рожон* (*против рожна*), с одной стороны, и *какого рожна? на какой рожон?* и *ни рожна* — с другой. Употребление И. А. Гончарова опирается на один из таких оборотов — *рожна, что ли* (надо, не хватает)?, который употреблялся в просторечии прошлого века и отражен писателями: «— От дяди отделился, имеешь теперь свой капитал, рожна, что ли, тебе еще?» (Мельников-Печерский. На горах).

Действительно, значение «заостренный кол» как будто достаточно логично подставляется в оборот *рожна, что ли, надо?*, который по общей тональности напоминает выражение *беситься с жиру*. При ближайшем рассмотрении, однако, легко увидеть, что такая расшифровка наваяна все той же навязчивой ассоциацией с *рожном* из сочетаний *лезть на рожон* и *переть против рожна*. С чисто языковой же точки зрения оборот *рожна, что ли, надо?* — лишь усеченный или, точнее, синтаксически перифразированный вариант более употребительного оборота *какого рожна?* А он, как уже говорилось, «уводит» в целый ряд русских фразеологизмов, образованных по мифологической модели.

Итак, связаны ли общей смысловой нитью два «рожна», вошедшие в состав русских выражений, или же решительно разобщены?

Нужно сказать, что фразеологизмы со словом *рожон* отличаются не только переносным смыслом и структурой, но и ширитой распространения, а следовательно, и хронологией образования. Обороты *лезть на рожон* и *переть против рожна* известны славянским языкам очень давно (ср. старослав. *против рожна прати* и его точные языковые параллели в древнегреческом и латыни). Они, как признают многие исследователи пословиц и поговорок, вошли в русскую речь из славянского перевода Деяний апостолов — раннехристианского сочинения, включенного в Новый завет (Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова). В этом месте Библии говорится: «Жестоко ти есть противу рожна прати», то есть трудно тебе идти против рожна. Поговорка эта была известна и античным авторам — она, в частности, встречается в трагедиях Эсхила «Агамемнон» и «Прометей».

Обороты же *какого рожна? на какой рожон?* и *ни рожна* — чисто русские: их нет даже в близкородственных украинском и белорусском языках.

Анализ контекстуального употребления в языке прошлого века и в наше время *какого рожна?* обнаруживает полную семантическую аналогичность выражения мифолого-фразеологическому ряду

оборотов типа *какого черта* (*беса, дьявола, лешего, шута* и под.)?

Употребляясь со словами *надо, не достаёт, не хватает* и под., оборот *какого рожна?*, как показано во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, имеет значение «чего еще (надо, не хватает, не достаёт и т. п.)?»:

«— Вы-то что? вам-то какого еще рожна не достаёт? — сердилась она. — Маменька! Это что такое? — вступалась Олимпиада. — Так только на горничных можно кричать...» (Успенский Г. Нравы Растеряевой улицы); «— И чего она хочет от меня?.. Люблю ее, как прежде. Нет, больше, чем прежде. Какого рожна ей надо?» (Крымов Ю. Инженер).

Без таких слов-сопроводителей значение оборота еще более обобщено — «чего, зачем, для чего, почему?», что также соответствует семантическим закономерностям именно мифологической модели:

«— ...Ну, какого, спрашивается, рожна он торчал на мостике и нас с собой держал?» (Степанов А. Порт-Артур); «Где ж неприятель? Какого же рожна он не идет?.. Трусит?» (Шишков. Емельян Пугачев).

Важно, что и другие структурные варианты оборота перекликаются именно с мифологической моделью — *для какого рожна?* (ср. *для какого черта?*), *на какой (кой) рожон?* (ср. *на какой (кой) черт?*), *с какого рожна?* (ср. *с какого черта?*) и под. Такие варианты свидетельствуют о речевой стихии, в которой возникли и продолжают употребляться эти грубовато-просторечные выражения: «— На какой рожон ты деньги копишь?» (Успенский Г. Разоренье); «— Мне на вахту? С какого рожна? Бич вывалился из койки, в одном пижаме белье выскочил на палубу» (Кукушкин В. Конец Семки Бича).

Мифологические параллели имеет и выражение *ни рожна* «абсолютно ничего» (не понял, не смыслит) — ср. *ни черта, ни лешего, ни шиша, ни беса* и под.

У А. П. Чехова мифологическую «перекличку» для фразеологизма *ни рожна* мы встречаем в рассказе «Беседа пьяного с трезвым чёртом». Сам «черт, или дьявол», как он отрекомендовался хозяину, бывшему чиновнику интендантского управления, отставному коллежскому секретарю Лахматову, на вопрос последнего о роде его занятий отвечает: «Искушаем классных дам, подталкиваем юнцов стихи писать, заставляем пьяных купцов бить зеркала... В политику же, в литературу и в науку мы давно уже не вмешиваемся... Ни рожна мы в этом не смыслим...»

Ясно, что в этом и подобных употреблениях *рожон* со всей определенностью воспринимается именно как «черт».

Семантический анализ оборотов *какого рожна?* *на какой ро-*

жон? и *ни рожна*, следовательно, показывает, что они могут являться конкретными осколками соответствующих русских мифологических моделей. Если погрузиться в глубины русской диалектной речи, то легко увидеть, сколь разнообразна по лексическому составу каждая из трех моделей: *какбго ейтара?* *какого ёлса?* *каких тебе желвэй надо?* *какого парáлика?* *какое колóтье?* *какого праха?* — не что иное, как диалектные синонимы общелитературного *какого черта?* Многочислен ряд подобных образований с местоименным *кой*: *кои жблви!* *кои ўсови!* *кой клял?* *кой кур!* *кой нож,* *кой усов?* *кбá облива!* *кой прах!* *кой родíмец!* и др. (Словарь русских народных говоров).

В чем причина столь «избыточного» употребления мифологических обозначений в соответствующих оборотах?

Оказывается, — это языковые следы давно искорененных языческих пережитков и суеверий, в соответствии с которыми черты довольно точно распределялись по функциям, месту обитания и внешнему виду (Толстой Н. И. Из заметок по славянской демонологии. 1. Откуда дьяволы разные? — В кн.: Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1/5/. Тарту, 1974; его же: Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский. — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976; Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983). Такие выражения связаны с дифференцированным поклонением различным лесным, домовым, водяным и прочим духам, обращение к которым для суеверных жителей деревни имело вполне конкретный смысл и «практическую» направленность.

Буквально вопрос *«Какого черта тебе нужно?»* и предполагал, что по соответствующей «табели о рангах» необходимо обратиться к нужному бесу. Так, к *домовому* чаще всего обращались с просьбами охранять дом и его обитателей от болезней и других напастей. Поскольку считалось, что предметом его особых забот является скотина, то старались по-разному способствовать такому «попечительству». Рассерженного домового умилоствивляли, оставляя пищу, наливая под вереву (столб ворот) «святую воду», кура ладан и т. д. *Лешего* — «лесного хозяина» — задабривали, чтобы он не сбил пугника с дороги и не занес куда-нибудь «к черту на кулички». *Банника* — банного домового — упранивали, чтобы он дал «легкого пару» и не мешал доброму мытью... За каждым из подобных наименований черта стоит специализированный мифологический образ, лишь позднее подвергшийся фразеологическому обобщению.

Слово *рожон* в наших выражениях — не исключение. Его конкретное значение уже забылось. Однако «доискаться» до него по-

могает этимологический анализ. Он позволяет два разных значения — «заостренный кол» и «черт» — связать общим семантическим знаменателем, ибо слово *рожон*, по-видимому, образовано от корня *rog-* с помощью суффикса *-льпъ* (с чередованием *г/ж*): *rog — *льпъ*. При этом общеславянское слово в значении «заостренный кол», «вертел для поджаривания мяса», известное в формах *rožen и *rožon (Bogusław Kreja. *Skąd się wzięło rożno?* — *Język polski*, 1971, № I, s. 30–36), первоначально расшифровывалось как «палка, похожая на острый рог» (ср. рус. *рогáтина* «суковатый кол», белор. *рогáч* «кол, рожон» и под.). Русский же диалектизм *рожон* «черт» отталкивался от иной связи с *рогом* — «имеющий рога, рогатое существо». Это обозначение, с одной стороны, — эвфемизм, то есть смягченное и прозрачное наименование черта, которое давалось ему из суеверного страха, что прямое название приведет к его появлению. С другой же стороны, это название отражает типичные представления о внешнем виде «дьявольского отродия».

Известно из мифологий многих народов, что рога — один из характерных внешних признаков столь «нечистого существа», как дьявол. Не случайно его античные аналоги — греческий Пан и римский Сатир — имели именно «козлоподобный» вид. В уже упомянутом шутилом рассказе А. П. Чехов, кстати, дал выразительный «типовой образ» этого врага рода человеческого. Причем, упоминая о его рогах, писатель делает даже особый юмористический акцент, не преминув, естественно, столкнуть прямое и переносно-фразеологическое значение слова *рожки*:

«Вы знаете, что такое чёрт? Это молодой человек приятной наружности, с черной, как сапоги, рожей и с красными выразительными глазами. На голове у него, хотя он и не женат, рожки... Прическа à la Капуль. Тело покрыто зеленой шерстью и пахнет псиной. Внизу спины болтается хвост, оканчивающийся стрелой... Вместо пальцев — когти, вместо ног — лошадиные копыта».

«Рогатость» поэтому не случайно стала основой нескольких народных русских наименований черта — *рогáтик*, *хвостатый рогатик* или просто — *рогáтый*. Они известны и другим славянам — ср. чешское выражение *U všech rohatých!* (буквально: У всех рогатых! — «Ко всем чертям!»). Ту же мотивировку имеет сербохорватское название черта *рогoвья*, буквально значащее «рогатый» и образованное с помощью суффикса *-ьянь*, весьма похожего на аналогичный суффикс, образовавший русское *рожон*. В народной речи у сербов есть и слово *рогoша* в том же мифологическом значении. Подобный способ наименования нечистой силы «по рогам и копытам» известен и другим народам. Как убедительно показал Ю. В. Откупщиков, даже латышское и литовское обозначение ведьмы — *Ragana* в

конечном счете расшифровывается именно как «рогатая», восходя к мифологическим представлениям, подобным славянским (Откупщиков Ю. В. О происхождении лит., лтш. *Ragana* «ведьма». *Baltistica*, XIII (1), 1977).

Исходным значением оборота *какого рожна?*, следовательно, было мифологическое — «рогатый черт». Широкая употребительность фразеологизмов *лезть на рожон* и *переть против рожна*, однако, вела к сближению этих древних омонимов. Тем более, что в народной речи в мифологическую модель могли попадать и существительные, обозначающие заостренную палку или даже нож. Например, *на кой кляп? на кой нож?* или *кой кляп? кой нож, кой усов! какое колбты?* «зачем, на кой черт?, какого черта, чего еще?» (Словарь русских народных говоров) основаны на мифологических наименованиях подобного рода. Это — тоже эвфемистические обозначения черта. Они, однако, так и не получили такой известности, как оборот *какого рожна?*

И это вполне понятно. Большинство русских диалектных фразеологизмов, связанных с обозначением мифологических персонажей, устаревали параллельно с забвением соответствующих суеверных представлений. Оборот же со словом *рожон* «черт» в этом отношении оказался счастливым исключением, ибо благодаря омонимии с *рожон* «заостренный кол» он подвергся «материалистическому» переосмыслению — и «зарядился» тем самым новой образностью. Широкая известность слова *рожон*, его яркая экспрессивность и двуплановость обеспечили долгожителство и популярность выражений с этим словом не только в живой речи, но и в русском литературном языке.

Ленинград

От дроби к минутам и секундам

Т. А. Лисицына,
кандидат филологических наук

История измерения времени свидетельствует, что вплоть до XVIII века в России использовались системы часосчисления без применения минут и секунд. Широкое хождение в древней и средневековой Руси получили системы измерения времени, в основе которых лежало дробление часа на части, которые так и назывались *дробными часами* или просто *дробями*. Самым ранним разделением времени внутри часа было выделение получаса: получасовые отметки на циферблате башенных и настенных часов отмечались звездами, размещавшимися между указателями часов. С конца XVI века в России получают распространение часы боевые «с получасьем и перечасьем», то есть отмечающие специальным звоном не только половинные, но и четвертные доли часа. Кроме получасья и четвертей в быту использовались «полтрети часа», которые в нашем представлении соответствуют десяти минутам, — иначе они назывались *десятинами*. Как видим, минуты и секунды в системе измерения времени на Руси вплоть до середины XVII века отсутствовали. Не было их и в европейских системах измерения времени.

Впервые система часосчисления, включающая минуты и секунды, получает распространение в хронометрии с изобретением маятниковых часов, построенных в 1657 году голландским физиком Х. Гюйгенсом. С этого времени шестидесятеричная система,

впервые система часосчисления, включающая минуты и секунды, получает распространение в хронометрии с изобретением маятниковых часов, построенных в 1657 году голландским физиком Х. Гюйгенсом. С этого времени шестидесятеричная система,

используемая с давних времен в астрономии для измерения угла и окружности, переносится в хронометрию.

Минуты и секунды вошли в нашу жизнь сравнительно недавно: произошло это в начале XVIII века, тогда же установлена продолжительность часа в 60 минут и 3600 секунд. Этим новшеством Россия обязана Петру I. Знаменательным для судеб страны преобразованием был переход на новый европейский стиль летоисчисления: впервые в 1700 году Россия праздновала начало нового года не 1 сентября, а 1 января. Одновременно совершается часовое дело: появляются первые маятниковые часы, которые заказывает Петр I в Голландии. Так входит в русский быт шестидесятеричная система часосчисления, с этого времени слова *минута* и *секунда* начинают обозначать в русском языке части часа.

Сведения о новых делениях часа появляются в русских книгах на рубеже XVII—XVIII вв.: новые, непривычные термины активно разъясняются, авторы и переводчики подбирают к ним синонимы из числа известных в русском языке слов. Так, в приложении к первой русской звездной карте сообщается, что «всяк час делится на 60 частей умаленых и разделных зовомых латинских минут» (Поверстание кругов небесных). Приводя новый термин в своем «Букваре» (1701), Ф. Поликарпов пытается найти ему русские соответствия: «Минута, частица, умаленая частка, меньшая часть, умаление... Во всяком часе пишется и считается минут шестьдесят», а в «Лексиконе трехязычном» он уже приводит в качестве параллелей слову *минута* русск. *дробь* и греч. *лепта*.

Прежде чем войти в широкое и активное употребление, новым заимствованиям предстояло пройти непростой путь освоения русской лексической системой. Началось использование заимствований в языке научных книг Петровского времени. В них *минута* и *секунда* как обозначения долей часа употребляются широко и свободно, но облик их не вполне обычен: сохраняют еще привычные связи, свойственные им в языке-источнике (латыни). В переводе с латинского *минута* означает букв. «уменьшенная, дробная» часть чего-то большого.

В начале XVIII века в русском языке оказывается несколько конкурирующих названий для $1/60$ доли часа: *дробь* (русск.), *лепта* (греч.), *скрупул* (лат.), *минута* (лат.); у слова *секунда* в это время тоже есть дублер — *фракция* (лат.). Вся первая треть века проходит под знаком выбора терминов. Стабилизация обозначений, приобретение ими современного облика происходит к концу первой трети XVIII века. В немалой степени этому способствовали научно-популярные издания Петровского времени, среди которых

надо особо отметить календари. Издание ежегодных календарей при Петре I становится доброй традицией. Разделы «О времени года», «О затмениях», «О Луне» изобилуют словами *минута* и *секунда*, даже новолуния и полнолуния предсказываются теперь с точностью до минут и секунд.

Закреплению слов *минута* и *секунда* в активном русском словаре способствовала, как видим, не только большая практическая значимость обозначаемых ими понятий, но прежде всего — активное развитие часового дела в России в эту пору. В «век чудесностей, ума, изобретений», как скажет о XVIII столетии поэт этого времени И. Дмитриев, искусство изготовления часов в России достигло своей вершины: появляются известные русские мастера-часовщики, строятся казенные фабрики настенных и карманных часов. Распространяются часы индивидуального пользования (в 1760 г. у них появляется секундная стрелка), не редкостью становятся часы у провинциального дворянства и зажиточного купечества, приобретают часы купцы и обыватели среднего достатка. В этих условиях новая система измерения времени и соответствующие ей обозначения все больше переходят из сферы специально-научной в общее употребление.

Активные смысловые преобразования слов *минута* и *секунда* начинаются во второй половине XVIII века. Они все чаще встречаются в языке художественной литературы. Восприятие человека как части природы, вечно изменяющейся во времени, соотношение человеческой жизни с жизнью и процессами природы, пристальное внимание к каждому мигу бытия обусловили широкое и во многом специфическое употребление временной лексики в поэзии русского сентиментализма. Слова *час*, *минута*, *секунда* оказываются в центре художественно-образной системы сентиментализма. Оказавшись в новых условиях функционирования, *минута* и *секунда* вступают в новые, весьма необычные для терминов отношения с другими словами: так появляются *минута радости*, *ужасная минута*, *секунда легкомыслия*, *минута живой симпатии*, *драгоценная секунда*, *горестная минута* и т. п. Обогащение сочетаемости знаменует важное изменение в содержании слов: *минута* и *секунда* обозначают теперь не только определенные доли часа (и строго при этом различаются), но и «неопределенно малый отрезок времени» (и уже выступают как синонимы!). Эти важные перемены в значении слов-терминов в недрах XVIII века отмечает авторитетный «Словарь Академии Российской» 1789—1794 гг. Формирование нового значения, расширение границ употребления становится базой для развития синонимических отношений; в одном ряду обозначений кратчайшего отрезка времени ока-

зываются *минута*, *секунда*, *миг*, *мгновение*. Новые отношения закрепляются в языке XIX века. В этот же период происходит распространение устойчивых сочетаний со словами *минута* и *секунда*, оформившихся в последней трети XVIII века: *минута в минуту*, *секунда в секунду* «точно в установленное время»; *на минуту*, *на секунду* «на очень короткое время»; *сию минуту*, *сию секунду* «сейчас, в настоящий момент»; *с минуты на минуту*, *с секунды на секунду* «в самое ближайшее время». Развитие широкой фразеологии, а еще раньше — образование соотносительных прилагательных *минутный* и *секундный* — неоспоримо свидетельствуют о закреплении европейских заимствований в русском языке.

Насколько же активно мы пользуемся этими словами в нашем каждодневном общении? Внимательно присмотревшись к принятым в языке обозначениям времени, можно заметить, что чрезвычайно ценя минуты и даже секунды в нашей деловой жизни, мы тем не менее вполне обходимся без соответствующих слов при обозначении времени: «Сейчас без пяти двенадцать», «Уже двадцать два десять» и под. И лишь в официальном стиле речи не обойтись без слов *час* и *минута*, именно такие формулы времени мы слышим ежедневно по радио и телевидению: «Московское время восемь часов пятнадцать минут». Пользование секундой как мерой времени в обыденной жизни весьма ограничено. Пожалуй, гораздо чаще мы прибегаем к многочисленным устойчивым сочетаниям со словами *минута* и *секунда*, потому что они помогают точно обрисовать любую ситуацию во времени. Среди них, кроме приведенных нами выше выражений, сочетания *в минуту* «очень быстро», *как одна минута* «очень быстро и незаметно», *без пяти минут* «почти, очень скоро», *минутами* «иногда», *в первую минуту* «сначала». Выражая просьбу подождать, мы восклицаем: «Минутку! Минуточку!», «Секундочку!»

Кривой Роз

ЗА ЗНАКОМОЙ СТРОКОЙ

«...Гадатель,
толкователь снов»

М. Г. Искрин

После того, как Татьяне Лариной приснился страшный сон, она, рассказывается в романе Пушкина «Евгений Онегин»,

В постели с книгою лежит,
За листом лист перебирая...

То был, друзья, Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье...

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавлении кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит...

Она пытается, видимо, бесполезно, отыскать значение своего сна в соннике. Однако книга, которую имеет в виду Пушкин и которая лежала, по свидетельству современника, на его столе, не была, строго говоря, сонником. Вдобавок, Мартын Задека, отмеченный на ее титульном листе, не имел непосредственного отношения к разгадыванию снов.

Вот длинное заглавие, раскрывающее содержание книги: «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартына Задека... с присовокуплением Волшебного Зеркала, или толкование снов: также правил Физиогномии и Хиромантии... с прибавлением Фокус-Покус и забавных Загадок и Отгадок». Это — третье издание, первое и второе вышли в 1800 и 1812 годах.

С именем *Задека* по сути дела связаны лишь помещенные в «Оракуле» «...предсказания любопытнейших в Европе происшествий...»

Рецензент отдельного издания четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (1828) Б. Федоров счел нужным заметить в своем журнале «Санктпетербургский зритель»: «Автор назвал его (Задеку.— *М. И.*) гадателем и толкователем снов. А Мартын Задека был швейцарский старик, который, умирая, оставил весьма известное политическое пророчество и никогда не сочинял сонника».

Выпуская роман целиком (1833), Пушкин снабдил его множеством примечаний. Одно из них, 33-е, уточняло, в ответ на укоризну рецензента: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров».

Этому примечанию пушкинисты не придали значения. Н. Л. Бродский в основательном комментарии «„Евгений Онегин“, роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя средней школы», выдержавшем несколько изданий, поместил фотографию титульного листа и дал к ней подпись: «Титульный лист „Гадательного оракула Мартына Задека (выделено мной.— *М. И.*) 1821 г.»». А. Гессен на страницах книги «Все волновало нежный ум...» (М., 1965), посвященной Пушкину-читателю, всерьез сообщает: «Мартын Задека издал в Петербурге в 1821 году «Толкователь снов», объемом в 256 страниц, с очень сложным и любопытным названием...». Автор предложил читателю снимок обложки с заглавием: «Новейший полный сонник», а также снимок титульного листа: «Толкование сновидений известного старца *Мартына Задеки*» (М., 1871) [выделено мной.— *М. И.*], выходящие за рамки пушкинского времени и не имеющие к «Евгению Онегину» никакого отношения.

Предшественник Бродского и Гессена А. Вольский был внимательней. Во втором выпуске своего комментария под названием «Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина „Евгений Онегин“» (М., 1877) он после слов *Мартын Задека* привел пушкинское примечание. Не знал, кто «гадатель», и счел нужным поставить точку.

Современный пушкинист Ю. М. Лотман не ограничился цитированием пушкинского примечания. Пояснил: «Примечание представляет собой полемический ответ на нападки рептильного литератора Б. Федорова...» (Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980).

Однако Б. Федоров, как мы видели, был прав, и Пушкин с ним согласился.

Ссылаясь на четырехтомный нью-йоркский комментарий к «Евгению Онегину», Ю. М. Лотман продолжает: «*Мартын (Мартин) Задека* — вымышленное лицо, якобы жившее в XI в. и являющееся после смерти с загробными пророчествами (см.: Набоков, 2, 514—516). Приписываемая ему книга, — видимо, перевод с немецкого: „Древний и новый всегдашний гадательный оракул...“ И далее: «Сочинения Мартына Задеки воспринимались в кругу образованных современников П. как курьез, однако были известны».

Итак, Задека — «вымышленное лицо», которому приписывали «перевод с немецкого» (то есть «Оракул») и «сочинения» которого знали. Курьезные сведения, вызывающие недоумение. Каким образом «вымышленное лицо» могло иметь реальные «сочинения»? Почему русская книга названа «перевод с немецкого»?

«Оракул» — сборник разнообразных материалов, составлен, как отмечается в гонорарной ведомости московского издательства Решетникова, купцом Семеном Ивановичем Комисаровым, который и раньше был привержен к изданию книг (Социков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. IV. СПб., 1905).

А часть «Оракула», — «Любопытное предсказание шестилетнего славного швейцарского старика Мартина Задека друзьям его», — не что иное, как действительно перевод с немецкого. Это — текст брошюры «Примечания достойное предсказание славного Мартына Задека, которое он на сто шестом году от рождения, в Швейцарии при Золотурне, приятелям своим открыл 20 декабря 1769 года» (СПб., 1770).

Брошюра рассказывала о предсказателе, одиноко прожившем тридцать лет в Альпах. Перед смертью он предсказал прибывшим к нему друзьям события, коим «весь свет с ужасом удивляться станет». Предрекал голод в Германии и Швейцарии. Давал прогноз погоды в Европе и предрекал: «Америка от землетрясения погибнет». Угрожал приближением страшного суда, обещал воскреснуть «при конце света». Главное же, — убеждал в близком падении Турецкой империи.

Сперва (в конце войны России с Турцией 1769—1770 гг.) издатели публиковали «Предсказание» 1770 года и присоединяли к нему различные материалы, все чаще сливая его с «оракулами», сонниками, загадками и ответами на них. Затем (после окончания войны) отбросили утерявшие злободневность предсказания и присвоили загадочное популярное имя *Мартын Задека* своей низкопробной продукции, благо она находила сбыт: «Толкование сновидений шестилетнего старца Мартына Задеки. Издание 12-е» (!) [М., 1897] или «Толкование сновидений известного старца Мартына Задеки» (М., 1914).

Вернемся к нашим поискам. На титульном листе брошюры напечатано: «с немецкого на российский перевел К: Н:».

Вероятнее всего, это Курганов Николай – просветитель XVIII века. Майор, кавалер орденов, создатель знаменитого в свое время «Письмовника», профессор «маѳематических и навигацких» наук, автор учебников, переводчик, преподаватель Морского шляхетского кадетского корпуса. Именно из типографии этого учреждения вышли его книги и «Предсказание» Задеки (!).

Библиограф Г. Геннади в «Справочном словаре о русских писателях, умерших в XVIII и XIX столетиях...» подтверждает, что «Предсказание» Мартына Задеки – «перевод, появившийся в год издания подлинника...»

Итак, оставалось разыскать пемецкий оригинал.

После тщетных поисков в библиотеках Москвы, Ленинграда и ГДР брошюра была обнаружена в Открытой библиотеке университета г. Базеля. Директор теологического отдела д-р Х. Хагманн любезно прислал ксерокопию текста. О Мартыне Задеке он нигде, но его словам, ничего не нашел.

Да и мудроно найти! Ведь швейцарский старец – это, видимо, литературный персонаж повести «Задиг, или Судьба» (1748) Вольтера, разоблачающей религиозный дурман, метафизику и ложную мудрость. Ее герой, молодой человек Задиг, набираясь в странствиях житейского опыта, встречается с неким отшельником, читающим книгу судеб. Сей провидец, вероятно, и перешел под именем любознательного юноши в немецкую брошюру. Ведь Задиг (Zadig) и Задек (Zadec), близкие своим написанием, означают по-древнееврейски одно и то же: «праведник». «Русское» имя *Мартын Задека* – калька с немецкого.

Автор немецкой брошюры заимствовал не только имя литературного героя. Он подал текст в виде записи рассказа некоего мудреца, пользуясь, опять-таки, приемом Вольтера. Тот представил свою повесть как «перевод книги одного древнего мудреца». Даже тема брошюры – неминуемая гибель Турецкой империи, почерпнутая, конечно, из политической и военной действительности того времени, в какой-то мере связана с повестью «Задиг, или Судьба». Ведь повесть посвящена султанше, в предисловии упоминается султан. У Вольтера Турция – всего лишь иносказание, намекающее на Францию. В брошюре – реальная страна.

Вероятно, автор брошюры, напечатанной в Швейцарии, превратил вольтеровского отшельника в швейцарского пустынноика отчасти потому, что повесть «Задиг, или Судьба» была переиздана в Женеве (1757), и как раз в это время и позже великий французский писатель жил в Швейцарии.

Кто же автор загадочной брошюры? Его имени нет в литературных справочниках. К счастью, старый русский беллетрист А. Ф. Вельтман называет его имя в предисловии к своей фантастической повести «МММСДХLVIII. Рукопись Мартына Задека. В 3-х книгах» (М., 1833). Будучи в Яссах, рассказывает Вельтман, он «приучил» к себе «забавного швейцарца» — странствующего пирожника. Писатель спросил «про известного всем столетнего швейцарского предсказателя Мартына Задека». Пирожник встрепетнулся. «Мартын Цадэк? — вскричал он. — Ах, мой господин, да это мой предок!..»

Баснословная встреча Вельтмана с потомком старца в турецком городе не оставляет сомнений в том, что старец — мифическая фигура. Так подготавливается важное для нас сообщение. Славную историю, хранящуюся в швейцарском городке Золотурне, административном центре одноименного кантона, точнее, рукопись Мартына Цадэка, сообщил пирожник, «писал Эрнст Родер». Видимо, Родер и есть автор ставшей широко известной в России безымянной брошюры.

Остается сказать, что Мартын Задека не забыт благодаря роману «Евгений Онегин». Это имя — не только выразительная художественная деталь, но и отзвук давних исторических событий, старых немецко-русских публицистических связей и французской литературной традиции.

«Автомедоны наши бойки...»

Т. В. Горячева

«А. С. Пушкин бойких возниц называет *автомедонами* («Евгений Онегин», глава седьмая, строфа XXXV). В Мифах народов мира (т. 1, М., «Советская энциклопедия», 1980 г., с. 32) возница Ахилла носит имя *Автомедонт*. Почему Пушкин опустил букву «т» и допустимо ли современных искусных шоферов называть *автомедонами* (*автомедонтами*)?»

Андрей Дворягин, Москва

Действительно, в описании переезда Лариных в Москву у Пушкина есть строки:

Автомедоны наши бойки,
 Неутомимы наши тройки.
 И версты, теща праздный взор,
 В глазах мелькают как забор.

В этой же форме имя Автомедон употребляет и Жуковский при переводе «Илиады»:

Автомедон и Алким на коней возложили поспешно
 Светлую сбрую и удила силой втеснили им в зубы.
 Автомедон в колесницу с блестящим
 Прянул бичем.

У П. Боборыкина («Китай-город») читаем: «*Restauratio est mater studiorum!* — рассмеялся учитель. — Автомедон, пошел! — крикнул он извозчику» (везшему его в ресторан).

Ошибались ли Пушкин, Жуковский, Боборыкин, употреблявшие имя возницы Ахилла в форме *Автомедон*, а не *Автомедонт*?

Нет, ошибки здесь нет. В русском языке могли сосуществовать обе формы. *Автомедонт* (с *t* на конце) больше соответствует русской традиции передачи заимствованных греческих имен — в ней сохранена основа греческого имени *Automedon*, окончивавшаяся на согласный *t*. Этот согласный у существительных с основой на *-ont* (склоняющихся по 3-му склонению) в именительном падеже утрачивался, сохраняясь, однако, в косвенных падежах; так, именительный — *Automedōn*, родительный же падеж — *Automedontos*. Сравните, например, греческое слово с той же основой *arhōn*, *-ontos* «властитель, начальник». А вот пример сосуществования в русском языке двух форм одного и того же греческого имени *Леонт* и *Леон*, из греческого *leōn*, *-ontos* «лев», которое тоже относится к основам на *-ont* и склоняется по третьему склонению. Так было и с другими греческими именами (с другими основами). Известно ведь, что в русском языке существуют две формы греческого *Egōs*, *-ōtos*, *Эрос* и *Эрот*.

Не исключается также возможность влияния французского языка, в котором представлена форма *Autoῖédon*, сохраняющая форму именительного падежа этого имени в греческом языке. Интересно, что это имя во французском языке стало нарицательным: *automédon* — шутивно «искусный возница». Можно ли назвать так искусного водителя? Наверное, можно — не забывая про шуточный оттенок.

Имя числительное

Н. А. Каламова,
доцент Московского университета

Имя числительное — это часть речи, объединяющая названия отвлеченных чисел или определенного количества предметов. Упогребленные самостоятельно, они могут быть выражены в целых или дробных числах (*три, три пятых* и $3, \frac{3}{5}$), а вместе с существительными являются или точным определением множества предметов (*четыре самолета*) или указанием части целого (*четыре пятых самолета* было занято пассажирами).

Все числительные делятся на три разряда: количественные, собирательные и дробные.

Количественные числительные всегда указывают на определенное количество предметов и выступают в качестве определителя существительных, с которыми употребляются. Этот разряд числительных имеет морфологические, синтаксические и словообразовательные особенности.

Морфологически большинство из них характеризуется отсутствием рода и числа. Только *один (одна, одно), два (две), полтора (полторы)* изменяются по родам; *тысяча, миллион, миллиард* также имеют определенный род. *Два (две)* и *полтора (полторы)* различаются по родам в формах именительного и винительного падежей, сочетаясь с неодушевленными существительными (*два карандаша, два пера, две тетради; полтора дня, полтора яблока, полторы недели*), а с одушевленными — в именительном (*два студента, два официальных лица, две девушки*). В остальных падежах родовые различия стираются: *двух карандашей (перьев, тетрадей); двух студентов (официальных лиц, девушек); двум карандашам (перьям, тетрадам); двум студентам (официальным лицам, девушкам)* и т. д.

Сейчас определение-прилагательное, входящее в состав количественно-именных сочетаний с *два, три, четыре* при существи-

тельных мужского и среднего рода дается в род. пад. множ. числа: два *красивых* фужера; три *способных* студента; четыре *полных* ведра; два *милых* лица. Со словами *последний, первый, второй, каждый* они употребляются в им.-вин.: *последние* три месяца; через *каждые* три-четыре шага. При существительных женского рода прилагательное может стоять и в им.-вин. и в родит. множ.: две *молодые* девушки; три *большие* комнаты; две *каменных* ступени; три *красивых* женщины. Родит. падеж прилагательного становится все более распространенным. В сочетаниях с предлогом *по* такое употребление более правильно: *по две общих тетради*.

Числительное *одни* употребляется с конкретными существительными, имеющими только множественное число: *сани, очки, ворота, сутки* и др. В других случаях слово *одни* выступает не как числительное. В устной речи в сочетании с существительными, обозначающими парные предметы (*носки, чулки, перчатки*), оно выступает в значениях «пара»: «У меня *одни перчатки*», а также ограничительной частицы «только», «лишь»: «На столе лежат *одни книги и тетради*».

Кроме того, *один — одни* могут быть в значении неопределенного местоимения «кто-то», «какой-то»: «*Одни* приходят, другие уходят»; или «тот же самый»: «Мы учились в *одном* вузе».

Числительные *тысяча, миллион, миллиард* бывают и существительными, что объясняется их происхождением из последних: «*Пять тысяч* [числит.] студентов уехали на уборку картофеля» и «*Тысячи* [суц.] уходят на ремонт старых зданий» — «тысячи рублей».

Синтаксически количественные числительные могут сочетаться только с существительными. При этом *один, одна, одно* согласуются с ними и образуют два члена предложения: *один студент, одного студента; одна комсомолка, одной комсомолки. Тысяча, миллион, миллиард* составляют неразложимое целое с существительным родительного множественного, вместе с ним являясь одним членом предложения.

Остальные числительные в им.-вин. пад. выполняют роль определяемого при существительном род. пад. и образуют с ним также один член предложения: *три тетради, десять карандашей*. А в косвенных падежах — определяющего, образуя два члена предложения: род. *трех тетрадью*, твор. *тремя тетрадями* и т. д. Количественные числительные не могут иметь при себе качественных определителей (прилагательных). Нельзя сказать: *смелое три, большое пять*.

С точки зрения словообразовательной количественные числительные отличаются от всех других частей речи. Их корнеслов

ограничен шестнадцатью непроезводными основами (*один, полтора, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок, сто, тысяча, миллион, миллиард*), от которых образуются производные (*триста, девяносто, пятнадцать* и т. д.) и составные числительные (*двадцать четыре, пятьсот шестьдесят два* и пр.). И только составные числительные представляют продуктивную группу в словообразовательном отношении, остальные количественно не пополняются.

Собирательные числительные объединяют девять слов, обозначающих совокупность предметов: *двое, трое* от *два, три* с суффиксом *-ој* (*е*): *четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* — от *четыре, пять* и т. д. с суффиксом *-ер* (*о*). Они не имеют рода и числа; в им. пад. с существительными образуют неразложимый член предложения: *двое друзей*.

Собирательные числительные употребляются с ограниченным кругом существительных: а) имеющими только множ. число (*двое, трое, четверо суток, саней, носилок*); б) со словами *дети, ребята, люди* (*четверо детей, трое ребят*); в) с личными местоимениями (*нас было трое*); г) со словами общего рода (*пятеро сирот*); д) в разговорной речи с парными существительными (*двое перчаток, трое носков*); е) в сочетаниях с субстантивированными прилагательными со значением лица (*трое дневальных, пятеро военных, двое знакомых*).

В разговорной речи в качестве вариантов формы к количественным числительным употребляются собирательные: с существительными, обозначающими лиц мужского пола (*четверо учеников — четыре ученика, семеро товарищей — семь товарищей*) и называющими детенышей животных (*трое козлят — три козленка, двое медвежат — два медвежонка*); начиная с *пятеро*, с неодушевленными существительными, имеющими только множ. число (*пятеро носилок — пять носилок, семеро суток — семь суток*).

Склоняются собирательные числительные как прилагательные во множ. числе: *двое, трое* — по образцу мягкой основы (*синих — двоих, троих*); *четверо, пятеро* и др. — твердой основы (*красивых — четверых, семерых*). При одушевленных существительных, обозначающих лиц мужского пола, и при существительных общего рода в косвенных падежах собирательные числительные употребляются наравне с количественными (*двоих товарищей — двух товарищей, двоим товарищам — двум товарищам*). Формы с собирательными числительными характерны для разговорной речи, с количественными — для нейтрального стиля.

Нужно отметить, что в современном русском литературном языке в косвенных падежах при существительных, употребляемых

только во множественном числе, правильным является использование количественных числительных (двое суток — *двух суток, двум суткам* и т. д.), особенно это относится к формам начиная с *пятеро*.

Дробные числительные употребляются не только при существительных, обозначающих предметы, но и при вещественных и собирательных: *одна вторая яблока, одна седьмая творога, две третьих студенчества*. В сочетаниях с существительными, имеющими только множ. число (*сани, носилки*), их значение неопределенно: *две пятых сажень* (одних или всех). С конкретными существительными в един. или во множ. числе (*две третьих комнаты; две пятых села составляет молодежь*) указывается часть от целого; или: *две пятых сел выполнили хлебозаготовки досрочно; две третьих комнат общежития* — определенная часть от совокупности однородных предметов. По своей структуре дробные числительные являются составными. Они представляют собой сочетание количественного числительного и так называемого порядкового числительного в женском роде: *три пятых выпускников, одна десятая учеников* (слова *пятых, десятая* здесь не имеют никакого оттенка порядковости, а обозначают лишь пятую, десятую и т. д. часть какого-либо целого).

По традиции в разряд числительных в школьной, а также многих вузовских грамматиках включаются такие слова, как *первый, второй, третий, ... сотый* и т. д., получившие название *порядковых*. К этому разряду позволяют относить их только числовая семантика и производность от количественных числительных, хотя и не всех (*третий, четвертый* образованы от существительных *треть* и *четверть*). Однако мы знаем, что только смысловой и словообразовательной связи недостаточно для отнесения каких-то слов к определенной части речи. Необходимо еще обязательно учитывать их морфологические и синтаксические свойства. Ведь мы не можем назвать числительными такие слова, как *двойка, пятерка, шестерня; двойной, тройной; надвое, втрое; удвоить, утроить* и др. Это соответственно существительные, прилагательные, наречия, глаголы, хотя они имеют значение числа и образованы от числительных.

Такие слова имеют гораздо больше сходства с относительными прилагательными. А именно: а) та же система склонения (*третий* склоняется как *волчий* с суффиксом *-й*, а остальные — как слова с твердой основой: *пятый — золотой*); б) имеют формы рода и числа существительного, к которому они относятся (*первый дом* — муж. род., ед. число); в) выступая в роли определения, согласуются с существительными в роде, числе и падеже (*седьмая дверь, седьмой двери; пятый этаж, пятого этажа; второе окно, второго*

окна и т. д.); г) некоторые из этих слов имеют непроезводную основу (*пят-ый, восьм-ой, сот-ый*), остальные образуются с суффиксами *-ов-, -н-*, как и прилагательные (*сорок-ов-ой, тысяч-н-ый* и *луг-ов-ой, желез-н-ый*); все другие слова подобны суффиксальным и сложным прилагательным (*миллион-н-ый* и *трактор-н-ый, пятидесятый* и *пятикрылый, трехтысячный* и *трехтонный*); д) имеют такие же окончания, как обычные прилагательные; да и по значению они сходны с относительными прилагательными: выражают отношение к числу, то есть обозначают признак предмета.

К количественным числительным в некоторых учебниках относят также небольшую группу слов, выражающих неопределенное количество. Это слова, которые являются либо наречиями (*много, мало, немного, немало*), либо местоимениями (*столько, сколько, несколько*), либо существительными (*масса, уйма, капелька, бездна, пропасть, чуточка, тьма* и др.), но отнюдь не числительными, так как они лишены определенного количественного значения, не входят в систему чисел, а указывают на большое или малое количество. Эти слова характеризуются рядом грамматических особенностей, свойственных названным частям речи.

Абитуриенты, поступающие на гуманитарные факультеты, должны знать о числительных, их разрядах и лексико-грамматических характеристиках более подробно, чем это дано в школьных учебниках. Сведения, которые они получают из этой статьи, помогут им подготовиться к предстоящему вступительному экзамену по русскому языку.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В сложных названиях со словом „дом“ как пишется это слово — со строчной или с прописной буквы?»

В. Григорьева, Киров

В справочнике «Прописная или строчная?» (М., «Русский язык», 1984) даны следующие рекомендации: строчная буква в сложных названиях со словом *дом* употребляется лишь в словосочетаниях «дом-интернат для инвалидов и престарелых» и «дом отдыха». Во всех же остальных случаях слово *дом* пишется с прописной: *Дом культуры, Дом обуви, Дом книги, Дом офицеров, Дом быта, Дом охотника и рыбака, Дом журналиста, Дом ребенка, Дом связи* и т. д.

■

Как правильно говорить: *туфель* или *туфля*?»

В. Д. Федоров, Истринский р-н, Московской обл.

Правильно — *туфля*. Это существительное женского рода.

Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский университет

(1988 г.)

Филологический факультет

1. Приемы раскрытия психологии героев в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».
2. Трудовой героизм в поэмах Н. А. Некрасова.
3. Трагическое и героическое в произведениях А. А. Фадеева и Н. А. Островского.

Факультет журналистики

1. Характер основного конфликта в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
2. Своеобразие сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале сказок).
3. Путь А. Блока-лирика к революции.

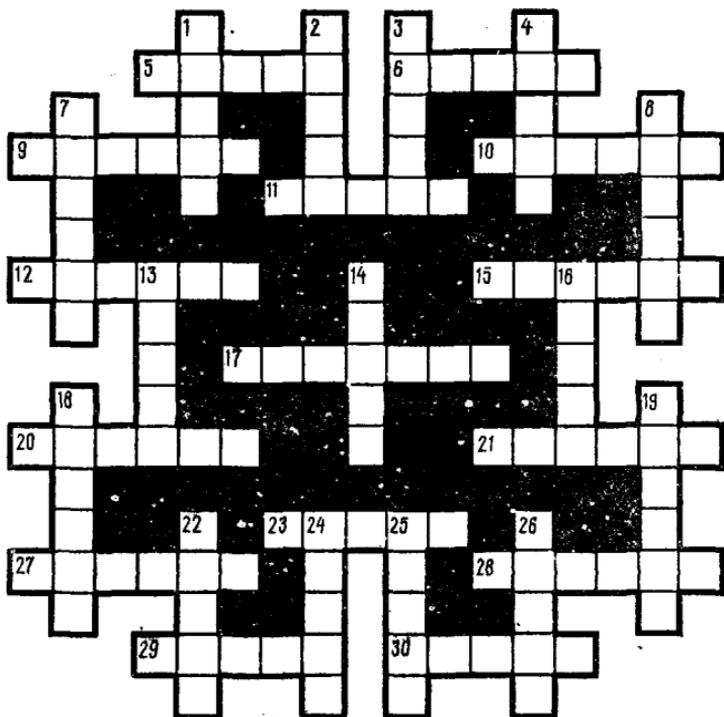
Юридический факультет

1. Бородинская битва в произведениях М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого.
2. Сюжет и композиция поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».
3. Коммунисты в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».

Институт стран Азии и Африки (ИСАА)

1. В. Г. Белинский о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
  2. Идея Родиона Раскольникова и ее крушение (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»).
  3. Образы вождя, партии и народа в поэме В. В. Маяковского «В. И. Ленин».
-

КРОССВОРД

КРОССВОРД «Ф. М. Достоевский. БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

По горизонтали: 5. Устар. Содержательница модного магазина, обычно иностранка. 6. Любимое время года Вареньки. 9. Хаос, неразбериха. 10. Как называл Девушкин часть помещения, в котором проживал? 11. *Перен.* что-либо позорящее, порочащее, что снял со своей чести «бедный Горшков»? 12. Точильный камень. 15. Как ласково называл главный герой Вареньку? 17. Кличка, данная соседями Девушкину. 20. Обувь, которая была необходима герою «для поддержания чести и доброго имени». 21. Писатель, чьи повести дала почитать Девушкину Варенька. 23. Здание для представлений, в которое мечтали сходить герои. 27. Библейское имя одного из персонажей «Повестей Белкина». 28. Повесть Н. В. Гоголя, посланная Варенькой Девушкину. 29. Автор «Илиады» и «Одиссеи». 30. Фамилия героя из повести Пушкина, употребляемая

Девушкиным как нарицательная. По вертикали: 1. Имя главного героя. 2. Приятель Девушкина. 3. Литературный жанр «Бедных людей». 4. Что часто получала Варенька от студента Покровского? 7. Кто помогал героям сводить концы с концами? 10. Что нечаянно разлил Девушкин, прийдя к ростовщику? 13. Шерстяная или полушерстяная плотная ткань с гладким ворсом. 14. Знак отличия, к которому начальство хотело представить Девушкина. 16. Сибирская река, упоминаемая в романе. 18. Что потребовал ростовщик от нашего героя? 19. Форменное пальто Девушкина. 22. Беспорядок, шум, суматоха. Как Девушкин называет обстановку в доме, где проживает? 24. Охотник-профессионал. 25. Небольшое растение. 26. Очень бедный, нищий человек, к таким людям герой приближает и себя.

Лениниана, Пушкиниана

В Институт русского языка АН СССР пришло письмо от председателя Совета ветеранов войны и труда НПО «Тюменгазтехнология» С. М. Гаряева. Он спрашивает, когда возникло слово *Лениниана* и почему вообще нужны такие слова, как *Шопениана*, *Пушкиниана*, *Моцартиана*.

Журнал «Русская речь» уже обращался к данной теме (см.: заметку В. С. Филиппова «Руставелиана» — 1967, № 1), но вопрос автора письма потребовал привлечения новых источников и материалов.

В современном русском языке суффикс *-иан(а)* служит для образования существительных, в основе которых содержатся имена собственные, преимущественно фамилии. Этот суффикс — интернациональный, латинского происхождения. В. С. Филиппов отметил, что впервые в русском языке применительно к писателю он был использован для слова *Тютчевиана*: так было названо приложение к книге Ф. И. Тютчева (1913) — стихи, воспоминания друзей поэта.

Слова с суффиксами *-иан(а)* и *-овиан(а)* употребляются в трех значениях: 1) произведения литературы и искусства, посвященные кому-нибудь; 2) издания произведений, а также публикация документов, связанных с жизнью и деятельностью какого-либо лица (эти два значения имеют слова *Лениниана*, *Пушкиниана*, *Шекспириана*); 3) музыкальное сочинение в честь какого-либо композитора или по мотивам его произведений: *Шопениана*, *Штраусиана*, *Моцартиана*, *Скрябиниана*, *Бетховениана*, *Бахиана*, *Чайковиана* и др.

Все слова с суффиксом *-иан(а)* принадлежат книжной речи и, как правило, не имеют широкого распространения. В словари русского языка вошли только два наиболее известных из них. Так, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова включил *Лениниана*: «Серия произведений литературы и искусства, посвященных В. И. Ленину»; 17-томный Словарь — *Пушкиниана*: «Литература, посвященная А. С. Пушкину, и совокупность его сочинений».

В словах типа *Лениниана*, *Пушкиниана*, *Моцартиана* заключено признание заслуг исторического лица в общественной деятельности, литературе, музыке, науке. Поэтому такие слова не появлялись при жизни человека, который носит это имя. Должно пройти какое-то время, чтобы литература и произведения искусства, посвященные писателю, композитору, ученому, осознались как целое и были названы единым именем. Иногда (как это было с И.-С. Бахом) проходит длительный период до его признания.

Слово *Лениниана* возникло после смерти В. И. Ленина как свидетельство того, что современники оценили величие его дела в истории человечества. По данным Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, впервые это слово было употреблено в 1926 году для названия литературы о В. И. Ленине. Институт Ленина издал библиографию работ о Ленине и ленинизме: *Лениниана*. Т. I. Библиографический обзор русской литературы за 1924 г. (М.—Л., 1926). В русском языке слово *Лениниана* получило широкое распространение. В современном употреблении оно встречается в разных сочетаниях со словами, обозначающими какой-либо вид искусства: *сценическая Лениниана* (о спектаклях, посвященных ленинской теме), *кинематографическая Лениниана* (о кинофильмах), *скульптурная Лениниана* (о скульптуре).

Т. Ф. Иванова,
кандидат филологических наук

После того, как в № 4 за прошлый год в разделе «Читатель спрашивает» был помещен ответ на вопрос о слове *фломастер*, редакция получила несколько писем от читателей — преподавателей английского языка и переводчиков. Они высказали несогласие с данными о происхождении этого слова, приведенными в последнем издании Словаря иностранных слов. Одно из писем, выражающее общее мнение, мы публикуем. Его автор, В. Г. Михалковский, по профессии переводчик, живет и работает в Иркутске.

Как появился фломастер

На вопрос о правильном написании слова «фломастер» редакция дает приемлемый ответ. Что же касается этимологии... К сожалению, в последнем издании Словаря иностранных слов о фломастере верно указано лишь то, что слово пришло из Англии. Но происхождение его якобы от английского *flowmaster* совершенно ошибочно. Такого слова в английском языке нет.

То, что мы называем «фломастером», — особый карандаш с фетровым стержнем, пропитанным красителем, — по-английски будет soft [felt] tip pen — софт [фелт] тип-пен. А откуда взялось в русском языке слово *фломастер*?

Оказывается, это всего лишь фирменное название, товарный знак, который придумали для нового типа карандашей в старейшей английской фирме «Винус Эстербрук», производящей письменные принадлежности. Придуманное название имеет вот такой вид: Flo-Master. Об этом можно прочесть в Лингвострановедческом словаре «Великобритания» (М., «Русский язык», 1980) и в Русско-английском политехническом словаре (Кузнецов Б. В. и др., М., «Русский язык», 1980). Это слово специально создано для рекламы. Между прочим, наша реклама тоже использует искусственно придуманные слова-названия: *чистоль*, *посудомой*, *самоблеск* и т. п.

Значит, слово *фломастер* заимствовано не из английского языка (для этого ему потребовалось бы сначала войти в его словарный состав), а из сферы фирменных названий. Словом, налицо очень интересное явление в языке, когда мы заимствуем фирменное название продукции для обозначения данной реалии вообще.

С лингвистической точки зрения фирменные названия относятся к специальной лексике: эти слова непонятны без точного знания, какие предметы ими названы.

Как они создаются? Об этом есть целые исследования. В 1986 году в издательстве «Наука» вышла книга Т. А. Соболевой и А. В. Суперанской «Товарные знаки». Вот что говорится там о принципах создания фирменных названий: «Написание товарных знаков нередко отличается от написания тех слов, от которых они образованы или с которыми могут быть предположительно сопоставлены. Преднамеренное изменение, искажение орфографии слов естественного языка относится к числу эффективных средств воздействия на клиента. Одни читатели будут возмущены «неправильным» написанием и поэтому быстро запомнят название рекламируемого товара, другие будут поражены необычностью, новизной товарного знака и также его быстро усвоят.

Нередко в языках с традиционной орфографией при написании товарных знаков обнаруживается стремление представить их в практической транскрипции. Тем самым рекламисты как бы исправляют сложности письма и приближают его к звучанию...»

Попытаюсь с этих позиций объяснить значение слова *фломастер* (Flo-Master). Master можно перевести здесь как «контролер, корректор». А что такое Flo?

Это могут быть написанные с орфографической ошибкой английские слова floor (пол, этаж, настил), flaw (ошибка, дефект,

изъян) и flow (поток). Первое сразу же отпадает по смыслу, а оставшиеся имеют в общем-то равные права, так как фломастер отличается превосходным потоком красящего вещества, а с другой стороны, с его помощью очень удобно исправлять ошибки.

Итак, значение фирменного названия «фломастер», заимствованного русским языком, — письменная принадлежность, специальный карандаш для правки, маркировки текста, устранения ошибок. Действительно, эти работы особенно удобно делать именно фломастером с его яркими, четкими линиями.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как-то на улице встретил знакомого. Он и говорит: „Вот, несу банки для консерваций“. А я подумал, что же тогда означает слово консервирование? Есть ли в них разница?»

Е. И. Микштин, г. Калининград

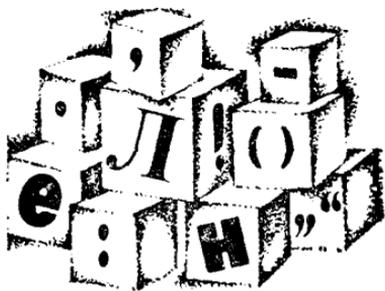
Слова консервирование и консервация различаются по значению, хотя оба обозначают действие к глаголу консервировать.

Итак, глагол консервировать имеет 3 значения:

- 1) превращать в консервы — консервировать овощи, рыбу, мясо;
- 2) предохранять от порчи или разрушения специальной обработкой, созданием специальных условий хранения — консервировать древесину, консервировать археологические находки;
- 3) временно приостанавливать ход, развитие, деятельность чего-либо — консервировать строительство, консервировать шахту и т. п.

Слово консервирование обозначает действие по этому глаголу в 1-м и 2-м значениях: консервирование мяса, овощей; консервирование древесины. Слово же консервация обозначает действие по 2-му и 3-му значениям: консервация дерева, консервация музейных экспонатов; консервация объекта.

Поэтому сказать «банки для консерваций» неправильно. Нужно говорить «для консервирования».

ИГРОТЕКА «Русской речи»

Какие игры со словами и в слова Вы знаете?

Одни начинались в детстве — помните? — с лукавого рефрена «черное-белое не покупать, „да“ и „нет“ не говорить...»: следи за своей речью, иначе распрощаешься с фантом!

Позже на смену им пришли кроссворды, шарады — это было уже серьезно, требовались сообразительность, эрудиция.

Игр «в слова» множество. Одни широко известны, всеми любимы, другие как-то не помнятся, о третьих многие вообще никогда не слышали. Конечно, это несправедливо. Наверное, излишне говорить, что словесные упражнения, веселые, требующие умения мыслить быстро, — отличная тренировка чувства языка, памяти, орфографических навыков.

Если кто-нибудь из читателей попробует придумать новую игру «в слова» — возможно, он сможет сыграть в нее со всеми остальными...

Представляем игру, которую предлагает наш читатель В. И. Фролов из Ленинграда. Фразеологическую автобиографию вы прочтете быстро. А сможете ли, так же свободно пользуясь фразеологизмами, написать свой связный рассказ? Попробуйте сыграть в эту игру в своей семье, предложите ее детям: чье «произведение» будет самым длинным и интересным?

Жизнь — крутые «обороты»

Шутки в сторону! Попробуем начать с Адама. Родился я в сорочке, под счастливой звездой. Еще не выйдя из пеленок, я уже часто выходил из себя и доводил родителей до белого каления. Они не опускали рук и не вешали носа, а гладили меня по го-

ловке и редко против шерсти. Они вынесли меня на своих плечах, вывели на широкую дорогу, ведущую в школу. Там я звезд с неба не хватал, но это потому, что не лез из кожи воп. Орешек я был крепкий и, хотя мухи не мог обидеть, палец себе в рот класть не позволял. Я был немножко не от мира сего и всегда называл вещи своими именами, а также частенько лез в бутылку. Я никогда не умел ходить по струнке, проглатывать язык и сглаживать острые углы и поэтому часто садился в лужу. Дружил я с открытым сердцем, а спал без задних ног. В школе у меня частенько вянули уши, так как учителя иногда толкли воду в ступе. Но вскоре я сел на своего конька, потому что нашел себя. С тех пор у меня хорошо подвешен язык. Однако после школы я погнался за двумя зайцами и попал пальцем в небо. Навострил лыжи не в ту степь.

Дорога в технический вуз была вымощена благими намерениями, но овчинка не стоила выделки. Поняв, что сел не в свои сани, я взялся за ум. Испив до дна чашу армейской службы, вложил душу в филологию. Вот тут я стал жить припеваючи, как сыр в масле кататься. Сидя на шее у родителей, я грыз гранит наук. Засучив рукава, я старался ничего не пропустить мимо ушей, и язык мой окончательно развязался. К счастью, там, куда я попал, ценились не те, кто нем как рыба, а те, кто за словом в карман не полезет. Я вошел в роль, оставалось только войти в историю. Все шло как по маслу.

И вот, среди шумного бала меня как обухом по голове ударило. Она вошла в мою жизнь, как гром с ясного неба. С тех пор я потерял голову, почва была выбита у меня из-под ног. Я начал гадать на кофейной гуще, витать в облаках, думал, как лучше открыть душу, чтобы не ударить лицом в грязь. Тем временем у меня не было ни кола ни двора. Родители поломали голову, нажали на все педали и, по щучьему велению, явилась кооперативная квартира. Теперь можно было своротить горы.

Я поставил вопрос ребром. Видимо, посмотрев на меня сквозь розовые очки, она сказала, что мы два сапога пара. С тех пор мы стали сводить концы с концами, чтобы не вылететь в трубу. Я снова взялся за ум и встал на ноги. Получил диплом, заимел вес. Тут и появилась наша первая ласточка. История начала повторяться. Только тогда мы поняли, что до этого не нюхали пороха. Наш сын лил крокодиловы слезы, а мы кусали локти и ревели белугой.

Однако мы несли свой крест и, где мытьем, а где катаньем, начали успешно расхлебывать кашу, которую сами заварили. Много воды утекло с той поры, но и по сей день мы живем душа в душу, идем рука об руку и не хватает нам только птичьего молока.

Триатлон. Это слово, обозначающее новый вид спорта, появилось не так давно. Но популярность, которую приобретает это необычное троеборье во всем мире, способствует и известности нового спортивного термина. Данное троеборье включает в себя плавание на 3,8 км, велогонку на 180 км и классический беговой марафон на 42 км 195 м. Вот что пишет об этом интересном спортивном новшестве журнал «Юность» (1988. № 1):

«У триатлона есть своя легенда: на каком-то экзотическом берегу заспорили три чемпиона — пловец, велосипедист и бегун-стайер: кто из них самый выносливый, самый волевой и т. д.? И придумали триатлон — троеборье для „железных людей“. А в 1978 году на Гавайских островах состоялся уже крупный турнир, а вскоре и чемпионат мира, который теперь проводится ежегодно. Вот данные чемпионата 1985 года:

1200 участников из 31 страны, победил американец, 29-летний Скот Тинли, время — 8 часов 54 минуты 20 секунд. А чемпионаты Европы по триатлону разыгрываются четыре раза в год — факт уникальный».

Спортсменов, занимающихся этим видом спорта, называют троеборцами (возможно, вскоре появится синоним — *триатлонисты*).

Образовался новый спортивный термин по уже известной языковой модели: *три* (греч. *trias* — троичность) и *атлон* (греч. *athlon* — состязание); подобный термин — *биатлон* (лат. *bi* — приставка, обозначающая «состоящий из двух частей», и *-athlon*) — зимнее двоеборье (лыжная гонка на 20 км со стрельбой из винтовки на четырех огневых рубежах).

С. И. Алаторцева,
кандидат филологических наук

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
Ф. М. ДОСТОВЕВСКИЙ,
«БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

По горизонтали: 5. Мадам.
6. Осень. 9. Бедлам. 10. Уголок.
11. Пятно. 12. Брусоч. 15. Птичка.

17. Ловелас. 20. Сапоги. 21. Пушкин.
23. Театр. 27. Самсон. 28. «Шинель».
29. Гомер. 30. Вырин.
По вертикали: 1. Макар.
2. Емеля. 3. Роман. 4. Книги. 7. Фе-
дора. 8. Молоко. 13. Сукно. 14.
Крест. 16. Иртыш. 18. Заклад. 19.
Шинель. 22. Содом. 24. Егерь.
25. Трава. 26. Нищий.

*На вопросы читателей в этом номере отвечала сотрудник редакции
Л. А. Макарова*

Номер оформили художники: Н. Беланов, С. Жагин, Б. Захаров,
В. Леонов

Редакционная коллегия:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА,
В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ,
Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ,
И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ,
В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ, Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

Е. Н. Сапожникова

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 17.02.89

Подписано к печати 29.03.89

Формат бумаги 84×108/32

Бумага типографская № 2.

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 408,9 тыс.

Уч.-изд. л. 9,8. Бум. л. 2,5.

Тираж 47 500.

Заказ 2569. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25,
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6